

Е.А. Огнева

**Когнитивное моделирование
концептосферы художественного текста**

УДК 81-13+81'23

ББК 81

О-38

Научный редактор:

Н.Ф. Алефиренко – доктор филологических наук, профессор БелГУ

Рецензенты:

Н.А. Беседина – доктор филологических наук, профессор

Н.Н. Кириллова – доктор филологических наук, профессор

Е.А. Огнева.

Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. дополн. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.

В монографии обсуждаются актуальные проблемы когнитивно-составительного моделирования концептосферы художественного текста, определяется роль нового методологического подхода к исследованию текстовой структуры. Разрабатываются методы и принципы графического моделирования статичных и динамичных когнитивных структур, репрезентирующих когнитивные образования концептосферы художественного текста. Обосновывается перспективность когнитивно-составительного моделирования в теории и практике когнитивно-ориентированной транслятологии.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей.

ISBN 978-5-906162-82-3

ISBN 978-5-906162-82-3

© Огнева Е.А., 2013

© Оформление. Издательство «Эдитус», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧЕВЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ КОНЦЕПТА.....	13
1.1. Культурологическая интерпретация художественной речи.....	13
1.1.1. Единство языка, мышления, сознания: методологическая основа когнитивно-культурологического сопоставления.....	13
1.1.2. Язык, речь и культура как объекты транслятологии...	17
1.1.3. Языковые картины мира как проблема когнитивной транслятологии.....	20
1.2. Концепт как бытийно-смысловой феномен.....	26
1.2.1. Концепт как носитель смысла.....	31
1.2.2. Концепт и языковой знак.....	37
1.2.3. Концепт как полевая структура.....	47
1.3. Художественный текст в системе речевых реализаций концепта.....	49
1.3.1. Когнитивно-коммуникативная рамка художественного текста.....	49
1.3.2. Художественный концепт в структуре текста.....	53
1.4. Типология художественных концептов.....	61
1.4.1. Типы художественных концептов.....	62
1.4.2. Типы структур представления знаний.....	69
1.5. Художественный дискурс как среда функционирования концепта.....	75
ГЛАВА 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕР ТЕКСТА-ОРИГИНАЛА И ТЕКСТА-ПЕРЕВОДА.....	82
2.1. Моделирование концепта как способ его интерпретации.....	82
2.1.1. Модели описания концепта.....	82
2.2. Моделирование концептосферы текста-оригинала.....	88
2.3. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста.....	92
2.3.1. Интеркультурное пространство художественного	

концепта.....	93
2.3.2. Методика когнитивно-сопоставительного моделирования концептосферы художественного текста.....	98
2.4. Когнитивно-сопоставительное моделирование фреймовой организации знаний.....	101
2.4.1. Модель субфрейма ‘офицер Белой армии’.....	107
2.4.2. Модель субфрейма ‘командир Красной армии’.....	116
2.4.3. Модель субфрейма ‘воины’.....	123
2.5. Когнитивно-сопоставительное моделирование сценария.....	128
2.5.1. Модель сценария ‘князь Андрей Болконский в битве при Аустерлице’.....	128
2.6. Когнитивно-сопоставительное моделирование сцены.....	134
2.6.1. Модель сцены ‘молитва’.....	134
ГЛАВА 3. КОГНИТИВНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕГА-ФРЕЙМА «РОССИЯ».....	144
3.1. Социокультурная архитектоника концептосферы художественного текста.....	144
3.2. Приядерная зона мега-фрейма.....	149
3.2.1. Модель фрейма ‘Петербург’.....	149
3.3. Ближайшая периферия мега-фрейма.....	159
3.3.1. Модель фрейма ‘быт русского народа’.....	159
3.3.2. Модель субфрейма ‘крестьянское жильё’.....	162
3.3.3. Модель субфрейма ‘самовосприятие русского народа’.....	175
3.3.4. Модель фрейма ‘хозяйственная жизнь России’.....	193
3.4. Дальняя периферия мега-фрейма.....	206
3.4.1. Модель фрейма ‘Русь Святая’.....	206
3.4.2. Модель субфрейма ‘праздники’.....	211
3.4.3. Модель субфрейма ‘иконы Пресвятой Богородицы’.....	215
3.4.4. Модель субфрейма ‘святой’.....	218
3.4.5. Модель субфрейма ‘Церковь’.....	221
3.5. Крайняя периферия мега-фрейма.....	226
3.5.1. Модель фрейма ‘природа России’.....	226
3.5.2. Модель субфрейма ‘степь’.....	228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	241

ВВЕДЕНИЕ

Мы можем довести описание (концепта)
лишь до определенной черты,
за которой лежит некая духовная реальность,
которая не описывается, но лишь переживается
/Степанов. «Константы. Словарь русской культуры»/

В когнитивно и дискурсивно ориентированной транслатологии особую актуальность приобретает изучение концептосферы художественных произведений, где дискурс как генератор смысла, речемыслительный феномен, вступает во взаимодействие с концептосферой и отражающими её когнитивными категориями реципиента (в нашем исследовании – читателя и переводчика).

Текстовая реализация концепта представляет собой отдельную область когнитологии. Художественный текст занимает специфическое место в системе речевых реализаций концепта, так как он является фиксированным вариантом индивидуально-авторского концепта, задающего рамки когнитивно-коммуникативной концептосферы произведения. Под текстом нами понимается целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора.

Существует инвариант восприятия текста «когнитивной базой» переводчика, которая оказывает влияние на степень адаптации параметров концептосферы художественного текста, т.к. «понять и раскрыть смысл образа, смысл книги – право и обязанность переводчика» [Галь 2001: 227].

Одним из актуальных направлений современной когнитивной лингвистики является исследование концептосферы художественного текста как двухуровневого когнитивно-дискурсивного конструкта, представляющего собой совокупность художественных концептов, которые реализуются преимущественно такими когнитивными структурами как

мега-фрейм, сценарий, сцена, образующими когнитивную ауру.

Когнитивно-дискурсивное изучение концептосферы текста-оригинала и текста-перевода является необходимым условием её моделирования, которое преследует одну глобальную цель: осмысление механизмов сопряжения категорий языковой действительности с коррелирующими когнитивными категориями, являющимися результатом освоения мира человеческим познанием.

В числе приоритетных задач когнитивно-дискурсивной концепции является решение таких дискуссионных проблем, как:

- (а) соотношение текста и дискурса,
- (б) когнитивная структура концептосферы художественного текста,
- (в) сопоставительное моделирование речевых репрезентаций когнитивных структур в теории и практике транслятологии,
- (г) принципы передачи когнитивной ауры концептосферы оригинала средствами языка-перевода.

Концептосфера художественного произведения рассматривается в качестве совокупности концептов, которые репрезентируются такими форматами когнитивных структур как: мега-фреймы, сценарии, сцены и т.д., образующими номинативное поле.

Когнитивно-дискурсивная транслятология подпитывается современными лингвистическими теориями [см. подробнее: Демьянков 1995] и положениями достаточно, убедительно обоснованными в когнитивной лингвистике и транслятологии:

1. Этнокультурное своеобразие видения мира отражено в коллективном сознании и коммуникативном поведении представителей соответствующей культуры (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Й. Вайсгербер, Е.М. Верещагин, Л. Витгенштейн, В. Гумбольдт, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, А. Wierzbicka и др.).

2. В основе порождения картины мира лежат концепты – ментальные образования разной природы, которые, как правило, получают языковое воплощение (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, Ю.С. Степанов, A. Wierzbicka и др.).

3. Основными единицами, создающими культурно-познавательное пространство художественного текста, являются культурные концепты, которые могут объективироваться разными номинативными средствами (главным образом лексическими и фразеологическими) (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телня и др.).

Данная работа выполнена в русле когнитивно-дискурсивного моделирования концептосферы текста-перевода, что способствует комплексному осмыслению процессов адаптации когнитивных образований и репрезентирующих их языковых структур, формирующих концептосферу текста-оригинала при переводе.

Этой цели служат базовые понятия, вводимые и препарированные в работе. В их число включены понятия **когнитивно-сопоставительное моделирование, концепт, художественный концепт, N-когнитивная структура**.

Категориально-понятийной базой исследования служат как вводимые нами, так и препарированные для решения поставленных задач понятия:

Когнитивно-сопоставительное моделирование – это схематическое представление номинативного поля языковых образований, вербализующих когнитивные структуры в составе концептосферы художественных произведений.

Моделирование осуществляется на основе данных, полученных при сопоставлении плана содержания и плана выражения компонентов, вербализующих когнитивные структуры оригинального текста и его переводных вариантов.

Концепт – это своего рода энграмма (осадок в памяти) мысленно сформулированного образного содержания. В своём существовании концепт служит оперативной единицей мышления автора текста-оригинала и переводчика.

Художественный концепт – компонент концептосферы художественного текста автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и являются в сознании автора когнитивно-прагматически значимыми для развития сюжета; создают когнитивную ауру произведения и требуют от переводчика определённой межкультурной компетенции.

N-когнитивная структура – это совокупность не моделируемых когнитивных структур концептосферы в силу их низкой частотности в исследуемых текстах. Введение этого понятия позволяет ограничить рамки изучаемого нами материала, необходимого при графическом когнитивно-сопоставительном моделировании N-сегмента концептосферы.

Объектом исследования является концептосфера художественных текстов русской прозы и их переводов на английский и французский языки.

Предмет исследования составляют языковые структуры, вербализующие когнитивные образования, которые формируют концептосферу художественного текста, её когнитивную ауру, претерпевающую воздействие ментального кода переводчика в процессе трансляции.

Цель исследования заключается в изучении ядерно-периферийной структуры концептосферы художественных произведений путём её моделирования, которое эксплицирует степень модификации когнитивно-коммуникативного пространства текста при переводе и выявляет объём соответствия русской картины мира, отраженной в оригинале, её транслированному варианту.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1. Рассмотреть художественный текст и дискурс как средство речевого порождения и реализации художественных концептов в оригинальном и переводном текстах.

2. Разработать типологию когнитивных структур, выявленных в коммуникативно-дискурсивном пространстве художественного текста.

3. Установить языковые и речевые средства репрезентации когнитивных структур в пространстве художественного текста.

4. Структурировать концептосферу произведения как двухуровневую модель, в её формальном и смысловом единстве.

5. Разработать методику когнитивно-сопоставительного моделирования мыслительных образований в единстве с репрезентирующими их языковыми структурами.

6. Исследовать смысловые конфигурации художественных концептов в качестве комплексных полевых структур в составе концептосферы текста-оригинала и текста-перевода.

7. Выявить степень возможной модификации этноязыкового пространства произведения в процессе его адаптации; установить объём переведённой информации, обеспечивающей адекватное восприятие транслированного текста франкоговорящими и англоговорящими читателями.

Для достижения поставленной цели и решения сформулированных задач в работе используется комплексный подход к исследованию структуры концептосферы текстов оригинала и перевода. Концепты, рассматриваемые в культурологическом, лингвистическом, философском и других аспектах, в транслятологии требуют специфической интерпретации, классификации и адекватных методов исследования.

Основанием комплексного подхода к изучению материала является разработанный нами **метод когнитивно-герменевтического исследования** концептосферы худо-

жественного текста в его оригинальном и переводном вариантах.

Суть предложенного метода составляет система следующих приёмов и исследовательских шагов:

- сопоставительный и контекстуальный анализ результатов эвристического перекодирования художественных концептов с их инвариантами с последующей когнитивно-герменевтической интерпретацией стилистической архитектоники текста-оригинала и перевода;

- анализ дискурсивной динамики текста, предоставляющий материал для интерпретации и компаративного моделирования речевых реализаций когнитивных структур оригинала, претерпевающих воздействие когнитивной базы переводчика;

- концептуальный анализ структуры когнитивно-коммуникативного пространства оригинального текста и переводного и герменевтическое осмысление их динамики;

- семантико-когнитивный анализ единиц, вербализующих художественные концепты в когнитивно и дискурсивно интерпретируемой ауре текста оригинала и перевода.

Результаты, полученные путём применения **КОГНИТИВНО-герменевтического метода**,

(1) демонстрируют адекватность количественного и качественного наполнения когнитивных структур (фрейма, сценария, сцены) формирующих художественную концептосферу текстов оригинала и перевода;

(2) устанавливают основные тенденции процесса адаптации компонентов номинативного поля концептосферы исходного текста при переводе на английский и французский языки;

(3) являются основой для определения границ спектра языковых изменений знака при переводе;

(4) способствуют построению когнитивно-сопоставительной модели номинативных полей языковых образова-

ний, вербализующих когнитивные структуры исследуемой концептосферы.

Монография включает в себя три главы, Введение, Заключение.

В *первой главе*: (1) характеризуются когнитивно-культурологические аспекты речевых реализаций концепта как комплексной субстанции, подвергаемой воздействию когнитивной базы переводчика; (2) разрабатывается для теории и практики транслятологии типология концептов, реализующихся в художественном произведении; (3) исследуется текст и дискурс в системе речевых реализаций концепта.

Во *второй главе*: (1) излагаются принципы моделирования когнитивных образований и репрезентирующих их языковых структур, (2) моделируется номинативное поле концептосферы художественного текста, (3) создается методика когнитивно-сопоставительного моделирования, позволившая создать 3 модели когнитивных образований, формирующих художественную концептосферу; модели когнитивных структур, в рамках которых реализуются эти образования в тексте оригинала и перевода, а именно, построено 3 модели фрейма, 1 модель сценария и 1 модель сцены.

В *третьей главе*, на основе авторской методики построения когнитивно-сопоставительного моделирования создается модель концептосферы художественного текста, включающая в себя

(а) 7 трехслойных полевых моделей когнитивных образований,

(б) 6 моделей субфреймов,

(в) 7 моделей номинативных полей фрейм-элементов, реализующих концепты-элементы.

Построенные модели способствуют комплексному осмыслению процессов адаптации когнитивных образований и репрезентирующих их языковых структур концептосферы текста-оригинала при переводе, выявляют (1) степень трансформации структуры концептосферы художественного текста, (2) уровень трансляции социокультурного слоя изу-

чаемой концептсферы, (3) объём соответствия русским реалиям тех образов, которые имплантируются переводами в сознание французского и английского читателя.

Автор выражает сердечную благодарность научному редактору монографии – доктору филологических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки РФ, действительному члену Академии социальных и гуманитарных наук, члену-корреспонденту РАН Николаю Фёдоровичу Алефиренко, чьи мудрые советы способствовали написанию данной работы. Слова глубокой признательности – профессору Н.А. Бесединой, профессору Н.Н. Кирилловой за высказанные замечания и предложения.

ГЛАВА I. КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧЕВЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ КОНЦЕПТА

Концепт – это энграмма мысленно сформулированного образного содержания, коллективный архетип культуры. Концепт в своём существовании служит оперативной единицей мышления

/Алефиренко Н.Ф. «Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова»/.

1.1. Культурологическая интерпретация художественной речи

1.1.1. Единство языка, мышления, сознания: методологическая основа когнитивно-культурологического сопоставления

Характерной чертой современной гуманитарной науки является поиск смысловых и языковых доминант русской национальной личности [Wierzbicka 1990: 13-36; Буянова 2002].

Концептосфера русского языка, созданная художественной литературой и фольклором, исключительно богата, поэтому национальный язык рассматривается <...> как исключительный культурно-ментальный феномен, представляющий собой духовную, одушевленную ипостась [Лихачев 1997: 281], языковые репрезентации которой можно смоделировать [Johnson-Laird 1983].

Художественная речь, как и язык в целом, не может быть охарактеризована вне её связи с человеком. При этом, как отмечает А.В. Кравченко, «... естественная языковая способность человека оказывается альфой и омегой в том смысле, что без обращения к языку нельзя понять суть других когнитивных способностей» [Кравченко 2001а: 3], т.е. язык оказывается важнейшим объектом когнитивной науки, её эпицентром.

Подход к языку с таких позиций привёл к формированию новой научной парадигмы, получившей название «когнитивная лингвистика» [см.: Кубрякова 1994: 34-47; Демьянков 1994: 17-33; Касевич 1998; Кобрин 2000: 170-175; Лузина 1996а; Лакофф, Джонсон 1988: 34-58; Norman 1980; Ungerer 1996; Croft, Cruse 2004 и др.].

Основные результаты становления и активного развития принципов когнитивной науки заключаются в следующем:

А. Дополнена идея об определении языком логического строя мышления [ср.: Кацнельсон 2001].

В своей структуре и семантике язык отражает основные параметры мира, обусловленные потребностями мышления [Выгодский 1996; Jackendoff 1995; Hurdy 1998]. А.Ф. Лосев констатировал: «... мышление начинается с того момента, когда из глобальной, беспорядочной и эмпирически ползучей действительности выделяются отдельные предметы и ставится вопрос об их смысловом содержании» [Лосев 1983: 147-148], тогда как Н.И. Жинкин полагает, что «... в некоторых случаях легко обнаруживается полный параллелизм языка и мышления» [Жинкин 1998: 147].

Процессы и формы мышления носят общечеловеческий характер и протекают по единым законам работы мозга, тогда как содержание мышления имеет национальный характер, где находят свое отражение психический склад и духовный облик народа, особенности его быта, культуры [Попова 1987: 58] и языка, что обеспечивает в сопоставительной лингвистике концептуальное осмысление категорий культуры в речи [ср.: Кругликова 2004: 148].

Б. Уточнена степень зависимости языка от характера познавательной действительности.

Язык как «объективированная форма существования сознания» рассматривается в виде специфических индивидуализированных систем смыслов.

Системы смыслов обладают сходством и различием, наряду с культурно-генетическими основами индивидуаль-

ного сознания, которые формируют концептуальную основу речи как некую призму с признаками коллективного (социокультурного) сознания [ср.: Hudson 1985: 284-287; Holland 1987; Лурия 1998; Сулимов 2006: 41-42].

Коллективное сознание проявляется в антропоцентричности языка и речи в рамках их «когнитивных картин» [ср.: Рябцева 2000], где язык – это вторичная, объективированная форма существования сознания по существующей концепции соотношения единиц языка и единиц речи [Алефиренко 2005в: 58].

В. Детализированы принципы опосредованности реальности языком.

Л. Витгенштейн подчеркивал: «границы моего языка определяют границы моего мира» [Витгенштейн 1958], что ещё раз подтверждает опосредованность реальности языком, который создает образ мира. Будучи основой человеческого бытия, язык, согласно Вайсгерберу, связан со всеми жизненными проявлениями отдельного человека и языковой общности в целом [ср.: Арутюнова 1999].

В своей концепции Н.В. Крушевский устанавливает связь между языком и окружающим миром в логических понятиях классификации и обобщения: «... мир понятий, представляет известное число общих категорий, таких как предмет, его признак, <...>. Каждая из этих категорий имеет свою большую или менее обширную семью: представления о предметах действующих, о предметах, испытывающих действия других предметов, о предметах, служащих орудием при действии» [Крушевский 1883: 108-109].

Вышеприведенная классификация (1) позволяет рассматривать возможности использования языка как источника сведений об окружающем мире [Бабушкин 2003: 12], (2) служит как познанию мира, так и речемыслительному процессу, являясь компонентом идеологической парадигмы индивидуального сознания.

Г. Изучается национальный аспект языковой концептуализации мира.

Знание языка позволяет проникнуть в образ мышления нации, так как, по словам Ю.Н. Караулова, «... национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения» [Караулов 2002: 42], реализуясь в речи.

Ещё В. Гумбольдт писал: «В каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне.

Язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1985: 132], так как каждый язык по-своему членит мир, имея свой способ концептуализации, совокупность собственных знаний о мире [Лагоденко 2006: 361, Булыгина 1997, Кубрякова 2004б], что и находит отражение в речи, в частности, в художественной речи как компоненте познавательной деятельности человека.

Д. Исследуется вопрос о концептуальной основе художественной речи.

Концептуальная основа языка и речи индивидуальна, но обладает признаками коллективных форм мышления [ср.: Сулимов 2006] и включает идеологическую парадигму в общий социально-культурный контекст, т.к. разные языки – это результат различных «видений» мира и «... каждый человек несет в себе ключ к пониманию всех языков, а это значит, что форма всех языков в сущности одинакова и должна достигать общей цели языка» [Гумбольдт 1985: 279].

Сопоставление языков как сложных знаковых систем в пределах национального семиозиса основано на двух главных экзистенциальных правилах, определяющих условия существования сложных знаковых систем:

во-первых, естественный язык как система существует в той степени, в которой его единицы способны совершить уровневый (семиотический) переход;

во-вторых, естественный язык как система существует в речи: тексты, информационные системы, жанровые и стилевые объединения и т.п.

Такие крупные самоорганизующиеся подсистемы формируют пространство функционирования языка [ср.: Сулимов 2006: 40].

Этот принцип учитывается при сопоставительном исследовании разносистемных языков, их культурологической интерпретации, что позволяет по-новому осмыслить сложные взаимоотношения языка, мышления и сознания, с одной стороны, и языка и культуры, с другой [Jackendoff 2007].

1.1.2. Язык, речь и культура как объекты транслятологии

Когнитивное описание сопоставляемых языков связано с двумя видами интерпретации:

- культурологической интерпретацией языка [см.: Сепир 1993],
- философской интерпретацией его носителя – языковой личности как сложного интегрирующего речевого начала.

Культурологическая интерпретация языка в теории транслятологии рассматривается по двум направлениям:

- во-первых, научно-культурологический аспект;
- во-вторых, культурно-прагматический аспект исследований, где язык может быть представлен как среда культурного обитания его носителей [Кобрин 2003: 228-231].

Основой научно-культурологического направления исследований является научный интерес и духовная потребность познания [см.: Вежбицкая 1996] других народов, их культуры, национального характера и менталитета, тогда как культурно-прагматический аспект вытекает из осознания необходимости глубокого знания других культур с учетом того, что как русская культура, так и русский язык, характеризуется

тем, что они не нуждаются в культивировании, представляя собой процесс культивирования.

Особенности культуры проявляются и передаются через исторические события, формирующие через призму данной культуры её язык, русскую модель мира [ср.: Колесов 1991: 106-124; Шмелёв 2002, 2004].

В лингвокультурологических исследованиях конца XXв. уделяется внимание теории культурного кода [Алефиренко Н.Ф., Красных В.В., Телия В.Н. и др.]. В когнитивной лингвистике «код культуры» определяется как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [Дронова 2006: 344].

Ученые соотносят коды культуры с древнейшими архетипическими представлениями человека, так как диахронические изменения лексикона, морфологии и синтаксиса [ср.: Givón 1984] оказывают влияние на код культуры. В свою очередь, Е.Я. Режабек обращает внимание на следующий фактор: в поведении общественного человека традиция перевешивает инновацию, указывая на то, что коллективный опыт может быть только прошлым по отношению к использованию его индивидом [Режабек 2003: 25].

Язык, речь и культура могут рассматриваться в качестве компонентов переводческого кода [ср.: Огнева 2004].

В нашем исследовании сопоставление текстов оригинала и перевода базируется на том, что язык и культура [Лотман 1987] имеют как сходные, так и различные структурные черты:

- культура структурно подобна языку, несмотря на то, что они являются различными семиотическими системами;
- связь между языком и культурой определяется онтологически, так как и язык, и культура является результатом творческой ментальной деятельности человека;
- язык как неотъемлемая и значимая часть любой национальной культуры позволяет проникнуть в образ мышления;

– сфера языка шире сферы реального многообразия в мире и в обществе, что предопределено шириной ментальности человека;

– язык является неотъемлемой и важнейшей частью национальной культуры [ср.: Аругтонова 1995], «хранилище народного духа, культуры, объединённая духовная энергия народа» [Гумбольдт 1985].

Существует три вектора взаимоотношений языка и культуры:

(1) действие языка на языковую общность и результаты этого действия;

(2) влияние общности и культуры на язык;

(3) развитие параллелей между языком и другими культурными явлениями, тем не менее, по мнению N. Love «There is a logical distinction between first-order language and second-order cultural constructs» [Love 2004; 2007].

Язык и культура взаимосвязаны с помощью некоторого промежуточного образования, которое идеально реализуется в языке как значение [Карасик 1996; Zlatev 2002].

Значение, как полагает В.А. Маслова проявляется следующим образом:

(1) обеспечивает онтологическое единство языка и культуры,

(2) представляет собой нечто идеальное, входящее в язык в виде значения языковых знаков [см. подробнее: 1.3.2.],

(3) существует в культуре как в форме её предметов, так и в форме результата деятельности [Маслова 2001: 54].

Изучение вышеперечисленных аспектов взаимосвязи, взаимовлияния и взаимозависимости культуры и языка направлено на комплексное исследование и преодоление многочисленных проблем межкультурной коммуникации [см.: Моисеева 2002; Леонтович 2002, Гудков 2003, Тер-Минасова 2000, 2007 и др.]. Ряд коммуникативных проблем решается в процессе перевода художественных произведений [см. Главы II, III], так как «весь человеческий опыт убеждает нас в воз-

возможности перевода» [Вежбицкая 1993: 186], который учитывает следующие моменты:

(1) психологические аспекты речепорождения и культуры [ср.: Мацумото 2002],

(2) наличие культурных доминант, которые, по мнению В.И. Карасика, объективно выделяются и могут быть измерены.

Этнокультурная специфика доминант может быть выявлена посредством картирования соответствующих лексических и фразеологических групп [ФРФС 1963; РАФСП 2001], сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов [Карасик 1996: 3-16].

Исследование языка, обладающего ярко выраженной синергетикой [Алефиренко 2006а: 22], позволяет увидеть и понять человека «изнутри» [Вендина 2002: 6], так как язык является неотъемлемой частью человеческой когнитивной способности, и, в то же время, он как часть мира [Paradis 2003] формирует языковую картину мира.

1.1.3. Языковые картины мира как проблема когнитивной транслятологии

На современном этапе развития когнитивной лингвистики особое внимание придается исследованию когнитивных предпосылок, которые способствуют:

(1) формированию семантических структур,

(2) взаимодействию семантических и когнитивных структур,

(3) транслированию информации в структурно иную лингвистическую среду.

Взаимодействие семантических и когнитивных структур рассматривается под призмой соотношения концептуальной и языковой картин мира [ср.: Langacker 1988: 49-90].

Термин *картина мира* был употреблён впервые Людвигом Витгенштейном [Витгенштейн 1958] в его работе «Логиче-

ко-философский трактат», в антропологии и семиотике этот термин закрепился благодаря научным трудам Лео Вайсгербера [СК 1999].

Картина мира – это вторичное существование мира, структура которого во многом определяется принципом систематизации составляющих ее объектов, поэтому она и представляет собой фрагмент универсального «картирования» действительности человеческим сознанием [ср.: Касевич 1996; Бабушкин 2003: 12; Попова, Стернин 2002; Кубрякова 2003].

Каждый язык объективирует собственную картину мира, которая оказывает воздействие на сущность языковой личности и на содержание порождаемого ею высказывания. Благодаря этому свойству языка и возможны сопоставительные исследования, в частности, когнитивно-культурологическое сопоставление текстов оригинала и перевода.

Основой для осуществления когнитивно-культурологических сопоставительных исследований художественных произведений является тот факт, что процесс воспроизведения картины мира в человеческом сознании един, нерасчленим и представляется в виде концептуальной и языковой моделей [Караулов 1976; Колпанский 1990; Попова, Стернин 2006 и др.].

Концептуальная модель базируется на концептуальной картине мира, получаемой в результате прямого познания окружающей действительности.

Концептуальная картина мира:

- (1) определяется как когнитивная,
- (2) складывается в сознании индивидуума под воздействием интеракции речевого взаимодействия [Сулимов 2006: 40],
- (3) представляет собой «результат когниции (познания) действительности,

(4) выступает в виде совокупности упорядоченных знаний – концептосферы» (см. 1.3.2.) [Попова, Стернин 2002: 4-5].

Языковая модель мира строится на языковой картине мира, которая являет собой:

(1) сокровищницу всех знаний, понятий и форм мышления, убеждений и оценок [Кубрякова 1999: 8];

(2) результат своеобразно закреплённого в каждом отдельно взятом языке отражения уникального общественно-исторического опыта определенной нации;

(3) проводник в процессе коммуникации личности с окружающей средой, что и позволяет ей, по мнению А.П. Бабушкина, объективно отражать восприятие мира носителями той или иной культуры;

(4) совокупность единиц, отражающих способ восприятия мира человеком: афоризмы, фразеологические единицы, фреймы типовых ситуаций, пословицы и поговорки, крылатые слова, метафоры, прецедентные тексты культуры, прототипические образы национальной культуры, устойчивые оценки фактов и явлений, образующих не последовательную <...> противоречивую окрашенную национальным колоритом языковую картину [ср.: Караулов 2001: 128-129].

Языковая картина мира характеризуется как динамичное явление [Гак 2000]. Она как бы «вмонтирована» в когнитивную структуру, где семантика, являясь составной частью такой структуры [ср.: Яковлева 1994; Васильев 2000; Кузнецов 2000; Селивёрстова 2002; Geeraerts 1993; Saeed 1997; Talmy 2001], определяется путем семантического и концептуального анализа, поэтому в языковой картине мира находит свое воплощение когнитивная функция языка. Установлено, что языковая картина мира не равна концептуальной, а является лишь её частью.

Концептуальная и языковая картины мира взаимосвязаны и взаимообусловлены онтологически, поэтому целесообразно рассматривать картины мира, обусловленные обра-

зом жизни и национальной культурой, не разделяя по степени их значимости для человеческого миропонимания.

Языковое сознание формирует образ мира [Леонтьев 1993: 16-21], который, наряду с картиной мира, концептуальной системой мира, моделью мира, представляет собой завершенный и целостный фрагмент глобального образа мира, который воспринимается как:

(1) основа субъективного миропонимания,

(2) результат системной духовной активности человека по освоению всей своей предметно-практической деятельности.

Усилиями коллективной лингвокреативной деятельности этнокультурного сообщества глобальный образ мира превращается в этноязыковую картину мира [Алефиренко 2006: 20-21; Быкова 2005], отражаемую писателем в произведении.

Личностная этноязыковая картина мира заявляет наиболее полно о себе в процессе межкультурного общения [Шмелев 2004: 29-30], «все грани которого отчётливо высвечиваются в художественном переводе» [Денисова 2003: 14].

В качестве примера рассмотрим процесс трансляции средствами французского и английского языков компонентов русской этноязыковой картины мира, отображенной в художественных произведениях. Выбор языков обусловлен тем, что «Россия дала удивительный пример глубокой и сильной любви к иностранному – французскому языку, что в образованных кругах русского общества XIX века родной язык был отеснен на второй план. Уровень культуры и образованности человека в России того времени измерялся уровнем знания французского языка [Гер-Минасова 2007], а английский язык является языком международного общения.

Итак, сопоставим один из сегментов русской этноязыковой картины мира: *Горница была большая, с голландской печью и перегородкой. Под образцами стоял раскрашенный узорами стол* (Голстой. Анна Каренина 1984: 323) с переводами на вышеуказанные иностранные языки.

Переводчик доносит до французского читателя эту картину быта следующим образом: *La pièce était vaste, munie d'un poêle hollandais et séparée en deux par une cloison; à la place d'honneur sous les images saintes, trônait une table bariolée d'arabesques* (Tolstoï. Anna Karénine 1952: 361).

Англоговорящий читатель воспринимает следующую картину быта *The parlor was a big room, with a Dutch stove, and a screen dividing it into two. Under the holy pictures stood a table painted in patterns* (Tolstoy. Anna Karenina, part III, ch. XXV).

Лексемы *горница, образа, раскрашенный узорамн стол* являются маркерами исследуемой картины мира, отраженной на страницах художественного произведения.

Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода показывает, что культурема русской этноязыковой картины мира – *горница*, которая обозначает *отдельный сруб без печи*, транслитерирована следующим образом:

(а) нивелирована во французском тексте – *la pièce* (комната);

(б) английский переводной вариант – *parlor* (общая комната, гостиная, отдельный кабинет) подчеркивает особый статус комнаты.

Пространственные параметры единицы (*горница*) *была большая* сохранены в двух переводных вариантах – *était vaste (fr.), was a big room (engl.)*.

Лексема *голландская (печь)* заимствована из голландской этноязыковой картины мира в русский язык путем транслитерации корня и частичного изменения формы в соответствии с правилами русской грамматики. Этот тип печи появился в России в XVIII веке, но, по мнению специалистов, «голландские печи были непригодны для русских климатических условий» [Вклад русских ... 2003], более того, «В середине XVIIIв. французский инженер Монталамбер вывез в Париж группу русских печных мастеров-инструкторов. Лучший камин в описаниях французских инженеров того времени так и назван «русским камином» (там же).

В результате сопоставительного исследования лексемы *голландская печь*, отражающей картину быта России XIX века в тексте оригинала, и её переводных вариантов выявлено, что во французском тексте единица перевода фонетически созвучна русскому варианту: *d'un poêle hollandais*; а в английском – подобран эквивалент *a Dutch stove*.

Далее, установлено, что третий компонент описания жилья – транслема *перегородка*, обозначающая составную часть дома, переведена адекватно: (а) на французский язык – *une cloison*; (б) на английский язык – *a screen*.

Известно, что самое значимое место в доме русского христианина – это святой угол, красный угол – *образá*, как говорилось в народе.

В рассматриваемом тексте четвёртый компонент описания – транслема *под образáми*, в состав которой входит культураема *образá*, перекодирована: (а) на французской язык описательно, что позволило равноценно отобразить содержание пространственных характеристик, но увеличило объём словосочетания: *à la place d'honneur sous* (на почетном месте под ...), тогда как культураема *образá* – *les images saintes* (святые картинки) переведена не в полном объёме; (б) на английский язык культураема транслирована неадекватно *under the holy pictures* (под святыми картинками), вследствие чего перевод отобразил план содержания транслемы искаженно.

Исследование выявило, что транслема *раскрашенный узором стол* перекодирована на французский язык как *une table bariolée d'arabesques*, что переводится как *раскрашенный арабесками стол*.

Лексема *арабески* означает «сложный узорчатый орнамент из геометрических фигур, стилизованных листьев, первоначально в духе арабского стиля» [ТСИС 2000: 74] и, по нашему мнению, является избыточной в данном французском контексте [см.: подробнее: Моисеева, Огнева 2003: 144].

На английский язык транслема адаптирована словосочетанием *a table painted in patterns* (стол, раскрашенный картинками), что соответствует оригиналу.

Таким образом, из пяти компонентов рассматриваемой русской картины быта девятнадцатого века, описанной в исследуемом художественном произведении, в тексте перевода на французском языке адаптировано в полном объеме только 2 компонента, а на английском языке – 4 компонента.

Такой результат обусловлен:

- (1) различиями в этноязыковой картине мира русских, французов, англичан,
- (2) особенностями личностных этноязыковых картин мира писателя и переводчиков,
- (3) несовпадением концептов инварианта и вариативного текста, так как языковая картина мира основывается на специфических логико-языковых единицах – концептах, которые являются: (1) структурными компонентами «языка ментальных построений», опосредующего связь мышления с естественным языком [см.: Арутюнова 1993; Карасик 2003, 2004; Харькова 2006: 26-28]; (2) первичными культурными образованиями, транслируемыми в различные сферы бытия человека.

1.2. Концепт как бытийно-смысловой феномен

Концепт в понимании П. Абеляра (XI-XII вв.) – это логико-лингвистическая категория, образующая мост между миром мысли и миром бытия.

В центре внимания философа не вещь, не слово как звучание голоса, а слово как значение. П.Абеляр не отождествляя концепт с понятием, как это делалось в последующей логико-философской традиции, т.к. для него концепт предельно субъективен, связан не с языковыми структурами, но с речью (см. подробнее: 1.3., 1.5.), ориентирован на адресата, формируется под влиянием не только логических процедур абстрагирования, но также чувственного опыта и воображения [Неретина 1992: 143].

Исследование истории употребления термина *concept* в научном дискурсе показывает, что он появился в Средневековье в споре об общих понятиях («универсалиях»).

Концептуалисты – сторонники направления схоластической философии, основанного П. Абеляром, – доказывали свои воззрения на универсалии, которые представили следующим образом:

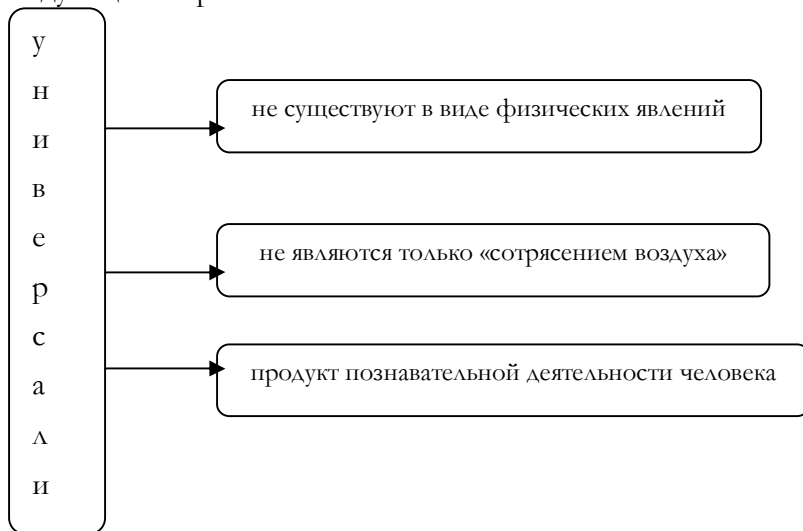

Схема 1.

Универсалии как продукт познавательной деятельности человека представляют собой *концепт*. Рассмотрим историю развития термина *концепт*.

Франция. «В эпоху, когда латынь была языком науки во Франции и до конца XIX века, термин *concept* в научном французском языке употреблялся редко», – делает вывод В.З. Демьянков [Демьянков 2001: 35-47]. У Декарта в работе «Discours de la méthode», написанной по-французски, термина *concept* нет, вместо него употребляются *connaissance* (современное *connaissance* – знание).

В словаре Лаланда начала XX века термину *concept* посвящено меньше места, чем термину *notion*. В процессе развития языка пассивное причастие *conçu* «задуманный» (от

concevoir) пришло на смену причастию *conceptus*; в современном французском языке *concept* – это имя существительное.

Во второй половине XX в. термин *concept* широко употребляется в привычном современным лингвистам значении [см.: Демьянков 2001: 37].

В настоящее время *concept* для французских исследователей – это то, что организуется в результате дискурсивной деятельности; ср.: Des discours <...> donnent lieu à certaines organisations de concepts, à certains regroupements d'objets, à certains types d'énonciation, qui forment selon leur degré de cohérence, de vigueur et de stabilité, des thèmes ou des théories [Foucault 1969: 85].

Англия. «Английскими словарями термин *concept* фиксируется со значением «понятие, идея, общее представление, концепция» и практически не встречается в классической художественной и философской литературе до второй половины XIX в.», – констатирует В.З. Демьянков [см.: Демьянков 2001]. В философских исследованиях Дж.Беркли, Д.Юма или Дж.Локка выявлен термин *conception*, тогда как *concept* отсутствует. У Т.Гоббса встречается *concept* один раз в значении *категория*, в контексте «принадлежать к категории».

Г.Спенсер в одной из основных работ употребляет термин *concept* десять раз в значении «понятие». Джеймс утверждает, что *concept* – строевой материал концепции. Э.Сепир предложил классификацию понятий (*concepts*), в принципе поддающихся выражению с помощью языка, где *концепт* – капсула мысли, в конденсированном виде содержащая (или даже генерирующая) все возможные эпизоды жизни (переживания, опыт).

В настоящее время *концепт* встречается в английской научной и художественной литературе чаще, чем в XIX в. С начала 70-х гг. XX века сформулирована идея семантических сетей и концептами называют узлы в сетях, соответствующие элементам, связи между которыми моделируют, описывая семантику языкового выражения.

В «Longman Dictionary of Contemporary English» *концепт* определяется как «someone`s idea of how something is, or should be done» (чья-то идея о том, как что-то сделано из чего-то или как оно должно быть сделано) [LDCE 1995: 279].

В современной научной литературе *concept* часто применяется когнитивистами, разработчиками систем искусственного интеллекта, психологами, семиотиками, которые этим термином подчеркивают неординарность подхода к решению проблемы [Jackendoff 1992: 191-209].

Поиск грани между концептом и понятием с целью решения переводческих проблем отражен и в работе Н.К. Гарбовского «Теория перевода» [Гарбовский 2004: 273-278].

Россия. В отечественном языкознании нет однозначного подхода к характеристике этого многогранного явления – *концепт*, который рассматривается как стереотип языкового и культурного сознания, как бытийно-смысловая субстанция в работах Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева, Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др.

Существует множество определений термина *концепт*, сформулированных ведущими отечественными лингвистами. В рамках нашего исследования релевантными являются такие определения как

➤ М.М. Бахтин: концепт – это «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих реализаций ...» [Бахтин 2000].

➤ Ю.С. Степанов: концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 41], «то, посредством чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, посредством чего – обычный человек, не «творец культурных ценностей», – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов 2001: 43].

➤ В.Г. Кузнецов: концепт – это некоторая изначальная совокупность знаний, представлений и

суждений о той или иной составляющей картины мира, а также некоторое виртуальное замещение этой реальной картины совокупностью символов, знаков, т.е. некоторой вторичной картиной, сложившейся в ходе познания мира с целью упорядочения, упрощения и приспособления для существования в первичной картине [Кузнецов 2000].

➤ З.Д. Попова, И.А. Стернин: концепт – дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отображаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [Попова, Стернин 2006: 24].

Резюмируя вышеперечисленные определения термина *концепт*, согласимся с мнением С. Г. Воркачевав том, что «концепт – ментальная единица, отмеченная лингвокультурной спецификой и имеющая языковое выражение» [Воркачѳв 2001: 70]. Выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, – это закономерный шаг в становлении антропоцентрической парадигмы гуманитарного, в частности, лингвистического знания [Воркачѳв 2003б: 272].

В настоящее время наукой установлено: простых концептов не существует. Концепт – это множественность, но не всякая множественность концептуальна. В концепте всегда есть составляющие, которыми он и определяется, то есть, имеет шифр. Концепты не всегда имеют основание в реальной природе вещей, но могут являться искаженными образами действительности [Рассел 1993: 454-456, Реале 1994: 109-114].

Степень концептуализации фрагментов реальной действительности в процессе трансляции концепта на иной

язык (концептуальная плотность) не равномерна и определяется концептуальным кодом писателя. На уровне индивидуального сознания возможен эффект отключения семантической программы языкового знака от породившей ее концептуальной системы по причине метаконцептуальной деятельности человека, индивидуальной рефлексии на концепт [Делез, Гваттари 1998: 26].

Исследования структуры концепта привели Е.С. Кубрякову к выводу, что концепт представляет собой зонтичный термин, объединяющий разные виды метальных явлений, функцией которых является структуризация знаний в сознании человека.

Общезвестно, что связь знаний, выраженных посредством языка способствует формированию понятий, представлений, образов, концептов и моделей.

Таким образом, концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции и, с увеличением количества закрепленных концептом признаков, с возрастанием уровня абстракции, концепт постепенно превращается из чувственного образа в мыслительный [Попова 2001: 70-71], а совокупность его языковых реализаций позволяет нам рассмотреть лингвокультурный концепт, определив его лингвокогнитивный статус как единицы художественного восприятия мира, имеющей полевою структуру и реализующейся в художественном тексте в качестве лингвокультурного художественного концепта.

1.2.1. Концепт как носитель смысла

Когнитивный статус концепта – это выполняемая им функция носителя и способа передачи смысла, функция, транслируемая при переводе (см.: подробнее: Главы II-III), т.к. концепт в культурно-историческом пространстве способствует культурной трансляции смысла. Именно смысл в наибольшей мере раскрывает суть термина *концепт* как онто-

логизированного комплекса субъективных представлений о действительности, актуализирующихся в языке в контакте с существующими в культурном контексте комплексами представлений о способах воплощения и рецепции этих смыслов.

Смысл отличается от значения тем, что он соотносится с ценностью и не существует без «ответного понимания, включающего в себя оценку» [Бахтин 1986: 322], так как смысл подразумевает наличие воспринимающего сознания и его носителей: конкретных коммуникантов. Этим смысл отличается от понятия [Зусман 2003].

В.В. Колесов настаивает на том, что концепт есть чистый смысл, не обретший языковой формы; это первосмысл, первообраз, архетип, константа и т.д. По мнению ученого, актуализация концепта (его воплощение, когда он становится явлением) происходит в слове через его содержательные формы (образ, понятие) лишь в конкретном проявлении слова [Колесов 2000: 56].

В этом случае под концептом следует понимать не *conceptus* (в значении ‘понятие’), а *conceptum* – ‘зародыш, зернышко’ первосмысла, из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности [Колесов 1999: 81].

Возникающие цепочки «своих» и «чужих» концептов имеют контекстуальный смысл. С. Аскольдов подчеркивает, что «иногда цепь этих образов направлена совсем не туда, куда влек бы их обыкновенный смысл слов и их синтаксическая связь» [Аскольдов 1928: 92]. Наукой доказано, что концепт является средством преодоления дискретного характера представлений о действительности.

Концептуальная структура на основе механизмов ассоциативности подчинена субъективной логике системы смысла, так как именно, в процессе познания и освоения окружающего мира, по мнению В.А. Масловой, в сознании человека формируются концепты и категории, которые являются соответственно конечными результатами процессов

концептуализации и категоризации, лежащих в основе когнитивных способностей человека [Маслова 2004: 46-47], где концепт есть некий ментальный конструктор действительности, проецируемый после «когнитивной обработки» в языковой уровень сознания [Фесенко 2005: 34].

В результате концепт рассматривается следующим образом:

Схема 2

Наряду с функцией носителя и способа передачи смысла самой существенной стороной концепта выступает функция заместительства, по мнению С.А. Аскольдова, который отмечает, что «только намеченная потенция может быть столь же полной в своих внутренних расчленениях, как и обещаемая ею актуальность, <...> концепт как зачаточный акт к возможным операциям над конкретностями способен уже заключать в себе осуществление логических норм или отступление от них» [Аскольдов 1928: 35].

Заместительная функция концепта символична, так как концепт является не отражением замещаемого множества, но его выразительным символом [ср.: Аскольдов 1997].

Мы придерживаемся следующей классификации компонентов концепта, которую предлагает В.И. Карасик, ос-

новными составляющими которой являются образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностная составляющая (оценка и поведенческие нормы) [Карасик 2002б; 2004: 118].

Отразим вышеперечисленные компоненты концепта в следующем схеме:

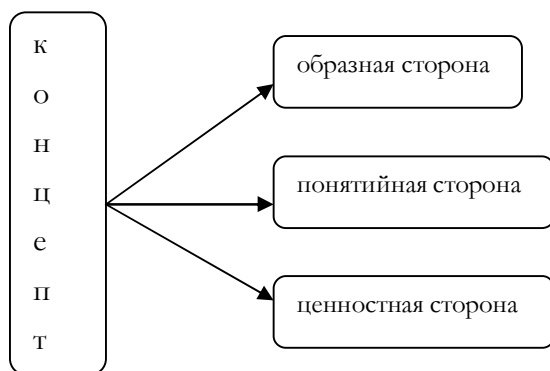

Схема 3

Проиллюстрируем структуру вышеперечисленных составляющих на примерах.

Образная сторона концепта:

а) зрительные характеристики предметов, например, концепт *'голод'* – *артисты поглядывали на меня с удивлением, показывали глазами на недоеденного гуся* (Макаренко. Педагогическая поэма, 1988: 260);

б) слуховые характеристики предметов, например, концепт *'музыка'*: *Медлительные звуки виолончели долетели до них из дому в это самое мгновение* (Тургенев. Отцы и дети, 1981: гл.9);

в) тактильные характеристики предметов, например, концепт *'внимание'*: *Проходя мимо Кати, он нагнул, тронул ее за плечо* (Голстой. Хождение по мукам, 1987: 391);

г) вкусовые характеристики предметов, например, концепт *'пицца'*: *Но Степан Аркадьевич <...> все находил превосходным: и травник, и хлеб, и масло, и особенно полток, и грибки, и кра-*

пивные щи, и курицу под белым соусом (Голстой. Анна Каренина, 1984: 161);

д) воспринимаемые обонянием характеристики, например, концепт *‘запах’*: *все еще горела вонючая лампочка* (Голстой. Хождение по мукам, 1987: 354).

Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов.

Концепты никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему опыта (см. подробно: глава III).

Ценностная сторона концепта отражает важность этого психического образования в двух аспектах:

а) для индивидуума, например, концепт *‘Родина’* – *Быть бы мне деревенской – все бы стало ясно, – сказала она и выткнула косточку. – Сколько раз слышала: родина, Россия, народ, а что это такое, – вот вижу в первый раз* (Голстой. Хождение по мукам, 1987: 409);

б) для коллектива: *У чехов еще жило отношение к России как к будущей освободительнице чешского народа от австрийской имперской власти. Чешские крестьяне, откармливая гусей к Рождеству, по старой традиции говорили: “Едного гуся для руса”* (Голстой. Хождение по мукам, 1987: 397).

Концепт как ментальное образование получает репрезентацию в различных сферах познаваемой, переживаемой, преобразуемой действительности и существует в индивидуальном и коллективном сознании, являясь двойственным, тройственным и т.д. Ценностная сторона является определяющей, как полагает Владимир Ильич Карасик, для того, чтобы концепт можно было выделить. Именно совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира, транслируемую при переводе, когда выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность кото-

рых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке и речи [Карасик 1996: 5].

Когнитивный статус концепта многомерен и реализуется, по мнению С.Г. Воркачева, в трех составляющих:

(1) *понятийная составляющая*: признаковая и дефиницированная структура концепта,

(2) *образная составляющая*: когнитивные метафоры, поддерживающий концепт в сознании,

(3) *значимостная составляющая* – этимологические, ассоциативные характеристики концепта [Воркачев 2004: 7].

Отобразим вышеперечисленные составляющие концепта в следующей схеме:

Схема 4.

Подчеркнём, что всегда есть возрастная, профессиональная, гендерная, а также индивидуальная составляющие концепта, которые вербализуются не во всем объеме и их не всегда удастся обнаружить при описании концепта как единицы художественного восприятия мира [Попова, Стернин 2006: 115]. Наукой установлено, что не существует также и концепта, который имел бы сразу все составляющие, ибо то был бы просто-напросто хаос; поэтому у разных авторов, от Платона до Бергсона, встречается мысль, что суть концепта в членении, разбивке и сечении. Он представляет собой целое, так как тотализирует свои составляющие, однако это фрагментарное целое [Делез, Гваттари 1998: 26].

Таким образом, в категории концепт нашла выражение потребность в синтезе различных форм культуры, с одной стороны, ориентированных на взаимоотношение

[Слышкин 2004: 29-34], а с другой – характеризующих комплексное восприятие мира.

1.2.2. Концепт и языковой знак

Концепт как единица восприятия мира имеет следующие инвариантные признаки:

– минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру (см. подробнее: 1.2.4.);

– основная единица обработки, хранения и передачи знаний;

– основная ячейка культуры [ср.: Маслова 2004: 46-47].

Установлено, что концепт имеет многокомпонентную, многослойную, нежесткую структуру, конституируемую концептуальными признаками.

Ю. Степанов определяет всего три «слоя» концепта [см. подробнее: Степанов 2001: 43]. Слои «различаются по степени абстрактности: от ядерного, предельно конкретно-образного, до периферийных высокой степени абстрактности. Слои находятся по отношению друг к другу в отношениях производности, возрастания абстрактности каждого последующего уровня» [Попова, Стернин 1999: 17].

В настоящее время наукой выявлены следующие слои концепта:

Базовый слой – определённый чувственный образ, который можно назвать кодирующим, так как он является основной первоначальной единицей, кодирующей данный предмет для дальнейших мыслительных операций, поэтому он есть в концептах любого типа (несмотря на то, что типы концептов разнообразны по содержанию и по структуре).

С базового слоя начинается формирование концепта, выделение его в сознании и языке человека. Если концепт обозначает исключительно чувственные представления, то его содержание может ограничиваться этим базовым слоем, тогда как в сложных концептах на базовый слой накладыва-

ются дополнительные когнитивные признаки, образующие n-число когнитивных слоёв, которые располагаются от более конкретного к более абстрактному, определяя структуру концепта, его содержание и объём.

Актуальный слой концепта связан с воспринимающим сознанием, то есть с непосредственной реакцией зрителя, слушателя или читателя на понятие и представление, воплощенные в концептах национальной культуры, которые изменяются, адаптируясь к требованиям времени [РАС 2002].

Образный слой формируется из образов и адекватно описывается посредством метафорических инвариантов.

Ассоциативный и символический слои концепта требуют для своего раскрытия полевой модели (см. подробнее: глава II), в которой учитывается тот факт, что с позиций уникально-специфической формы фиксации мира языковыми знаками в качестве лингвокультурной координаты языка выступает идиоматичность языкового знака [Карасик 2001: 3-16].

Предметный и понятийный слои концепта характеризуются В.В. Красных [Красных 2002: 167] как носители типичной, логически упорядоченной информации [ср.: Минский 1979].

Аскольдов указывал на подвижность границ между понятийными и образными моментами в структуре концептов и выражающих их слов [Аскольдов 1928: 85], так как посредством слова можно подключить к мыслительной деятельности различные концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные: существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы.

Взаимосвязь вышеперечисленных слоев концепта можно выявить путем анализа языковых средств, которые репрезентируют концепт и образуют поля (см. главы II, III).

Вышеперечисленные слои имеют определенную, но не жесткую организацию компонентов, которые образуют различные концептуальные сегменты:

- а) «буквальный смысл»,
- б) «внутренняя форма» или этимология концепта;
- б) «пассивный», «исторический» сегмент;
- в) новейший (актуальный) активный сегмент концепта;
- г) эволюционно-семиотический ряд как исторически сложившееся напластование смыслов;
- д) мета-позиция – «парение» над словами и вещами;
- е) сфера абстрактных определений – его граница познания «сверху»;
- ж) сфера индивидуального опыта – его граница познания «снизу».

Описание концепта требует учёта того факта, что содержание и смысл концепта – функционально неравнозначные величины.

Смысл концепта включает в себя как содержание языковых реализаций, так и ментальное содержание, не выраженное языковыми единицами.

Отразим вышесказанное в схеме:

Схема 5.

Исследование содержания языковых реализаций концепта (см. подробнее: глава III) подтверждает мнение Н.А. Кобриной о том, что «Схоластичность концепта делает механизм его связи с реальной вербализацией многообразным по типу и по неоднозначности получаемого результата» [Кобрина 2005: 81].

Содержание концепта формулируется в виде развернутой объемной дефиниции, включающей все составляющие его смысловые компоненты: категориальные, интерпретаци-

онные, ассоциативно-образные, оценочные, прагматические, модальные [ср.: Бабенко 2006: 40].

Для нашего исследования значима констатация следующих фактов:

(1) содержание концепта представляет собой глубинную структуру номинативного поля его языковых реализаций (вербализации),

(2) все ментальные операции с когнитивными структурами становятся возможными лишь при их кодировке на языковом уровне сознания, то есть когда они приобретают вербальное оформление.

Исследование способов вербализации концепта основывается на утверждении, что язык выявляет и объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием [Кубрякова 1997: 37-38], что позволяет рассмотреть как когнитивные, так и интуитивные предпосылки процесса формирования концепта, который как оперативная единица (со) знания представляет собой двустороннюю сущность: обращение к сознанию как среде своего обитания и обращение к языку, так как большинство концептов репрезентируются в языке и, будучи «схваченными языковым знаком» [Кубрякова 1988; 2002], образуют основу значения.

Значение имеет комплексную организацию – *семантическую структуру* – систему значений, характеризующую содержательный строй индивидуального интеллекта. Именно в системе языка концепт как категория знания (квант нежестко структурированного знания) получает семантическое измерение.

Существуют различные виды языковых репрезентаций концептов, в частности словообразовательный способ [Сидорова 2006: 272]. Вычленяемые фрагменты действительности многомерны, а в основу номинации может быть положен только один признак, тем не менее, возможен элемент случайности выбора того или иного признака как наиболее

удобного, подходящего для данного языкового коллектива способа обозначения действительности.

В единой системе наименований формируются своеобразные силовые линии, привычные способы выделения признака, образующие смысловой каркас познаваемого через язык мира [Попова, Стернин 2006].

Формирование концептов, по мнению С.Г. Воркачева, предполагает их врожденность, доязыковую готовность к семантизации и осуществляется «в процессе усвоения языка и освоения внеязыковой действительности субъектом мысли и речи» [Воркачев 2001: 67].

Существует необходимость в изучении номинативных средств, которые вербализуют концепты, т.е. представляют собой содержание языковых реализаций концепта, занимают важное место в концептуальной картине мира, т.к. вербальное общение «материализует» когнитивные структуры, задействуя языковой тезаурус, имеющий конвенциональную основу [см. подробно: Стернин 2006: 78].

А.Г. Бабенко полагает, что основным репрезентантом концепта выступает абстрактное имя, которое в самом общем виде передает его семантическую идею.

Концепт, обозначенный абстрактным именем, – это знак, репрезентант определенного содержания, ментальная сущность которого может быть представлена в результате концептуального анализа в виде объемной развернутой дефиниции [Бабенко 2006: 40], где значение языкового знака нетождественно когнитивным структурам, поскольку, кроме предметно-понятийного ядра, содержит эпидигматическую и системно-языковую информацию [Алефиренко 2005а: 53].

Язык является не только объективной (социальной), но и субъективной (индивидуальной) системой знаков [Сулимов 2006: 40], так как «анализ (мысли) производится и может быть произведен только при помощи знаков» [Кондильяк 1983: 238].

По мнению Э.Б. Кондильяка «пользование знаками есть истинная причина развития воображения, созерцания, памяти» [Кондильяк 1980: 99], «поскольку язык является знаковой системой и разные типы знаков, будучи членами единой репрезентативной системы, с необходимостью отражают определенные аспекты концептуальной картины мира, или знание о мире» [Кравченко 2001б: 31].

Напомним, что по Ф. де Соссюру, языковой знак есть двусторонняя психическая сущность, которую он представляет следующим образом:

Схема 6

Оба элемента знаковой сущности: понятие и акустический образ взаимосвязаны и взаимообусловлены, т.к., согласно точке зрения Ф. де Соссюра, «языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ» [Соссюр 1990].

Так, Р.Г. Пиотровский в модели языкового знака определяет такие составляющие как имя (означающее), денотат (образ конкретного предмета), десигнат (концепт, смысл, понятие), коннотат (экспрессивно-оценочные, эстетические и т. п. значения), прагматические потенции. В план выражения Р.Г. Пиотровский помещает имя, в план содержания — денотат, десигнат и коннотат, а прагматические потенции автор относит к плану интерпретации знака [Пиотровский 1979: 17], что можно схематически отразить следующим образом:

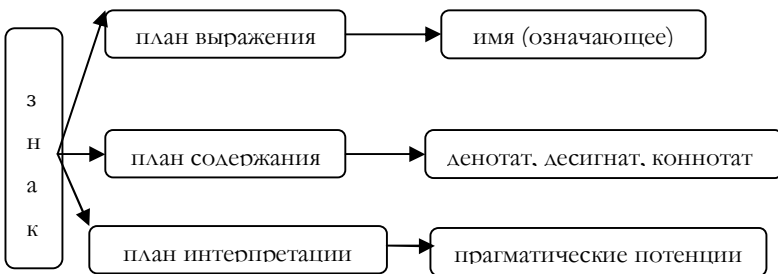

Схема 7

Знак материален и построен из разных по субстанции знаков [ср.: Venoist 1981; Кубрякова 1993: 21]. Объем языкового знака ограничивается пределами слова, словосочетания, морфемы и других значимых элементов языка, соотносящихся с определенными сигнификатами.

Языковые знаки именуют познаваемые предметы, выбирают и фиксируют в своих значениях обобщенный опыт когнитивного освоения действительности, подвергают его «давлению системы» языка, вводя соответствующие знаки в уже сложившиеся языковые отношения — э п и д и г м а т и ч е с к и е или деривационно-смысловые [Шмелев 2002], с е м а н т и ч е с к и е (полисемичные, антонимичные, синонимичные, гипонимические и др. парадигматические связи в семантическом поле), синтагматические и стилистические. Так, ещё Г. Гийом [Guillaume 1969], рассматривая компоненты языкового знака, схематически показывал, что возможности его номинации реализуются языковым значением в интеграции с речевым значением, то есть осуществляется согласование языкового и речевого значений знака в рамках языка, а рассматриваемый знак воспринимается на фоне других знаков.

Под значением понимаем когнитивные структуры, включенные в модели знания и мнения, конкретные концептуализации [Jackendoff 1984; Langacker 1990; Taylor 1995]. Значение — неотъемлемая часть нового знака, и в этом смысле является содержательной «упаковкой» народного созна-

ния, что, собственно, служит основанием утверждать о диалектическом единстве языка и сознания [Алефиренко 2005б: 53], тогда как на основе унилатеральной теории В.В. Колесов, например, считает, что знак с его значением есть слово, а значение – не что иное, как материализованное в знаке содержание нашего сознания [Колесов 2002: 20].

По мнению Н.Ф. Алефиренко, характер соотношения значения и знака во многом зависит от того, как понимается сущность самого языкового знака: при его унилатеральном истолковании под знаком понимается исключительно звуковая (или оптико-графическая) оболочка знака, все структуры сознания, в том числе и языковое значение, находятся вне знака.

Знак лишь соотносится с ними устойчивыми смысловыми связями. И как результат этого, само значение, хотя и соотносимо с языковым знаком, находится вне его структуры и рассматривается в качестве языкового коррелята общественного сознания. Его формальным репрезентантом в таком случае служит знак в целом [Алефиренко 2005б]. Согласно билатеральной концепции, языковой знак – единство означаемого и означающего.

В семантику знака входят дополнительные (коннотативные) значения: эмоциональные, стилистические, образные.

На уровне индивидуального сознания возможен эффект отключения семантической программы языкового знака от породившей ее концептуальной системы, в частности, по причине метаконцептуальной деятельности человека. В контексте значение языкового знака актуализируется и становится смыслом знака.

Подчеркнём, что результаты семиотических и лингво-семиотических исследований доказывают недостаточность символизации системы языка только знаком.

В настоящее время лингвистические исследования рассматривают в системе языковых знаков те же составляющие знаковой ситуации для языкового знака, но в разных соот-

ношениях и в разной терминологии. Так, З.Д. Попова утверждает, что нельзя построить знаковую ситуацию в лингвосомиотике, не вводя в нее отношение языкового знака к другим таким же знакам, к их означаемым, к образам предметов и жизненных ситуаций [Попова 2005: 212-213].

Соотношения знака и языкового сознания детерминированы онтологически, так как формой существования языкового сознания выступает языковой знак в целом, в единстве своего означающего и означаемого [Алефиренко 2005б: 54]. Под формой как системой, по мнению Л.М. Салминой, следует понимать упорядоченный в языковых значениях внешний мир, в процессе освоения которого формируется и совершенствуется язык-интерпретант и определяется логика человеческого сознания [Салмина 2002: 112].

А.А. Потехня, разрабатывая проблему соответствия между звучанием и значением, выделял внешнюю форму слова – звучание и его содержание, т.е. значение. Связь между внешней формой (звучанием) и его содержанием по А.А. Потехне – это внутренняя форма, т.е. мотивированное представление данного значения в данном звучании [Потехня 2007].

Внутренняя форма даёт объяснение, почему данное содержание облечено в том или ином языке в соответствующее звучание. Индивидуальность языка заложена в его внутренней форме, которая создает неповторимую национальную особенность языков, влияющей на восприятие и понимание человеком мира (см. подробнее: глава III).

Таким образом, внутренняя форма слова – это способ, которым значение представлено в данном звучании. Г.Шпет отмечал, что «внутренняя словесно-логическая форма есть закон самого образования понятия, т.е. некоторого движения или развития <...> смысла» [Шпет 2006: 117].

Внутренняя форма – это свойство предмета или явления, осознаваемое говорящим в качестве основания номинации данного феномена. В.Гумбольдт именовал языковую логику внутренней формой языка и считал её основанием

языка как целого по отношению к его составляющим (innere Sprachform) [Гумбольдт 1985: 279].

Внутренняя форма слова, отражая способ языкового мышления, позволяет выводить «своеобразное языковое знание, знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 312], так как во внутренней форме слов в разных языках также проявляется универсальное и специфическое.

Языковой знак своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для общения, вследствие чего в системе вербализации концепта слово, по утверждению И.А. Стернина, как и любая другая номинативная единица – это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности [Стернин 2002: 7-8], единицу лингвокогнитивного уровня структуры языковой личности, так как концепт, в отличие от слова, – ментальная сущность языка, в то время как слово – единица, выделяемая на вербально-семантическом уровне организации языковой личности, необходимая для отражения степени владения обыденным языком.

Слово представляет концепт не полностью, но является средством доступа к концептуальному знанию, так как посредством слова можно подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, им непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы) [Стернин 2002: 7-8], вследствие чего любая грамматическая или лексико-грамматическая категоризация – «помогает переходить от более «наивного» отражения действительности (свойственного лексике) в сторону более обобщенного и более опосредованного ее отражения» [Кубрякова 2000: 25].

Как структурная единица концептуальной системы концепт вербализуется системой семантических структур различного уровня сложности и абстрактности и имеет свои «представительства» в семантической системе языка посредством «семантических матриц» [Топорова 2003], модели-

рующих различные участки его «интерпретационного поля» [Попова, Стернин 2002].

Взаимоотношения концептуальной и лексической систем многоаспектны, поэтому вербализованная часть концепта может репрезентироваться как в художественном тексте (см.: 1.3.), так и в художественном дискурсе в виде совокупности художественных концептов (см.: 1.5.). По мнению Е.С. Кубряковой, предпочтительно такое описание языковой формы, которое учитывает её содержание и ее конкретную «упаковку» [Кубрякова 2004а: 16]. Языковая знаковая объективация концепта осуществляется в рамках различных полевых структур [Босова, Герман 2000: 52-57].

1.2.3. Концепт как полевая структура

Академик Д.С. Лихачев представлял концепт в виде особого поля [Лихачев 1997: 280-289]. Именно вербализованная посредством лексических единиц, часть концепта имеет полевую структуру: *ядро, периферию*, и функционирует в языке посредством лексических единиц, в свою очередь, образующих поле. Поля являют собой системные образования, обладающие собственными специфическими чертами и характерными для любой системы связями и отношениями. В лингвистике под полем традиционно понимают совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное сходство обозначаемых явлений. Для нашего исследования принципиально важным является отличие семантического поля от концептуального.

Концептуальное поле является наиболее крупным ментальным образованием, включающим в свой состав как разные типы когнитивных структур, так и различные формы ментальных репрезентаций, т.к. концепт как объект концептуальной системы (структурная единица) представлен на гештальтном и понятийно-логическом уровне (уровень концептуального поля).

Концептуальное поле формируется совокупностью выражаемых концептом значений. Не все элементы концептуального поля находят выражение в системе языковых знаков (см.: 1.3.1.), так как ментальный концепт не может быть полностью «схвачен» (термин Е. С. Кубряковой) языковым знаком и даже совокупностью языковых знаков, поскольку он постоянно развивается и какая-то его часть всегда остается вербально не означенной. Исследование концептуального поля требует привлечения когнитивного контекста, так как ментальное пространство концепта имеет сложную многомерную структуру (Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, И.А. Стернин и др.), где наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. Наукой установлено, что четких границ концепт не имеет, поэтому по мере удаления от ядра количество ассоциаций уменьшается.

В настоящее время в науке существует следующая полевая иерархическая структура концепта:

ядро концепта: базовая когнитивно-пропозициональная структура [Попова 1999], выражающая существенные знания о концепте. Ядро концепта является универсальной составляющей, определяемой по семантическим признакам ключевого слова, именуемого исследуемый концепт, т.е. по элементам содержания базовых репрезентантов, которые закреплены в толковых словарях и несут в себе возможности для дальнейшего концептуального развития. Вокруг ключевого слова в ядре поля группируются те лексемы, семемы которых равны архисеме поля: синонимы, антонимы.

Приядерная зона: регулярные и наиболее типичные лексико-синтаксические репрезентации концепта, изосемические лексико-синтаксические конструкции, которые в полной мере отражают денотативную структуру ситуации, отражаемой концептом.

Ближайшая периферия: лексемы, семемы которых содержат яркую дифференциальную сему имени поля [Попова, Хорошунова 2003: 34].

Дальняя периферия: лексико-синтаксические репрезентации концепта, осложненные совокупностью различных субъектно-модальных смыслов, включенных в концептуальное поле. Дальнюю периферию образуют лексемы, семемы которых содержат слабую дифференциальную сему имени поля.

Крайняя периферия: лексемы, в семемах которых есть скрытые семы, указывающие на некоторое отношение к имени поля. Одна и та же лексема по разным семемам может входить в разные зоны поля, а также в разные поля [Попова, Хорошунова 2003: 35]. Изучение полевой организации концепта направлено на выявление и описание когнитивных признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта; установление максимально полного состава языковых средств, репрезентирующих концепт [Стернин 2001]. Представление содержания концепта в виде полевой структуры создает возможность для моделирования концептосферы, представленной в виде поля в художественных произведениях (см. подробнее: главы II, III), что позволяет определить значимость художественного текста в системе речевых реализаций концепта.

1.3. Художественный текст в системе речевых реализаций концепта

1.3.1. Когнитивно-коммуникативная рамка художественного текста

Важным направлением современных когнитивных исследований является определение значимости художественного текста в системе речевых реализаций концепта [Красных 1998: 53-70], где текст (лат. *textus* – ткань, сплетение) – достаточно сложный феномен, под которым понимается объединённая смысловой **связью последовательность языковых знаков** [Алефиренко 2007: 4]. Основная единица

текста – *сверхфразовое единство*, которое представляет собой сочетание нескольких содержательно и синтаксически связанных предложений, развивающих одну основную тему или идею.

Выделяют следующие психолингвистические средства [Gibbs 1999: 263-270] связанности текста:

(а) грамматические (единство времени и лица, особенности глагольных форм, модальность и др.);

(б) лексические средства связи (повторы, синонимы и др.);

(в) тема-рематические последовательности;

(г) кореференция (подчинение всех элементов одной теме) [ср.: Белянин 2000; Сорокин 1985; Мостовская 2006: 481-483].

Благодаря этим свойствам текст характеризуется *единством формы и содержания* [Алефиренко 2007: 4-5].

Первичные признаки текстуальности определяют закономерности объединения отдельных высказываний в единую текстовую систему, которая может быть описана [Чернявская 2005).

Концептуальный смысл в художественном тексте передается системой словесных и ситуативных репрезентантов и оппозиций [Новосельцева 2003: 27], формируя концептуальную структуру языка [Проскуряков 2002), тогда как пропозициональная структура текста строится на основе отражения объективного мира и субъективного мыслительного представления о нем [ср.: Лотман 1996].

Концептуальный анализ художественного текста и понимание его природы как совокупности концептов базируются на одном из основных положений когнитивной стилистики – понимание текста как двуединого процесса порождения/восприятия.

Пониманию целого текста и его частей способствуют когниция. Под когницией понимаем не сами знания, но процесс получения и использования «предзнаний» (в том числе и обыденного «со-знания») – разновидности мысли-

тельных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний [Демьянков 2005: 5].

В понятия «когниция» и «когнитивный» вкладываются достаточно разные смыслы, иногда использование когнитивных артефактов способствует пониманию когниции [Nemeth, Cook, Oapos, Connor, Klock 2004: 726-735]. Наиболее приемлемым является традиционное понимание когниции как процесса познания человеком мира и себя самого [КСКТ 1997: 81-83].

Когниция и концепт лежат в сфере интуитивного «предпознания», а понятие – в рассудочной или дискурсивной сфере [Демьянков 2005: 6].

Пониманию текста также способствует лингвистический анализ структуры текста как единства внутренних и внешних связей его элементов [Гальперин 1981; Миньяр-Белоручев 1996; Моисеева, Огнева 2003; Шанский 1984], психологический анализ [Зорькина 2003: 205-210], тогда как основанием для когнитивного подхода к анализу художественного текста являются следующие факторы:

1) онтологические свойства: коммуникативная природа текстовой деятельности и ее структурирование;

2) идеологическая и гносеологическая природа художественной реальности;

3) специфика художественного слова – язык художественных произведений является максимальной манифестацией национального языка, охватывающей все реализации его творческого потенциала;

4) высокая степень антропоцентризма художественного текста, который предстаёт как сложный смысловой знак, выражающий знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира [см.: Бабенко 2006: 39-42].

Лингвистический анализ художественного текста направлен на выявление стилистически обусловленных

средств, которые раскрывают индивидуально-авторские особенности использования разноуровневых единиц в художественной речи.

Коммуникативное пространство текста организуется на основе системы проекций и доминант, что определяет возможности и направления его интерпретации одним или несколькими интерпретаторами [ср.: Родионов 1986: 23-27; Швейцер 1988; Сулимов 2006: 47]. Чем менее точным является значение выражения, тем больше свободы получает интерпретатор при достраивании когнитивных пробелов [Beaugrande 1997].

Таким образом, интерпретация как когнитивный процесс установления смысла текста в рамках многомерного пространства текстов, находящихся в отношениях взаимозависимости, дает возможность во многих случаях объяснить, почему окружающая человека реальная действительность отразилась в тексте определенным образом [Карпухина 2001].

Изучение образно-риторической организации текста в совокупности с категориями когнитивной лингвистики позволяет изучить авторский замысел с целью его более адекватной интерпретации [Карпухина 2003: 61-63; Фомичева 2006: 492].

Существует инвариант восприятия текста, который входит в «когнитивную базу» читателя как представителя лингвокультурного сообщества. Под термином «когнитивная база» понимается определенным образом структурированная совокупность обязательных знаний, национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного сообщества, чей национально-культурный менталитет оказывает влияние на формирование и существование концептов [Красных 2001: 64].

В рамках когнитивно-сопоставительного исследования текстов для обозначения индивидуально-авторской специфики трансляции информативных данных в художественном тексте используется термин «когнитивный стиль», кото-

рый характеризуется как «стиль подачи и представления информации, особенностей ее расположения и структурирования в тексте/дискурсе (см. 1.5.). Стиль подачи информации связан со специфическим отбором когнитивных операций или их предпочтительным использованием в процессах построения и интерпретации текстов разных типов» [Лузина 1996б: 80].

В когнитивной лингвистике изучение когнитивного стиля позволяет проследить путь формирования речевого произведения от замысла говорящего до конечного результата – языковой формы, выбранной автором для вербализации [Скрыпникова 1999: 72; Алефиренко 2003: 3-13] как концепта-понятия, в основе которого лежит принцип информативности, так и концепта-представления, в основе которого – образность, отраженная в художественном тексте, вследствие того, что концепт-представление формируется в процессе освоения автором внеязыковой действительности.

Когнитивно-сопоставительный характер нашего исследования позволяет рассмотреть и смоделировать такое явление как художественный концепт в качестве глобальной ментальной (мыслительной) единицы чувственного восприятия мира в его национальном своеобразии и определить его роль в концептосфере художественного текста.

1.3.2. Художественный концепт в структуре текста

Художественное произведение представляет собой совокупность художественных концептов. Ещё С.А. Аскольдов подразделил концепты на три типа: познавательные (логические) и художественные, эстетически обусловленные.

Познавательные концепты, заменяя предметы и конкретные представления, намечают развертку какого-либо аналитического или синтетического суждения, гипотезы о природе или сущности замещаемого объекта [Аскольдов 1928]. В отличие от познавательных, художественные кон-

цепты – «концепты познания общности, концепты искусства» [Аскольдов 1928: 37].

Л.В. Миллер определяет художественный концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и <...> психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [Миллер 2000: 41-45].

О.Е. Беспалова под художественным концептом предлагает понимать «единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [Беспалова 2002; см. также: Кудинова 2005: 57-63].

В нашем понимании художественный концепт – это компонент концептосферы художественного текста автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые отражены в сознании народа и являются когнитивно-прагматически значимыми в рамках заданной автором сюжетной линии произведения.

Приоритет введения термина «концептосфера» в научный оборот принадлежит академику Д.С. Лихачеву, который указывал, что «концепты составляют разнообразные сферы и в совокупности создают концептосферу национального языка» [Лихачев 1997: 282].

В нашем исследовании рассматривается концептосфера художественного произведения как часть национальной концептосферы.

Итак, в термине *концепт* актуализируется его ментальная сущность, содержательная составляющая знака – понятие, выражающее знания о мире человека той или иной культуры, национальной принадлежности и определенной эпохи (см.1.2.), тогда как понятие концептосферы увязывает-

ся с познавательным потенциалом, запасом знаний и навыков, культурным опытом как отдельной личности, так и народа в целом [Бабушкин 2003], поэтому, развивая идею академика Д.С. Лихачева, А.П. Бабушкин представляет концептосферу языка в виде совокупности концептов разных типов: мыслительных картинок, схем, фреймов и сценариев [Бабушкин 1996], тогда как З.Д. Попова понимает под концептосферой мыслительную область, которая состоит из концептов [Попова 2001].

Исследование структуры концептосферы национального языка в целом и отдельных фрагментов языковой картины мира направлено на выявление относительно полной парадигмы концептов базового уровня, категоризирующих и концептуализирующих мир.

Образы предметов и ситуаций формируют концептосферу человека, и та часть концептосферы, которая получила языковое выражение и вошла в сферу означаемых акустических знаков, с добавлением коннотатов составляет семантическое пространство языка. Именно благодаря совмещению денотативных и коннотативных частей семантическое пространство языка тесно соединяет образы акустических знаков с образами предметов и ситуаций внешнего мира [Попова 2005: 214]. Семантическое пространство языка – часть концептосферы, выраженная языковыми знаками (Попова, 2001). Установление принципов разграничения концептосферы и семантического пространства языка, по-прежнему, является актуальным вопросом современной лингвистики [Frawley 1992; Jackendoff 1990, 1995]. Известно, что концептуальные структуры, определяющие структуры семантические, испытывают воздействие семантической системы.

Концепт задает основные параметры семантической программы, которую он реализует. Эта программа может модифицироваться при развитии концепта и «сворачиваться» при его разрушении или отмирании (угасающие концепты – см. 1.4.1.), переводя его в план семантической памяти слова. Элементы семантической программы впоследствии

могут вновь актуализироваться и становятся основой формирования новых концептов сознания (появляющиеся концепты – см. 1.4.1.), обогащая концептуальную систему [Топорова 2003: 41]. Подчеркнем, что в процессе формирования той или иной зоны концептосферы значимы характеристики концептов, входящих в зону, поскольку именно в содержании концептов фиксируются различия в культурном опыте народов, поэтому исследования показывают, что концепты могут вступить в конфликт с чуждыми для них концептами концептосферы. Чаще всего это проявляется при несовпадении ценностных компонентов соответствующих концептов [Карасик 2003: 19].

Отображению определенной структурированности концептуального динамического пространства национального языка как структуры знаний о мире, организованных концептом и вербализованных различными языковыми знаками, служит именно концептосфера [ср.: Чарыкова 2003: 46-47].

Исследование концептосферы художественного текста позволяет изучить репрезентации концептов в произведении, выделить типы их соотнесения с языковыми феноменами [ср.: Попова, Стернин 2006: 78] и принципы трансляции на структурно иные языки (см. подробнее: гл. II, III).

Нами предложена следующая иерархия концептов от большего к меньшему:

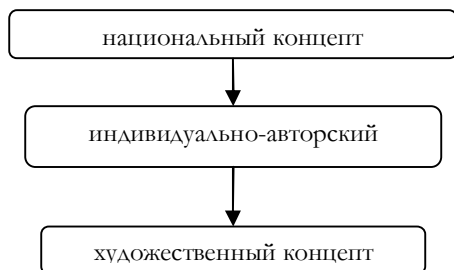

Схема 8

Содержание личного (индивидуально-авторского) концепта может быть выражено совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть.

Описание содержания художественного концепта основано на выявлении как можно большего числа контекстов, в которых он реализуется, что позволяет определить максимальное количество его семантических признаков (фактуальных и оценочно-коннотативных), его способов вербализации.

В отличие от способов вербализации концепта, изложенных в п. 1.2.3., исследование способов вербализации художественного концепта выявляет то, что концепт может (1) быть представлен в художественном тексте без специального словесного обозначения, (2) реализовываться через ряд ситуативных (контекстуальных) характеристик, раскрывающих его суть [Новосельцева 2003: 26-27].

Слово, в отличие от концепта, реализуется в художественном тексте только посредством конкретного материального знака. Н.А. Беседина подчеркивает, что ещё «А. Мартинэ не считал слово лингвистически релевантным понятием, ссылаясь на то, что: а) слово выделимо не во всех языках; б) фонетические границы слова не определены с достаточной ясностью и <...> французские функционалисты представляли слово как сумму фонем» [Беседина 2006: 24-25].

Лексическая система языка частично вербализует национальную концептосферу, имеющую системный характер, так как процесс систематизации и категоризации внеязыковой действительности есть процесс когнитивный [Koch 2001: 1142-1178], отображаемый на страницах художественного произведения.

Важной частью анализа языковой части художественного концепта с целью установления способов его вербализации (ср.: 1.2.3.) в литературном тексте является исследование как самого текста, так и его интертекстуальных связей [Бразговская 2004], обусловленных тем, что в литературе культура, природа, история, общество, человек входят в еди-

ный «интертекст», вследствие чего при анализе структуры художественного концепта в комплексную методику его исследования включается интертекстуальный метод, позволяющий выделить различные уровни концепта, зашифрованные в лексических единицах как знаках рассматриваемых явлений.

Содержание художественного концепта и лексическое значение художественного слова имеют сходную структуру.

Художественное слово по характеру и объему передаваемой информации существенным образом отличается от своего словарного «прототипа» [Федуленкова 2008]. «Каждое художественное слово тем и отличается от нехудожественного, что вызывает бесчисленное множество мыслей, представлений и объяснений» [см.: Кулибина 2001].

Писатель, используя лексическое значение художественного слова, которое представляет собой сложную структуру, имеющую две зоны – интенционал (стабильная, фиксированная часть) и импликационал (подвижная, вероятностная часть), создает ассоциативные значения и связи в художественном тексте.

Важными отличиями художественного концепта от слова, реализующегося в художественном тексте, но не концептуализированного в нем, являются контекстуально приращенные семантические признаки, так как значение художественного слова меньше по объему содержания художественного концепта текста. Подчеркнём, что концептуализация расширяет значение слова [Болдырев 2001: 27-31], которое является «выразителем» концептов; именно план мыслительных операций организует коммуникативно-когнитивную рамку текста (см. 1.3.1.).

Принципиальные различия связаны также с отношением художественного концепта и языкового знака, так как в восприятии когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица (любому слову, в т.ч. служебному).

Для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, т.е. может и должен реализовываться

при помощи целого ряда единиц языка и речи. Именами концептов, по мнению С.Г. Воркачева, является ограниченное число культурнозначимых единиц: абстрактные сущности [Воркачев 2002], феномены, обозначаемые безэквивалентными лексемами [Нерознак 1998].

С.Аскольдов полагал, что художественные концепты заключают в себе «неопределенность возможностей». Их заместительные способности не связаны с потенциальным соответствием реальной действительности или законам логики.

Концепты этого типа подчиняются особой прагматике «художественной ассоциативности». Для художественного концепта характерна образность лексической репрезентации, соотносящаяся с авторским замыслом и являющаяся метафорическим освоением внеязыковой действительности конкретным субъектом мысли и речи – автором художественного произведения [Афанасьева 2004: 43-44].

Художественные концепты образны, символичны потому, «что они означают больше данного в них содержания» [Аскольдов 1928: 91]. Эту символичность С. Аскольдов называет «ассоциативной запредельностью», подразумевая «чужое сознание», «сознание другого». Субъективность художественных концептов предопределяет более широкий спектр возможных путей развития системы смысла.

Основу художественного концепта составляет, по мнению В.Г. Зусмана, диалогическая структура отношений человека, культуры и природы, что принципиально отличает данный вид концепта от общего представления о концепте.

Художественные концепты диалогичны, поскольку связаны с множеством одновременно значимых точек зрения. С. Аскольдов считал, что создание и восприятие концептов – двухсторонний коммуникативный процесс. Так, восприятие читателями художественных концептов, созданных писателем, удаленным от читателей во времени и пространстве, представляет собой вариант их нового порождения [Асколь-

дов 1928: 91], которое условно назовем «первичное новое порождение художественного концепта».

Восприятие и трансляция художественных концептов переводчиком условно назовем «вторичное новое порождение художественного концепта», а восприятие читателями художественных концептов переводного текста условно назовем «третичное новое порождение художественного концепта».

Литературный концепт обращен к средствам, при помощи которых он выражен. «Recent debate on this issue has centered on whether literal meaning can be equated with context-free meaning, or whether a sentence's literal meaning is determined only given a set of background assumptions» [Raymond, Gibbs 1984: 275-304].

Именно «в литературе возрастает значимость изучения внутренней формы слова, «первообраза», с которым генетически связано данное представление» [Зусман 2001: 12] и которое, как указано выше, может иметь вторичное, третичное, четвертичное и т.д. «новое порождение» в случае трансляции текста-перевода с романского языка, к примеру, на германский, африканский.

Таким образом, исследование способов языковых средств вербализации художественного концепта определяет и описывает его природу. В результате установления значений языковых единиц, репрезентирующих художественный концепт, выявляются характеристики, значимые при классификации когнитивных структур, в рамках которых функционируют концепты.

1.4. Типология художественных концептов

В научной литературе на данный момент выделены разные типы концептов, но нет общепризнанной типологии, которая позволяла бы следующее: а) представить то, как выстраиваются отношения между разными типами художественных концептов, б) выяснить насколько и как оператив-

ные единицы сознания соотносятся между собой (о типологии русского и германских языков [см. подробнее: Аракин 1983, 1989]).

Как известно, существуют различные подходы к типологии концептов:

1) **по степени абстракции образного компонента мыслительного образования**: от конкретной картинки до обобщенного мыслимого заместителя множества более частных образов;

2) **по передаче конкретно-чувственного образа**: значение большинства слов, содержащих наглядные внешние характеристики, иллюстрируется в словарях с помощью картинок: мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, инсайты, сценарии, калейдоскопические концепты [Бабушкин 1996: 43-67];

3) **по признаку транслируемости**: переход концепта в процессе общения от одного индивидуума к другому и от одной культуры – к другой. Подчеркнём, что транслируемость является важнейшей дискурсивной характеристикой концептов, так как по этому признаку можно противопоставить концепты активно и пассивно транслируемые, содержательно модифицируемые и немодифицируемые, переводимые и непереводаемые в иные формы [Карасик 2003: 17-18];

4) **по языковым способам репрезентации** (лексическая и композиционно-стилистическая экспликация и др.);

5) **по типу структуры**: одноуровневые концепты, многоуровневые: понятийный, образный, значимостный уровни [Воркачев 2004: 7] и сегментные концепты, которые способствуют актуализации как по ментальной сущности, так и содержательной составляющей знака, выражающего знания о мире человека той или иной культуры, национальной принадлежности, определенной эпохи.

6) **по типу носителей** (общенациональные, групповые, индивидуальные).

Перечень типов концептов не статичен и пополняется новыми структурами представления знаний. Типология кон-

цептов позволяет проиллюстрировать многообразие ментального пространства художественного концепта.

Суммируя вышесказанное, мы считаем, что основным принципом построения типологии концептов может стать разграничение концептов следующим образом:

- по смысловому наполнению: базовые и культурные;
- по образу функционирования в речи: угасающие, появляющиеся;
- по типу структуры представления знаний: фреймы, сцены, сценарии, скрипты и т.п. (см. подробнее: 1.4.2.).

1.4.1. Типы художественных концептов

Разграничение концептов по смысловому наполнению: базовые и культурные.

Базовые художественные концепты. Базовые концепты – определенные универсальные концепты, отражающие понятия духовной жизни общества, формирующиеся в социокультурном пространстве в конкретные исторические периоды [Галми 1999: 92]. Базовые концепты – это **концепты-универсалии (протоконцепт)** [Вежбицкая 1999: 53], представленные в научном сознании в форме этических терминов и логических операторов и в художественном произведении реализующиеся как базовые художественные концепты. Например, концепт *‘надежда’* реализуется в произведении «Ванька» (А.П. Чехов); концепт *‘любовь’* реализуется в произведениях «Дама с собачкой» (А.П. Чехов), «Митина любовь» (И.А. Бунин), концепт *‘мечта’* реализуется в произведении «Крыжовник» (А.П. Чехов) и т.д.

Грамматическое оформление базовых художественных концептов в языке формирует концептуальную рамку, «пропускающую» концептуальный материал, получающий лексическую репрезентацию, где базовый концепт может быть соотнесен с термином понятийная категория.

Грамматический способ репрезентации базовых концептов является центральным в системе языка, и грамматически объективизируемый концепт занимает центральное место в языковом сознании, организуя вокруг себя другие средства вербализации.

Существуют концепты базового характера, которые репрезентируются посредством архилексемы, или идентификатора, того или иного лексико-семантического объединения, и более конкретные когнитивные единицы, вследствие чего возникает необходимость интеграции структурного, функционального и когнитивного методов исследования.

Культурные художественные концепты – когнитивно-семиологические образования, занимающие промежуточное положение между языковыми знаками и познаваемыми объектами и, в силу этого, представляющие собой ментальные упаковки нашего сознания, формирующие этнокультурное видение мира, преломляющиеся в языке [ср.: Алефиренко 2006а: 151; Арутюнова 1991], символически насыщенные знаки определенной культуры [Воркачев 2004] в художественном тексте, это **концепты-уникалии**, отражающие социально-психическое многомирие, представленное разными этноязыковыми сообществами [Алефиренко 2004: 70].

Результаты нашего исследования показывают, что любая культурема – это концепт-уникалия, но не каждый концепт-уникалия – это культурема. Под культуремой понимается обособленная группа знаков языковой картины мира, которые несут в себе совокупность признаков культурологического фонда того или иного народа [Воробьев 1997: 44] и отражают взаимодействие реалии-предмета (обозначаемое) и реалии-слова (обозначающее) [Влахов, Флорин 1986]. Под культуремой мы понимаем совокупность трех компонентов: **содержание, формальное выражение и реализм-предмет, отражаемая данным языковым знаком**. Установлено также: любой концепт-уникалия – это лакуна и любая лакуна – это концепт-уникалия.

Напомним, что вне когнитивно-коммуникативной рамки произведения в лингвокультурологии культурным считается такой концепт, в котором культурно значимая информация прикрепляется к понятийному ядру [Маслова 2001: 48].

Культурные концепты – это, прежде всего, ментальные сущности, в которых отражается «дух народа», что определяет их антропоцентричность – ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания [ср.: Арутюнова 1991: 21-30; Воркачев 2003а: 5-12]. Рассматривая концепт в контексте национальной культуры, именно А.Вежбицкая и Ю.Д. Апресян выделили универсалии как последнюю стадию концептов, которые должны выделяться из хаоса, ограничивая некоторый мир, из которого они выводятся.

Именно субъективно воспринимаемые человеком как особо ценные, лично значимые понятия и представления приобретают статус культурного концепта [Алефиренко 2006а: 143]. Культурный концепт как значимая категория лингвокультурологии представляет собой неоднородное образование, которое имеет следующие составляющие:

(1) ценностную окраску [Карасик, Слышкин 2001: 76], так как основа для образования концепта – это явления жизни как объекты оценки, где «оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и человечеству» [Арутюнова 1999: 181];

(2) обладает социальной ценностью, так как является частью ценностной картины мира [Карасик 1996: 3], где оценочный элемент как аксиологическая составляющая в культурных концептах не просто присутствует, а является доминирующим [Слышкин 2000а: 6];

(3) эмоциональную окраску [Шаховский 1996: 80-96].

Все вышеперечисленные характеристики культурного концепта могут быть выявлены у любого художественного концепта, например концепт *‘русский дворянин’* в произведении «Идиот» Ф.М. Достоевского и др.

К важнейшим художественным культурным концептам относятся ценностные доминанты – наиболее существенные для данной культуры смыслы, совокупность которых образует определённый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. Ю.С. Степанов обозначает их как константы культуры [Степанов 1997]. Связь художественного культурного концепта с ценностями общества обусловлена тем, что культура, основанная на ценностях, закономерно находит своё отражение в художественном произведении и формируется им.

В нашем исследовании значимо то, что ключевые концепты культуры: понятия духовной сферы, оценок, стихийных состояний человека, являющиеся основополагающими категориями бытия, отражающими национальную картину мира, реализуются в тексте в виде художественных культурных концептов. Эти концепты являются смысловым и конструктивным ядром этноязыкового сознания любого культурного пространства. Они фокусируют в себе всю систему смысловой организации этносознания в единстве его парадигматических, синтагматических и лингвокультурных (ценностно-смысловых) связей [Алефиренко 2006а: 152], отраженных в художественном тексте.

В настоящее время ряд ученых выделяет также другие виды концептов:

А. Лингвокультурные художественные концепты – субъективные элементы культуры, реализованные в языке [Слышкин 2004: 29] и в речи. Основным признаком лингвокультурологического понимания концепта, признаком его отличия от логического и общесемиотического понимания, является закрепленность концепта за определённым способом языковой реализации [Воркачев 2003б: 268, Григорьев 2003].

В.И. Карасик полагает, что лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры [Карасик 2001: 75-80], тогда как лингвокультурный художественный концепт –

это единица текста, направленная на изучение речи, сознания и культуры. Этот тип концептов рассмотрим подробнее, так как в рамках проводимого исследования будет осуществлено построение когнитивно-сопоставительной модели именно лингвокультурных художественных концептов.

Итак, структура как лингвокультурного концепта, так и лингвокультурного художественного концепта, трехкомпонентна: ценностный, фактуальный и образный элементы.

Фактуальный элемент лингвокультурного концепта хранится в сознании в вербальной форме и поэтому может воспроизводиться в речи непосредственно, образный же элемент невербален и поддается лишь описанию.

Лингвокультурный концепт представляет собой абстракцию, обобщающую значения ряда своих языковых реализаций, конкретная форма этого концепта будет задаваться интервалом абстракции, в границах которого он качественно определен объемом лексико-семантической парадигмы, формируемой единицами, передающими этот концепт в языке или в языках [Бабаева 1996: 25-27; Карасик 2002б, 2004]. Установлено, что лингвокультурный художественный концепт в таком же ракурсе реализуется в тексте.

Лингвокультурный концепт многомерен и состоит из трёх уровней: а) системный потенциал, т.е. совокупность средств апелляции к концепту, предлагаемых носителю языка культурой, как накопленное культурой лингвистическое Достояние, зафиксированное в лексикографии; б) субъектный потенциал, т.е. арсенал языковых средств, хранящихся в сознании индивида.

В рамках третьего уровня единый концепт, существующий в культурной и индивидуальной памяти, распадается на подконцепты, функционирующие в отдельных жанрах и дискурсах [Слышкин 2004: 33-34].

Критерием разграничения лингвокультурных концептов является их принадлежность к сфере знания/сознания, которую они обслуживают, образуя содержательную основу этических, психологических, логических и религиозных

терминов, обозначающих духовные ценности, которые, безусловно, могут быть этнокультурно отмеченными как в границах одного языка, так и в границах межъязыковой научной парадигмы – стиля мышления [Карасик, Слышкин 2001: 75-80].

Лингвокультурные художественные концепты могут тематически классифицироваться на такие же образующие, как и лингвокогнитивные концепты:

- эмоциональные [Красавский 2005: 38-43],
- образовательные [Голочко 1999],
- текстовые [Слышкин 1999].

По принципу реализации в художественном дискурсе (см. подробнее: 1.5.) художественные концепты подразделяются на такие типы:

- индивидуальные,
- микрогрупповые,
- макрогрупповые,
- национальные,
- цивилизационные,
- общечеловеческие [Лихачев 1993; Карасик 1996].

Лингвокультурный художественный концепт отличается от других единиц, используемых в лингвокультурологии (науке о взаимосвязях языка и культуры), своей ментальной природой, так как именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование одновременно является и когнитивным исследованием.

Б. Концепты-автохтоны – абстрагируемые от значений своих конкретных языковых реализаций, содержащие в своей семантике и «предметные», и этнокультурные семы. Автохтонные концепты могут быть не только внутриязыковыми, моногlossными, но и абстрагированными от лексических единиц двух и более языков, образующих культурный суперэтнос, – быть полигlossными, как, например, «пре-

дельные понятия» западной и восточной лингвокультур [Карасик, Слышкин 2001: 75-80].

Существует также разграничение концептов по образу функционирования в речи:

– **угасающие концепты** – исчезающие из обихода концепты, например, «кротость» [Карасик 2003: 18];

– **появляющиеся концепты** – формирующиеся концепты, например «виртуальность» [Карасик 2003: 18];

– **актуальные концепты** – стабильно употребляемый обществом концепт.

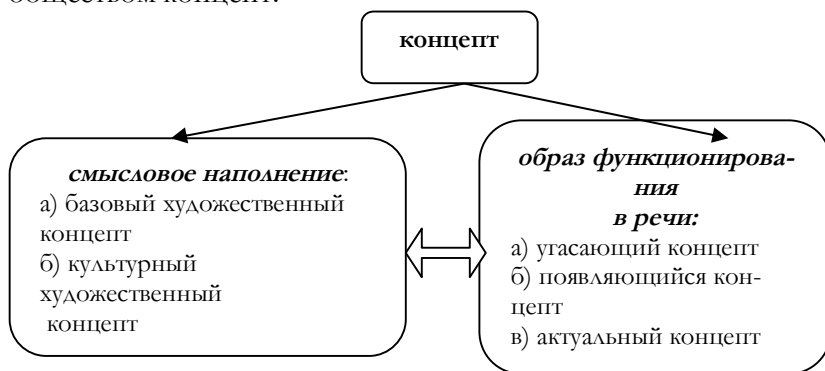

Схема 9.

Таким образом, для когнитивного структурирования и моделирования концептосферы художественного текста релевантными являются базовый и культурный типы художественных концептов, которые могут предстать в произведении как угасающий концепт, появляющийся концепт.

1.4.2. Типы структур представления знаний

Тип структуры представления знаний или когнитивная структура, по терминологии Н.Н. Болдырева, мыслительные образы, образные схемы (image schemas), фреймы, сценарии, картинки, а также понятия, прототипы [Givón 1986: 77-102], пропозиции, гештальты [Болдырев 2000: 14; 2001: 42]. Подчеркнём, что Е.А. Селиванова в работе «Основы лингвистической теории текста и коммуникации» называет моделями

концептов [Селиванова 2002] явления, которые мы именуем когнитивными структурами.

Когнитивные структуры, создающие концептосферу художественного текста, определяют содержание и характер репрезентации так называемой «сверхглубинной семантики», нацеленной на осмысление механизмов сопряжения категорий языковой семантики с более общими когнитивными категориями, являющимися результатом освоения мира человеком познанием [см.: Бабич 2006: 43].

В работе исследуются такие когнитивные структуры как фрейм, сценарий, сцена. Итак, в отличие от общего термина «концепт», который выражает любую единицу знания, в том числе и неструктурированного, общий термин «фрейм» используется только для обозначения структурированных концептов: схем, сценариев, когнитивных моделей.

Фрейм. Впервые термин «фрейм» был введен в концептуальный аппарат исследований по искусственному интеллекту М.Минским: «фрейм – это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации» [Минский 1978: 250-338; Minsky 1980]. Отечественные и зарубежные лингвисты предлагают следующие формулировки рассматриваемого явления, которые, дополняя друг друга, дают его более детальную характеристику:

➤ В.З. Демьянков: фрейм – структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов данных [Демьянков 1996в: 187].

➤ Н.Ф. Алефиренко: фрейм-структура – мыслимый в цельности многокомпонентный концепт, отражающий клишированные ситуации в совокупности соответствующих стандартных знаний, объемных представлений и всех устойчивых ассоциаций [Алефиренко 2004: 72].

➤ Н.Н. Болдырев: фрейм – это не концепт, а когнитивная структура, тип взаимодействия между концептами, способ и форма организации ментального пространства [Болдырев 2000: 14; 2001: 42].

➤ А.П. Бабушкин: фрейм как тип концепта представляет собой совокупность хранимых в памяти типичных ассоциаций [Бабушкин 1996: 19] наряду со схемами, инсайтами, сценариями, логически конструируемыми концептами и мыслительными картинками.

➤ Т.А. ван Дейк: фреймы – произвольно выделяемые «куски» знаний, они являются единицами, организованными «вокруг» некоторого концепта, содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая, ассоциированная с тем или иным концептом, имеет более или менее конвенциональную природу, поэтому фреймы могут определять и описывать то, что в данном обществе является «характерным и типичным» [Дейк 1989: 16-17].

➤ Ч.Филлмор: фрейм – группа слов, представляющих собой некоторую единую схематизацию опыта (знание); они (группы) мотивируются, определяются и взаимно структурируются особой конструкцией знания [Fillmore 1982: 111-137; Филлмор 1983; Fillmore 1985: 222-254; Филлмор 1988], различными типами ментальных репрезентаций (Paivio 1986; Jackendoff 1996).

Каждый фрейм, по М.Минскому, в числе прочих элементов содержит множество терминалов, к которым присоединяются другие фреймы. У каждого фрейма есть также набор характеристик, наличие достаточного количества которых может привести к активизации фрейма в целом [Минский 1978: 250-338].

Фрейм, понятый как своего рода «кадр», увиденный внутренним зрением, должен быть соотнесен с аналоговыми репрезентациями и выступать в одном ряду с «мыслительными картинками» как «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт» [Попова, Стернин 2001: 73].

В частности, Дж. Груббер рассматривает такую категорию фреймов как «текстовые фреймы» (см. подробнее: гл. II,

III), которые характеризуют не одно отдельно взятое значение лексемы, а отдельные типы значений, определяя правильность выбранного сочетания смыслов – сочетания типов значений различных лексем: собственно лексическое, концептуальное и энциклопедическое [ср.: Гончаренко, Шингарёва 1984; Gruber 1985: 254-267].

Семантика фреймов рассматривает множество фреймов интерпретации как альтернативные «способы видения вещей» [Филлмор 1988], где фрейм – более жесткая структура, отражающая типические связи в типических ситуациях. Интегрирующим началом во фрейме служит ситуативная близость. Лексическая репрезентация фрейма соответствует тематической группе.

По мнению Л.В. Бабиной, каждый фрейм является частью более широкой фреймовой системы, включающей родственные соотнесенные фреймы [Бабина 2003: 74], поэтому его можно расширить в более сложную фреймовую структуру за счет тесной взаимосвязи и взаимопроникновения фреймов, что позволяет ввести понятие мегафрейма. Взаимосвязь общих терминалов (в нашем исследовании – субфреймов) разных фреймов приводит к их объединению в более сложную структуру – метафрейм [Завадский 2006: 105-106].

При соотнесении фрейма и концептуального поля как различных типов когнитивных структур выявляется степень типичности/индивидуальности ассоциаций, их рациональный/эмоциональный характер в качестве маркера фреймовых и полевых образований. Между семантическим полем и фреймом существуют различия, определяющиеся тем, где концентрируется поиск структуры – в языковой системе или вне ее.

Таким образом, фрейм – когнитивная структура более высокого уровня, многокомпонентный концепт.

Фрейм может быть как статичным, так и динамичным (по принципу репрезентации знаний). Статичный фрейм представляет собой «пакет», «ячейку» схематизированного

опыта человека. Динамичный фрейм отражает категориальный опыт человека в процессе речепроизводства как смысловой каркас его дискурсивной деятельности (Никонова 2006), поэтому один и тот же фрейм, но с несколькими вариантами «прочтений», может быть развернут в несколько сценариев.

Сценарий. Шенк и Абельсон полагают, что сценарий («скрипт») – когнитивная структура, описывающая последовательность событий в контексте [Schank, Abelson 1977].

Контекст предстает в этом плане в когнитивном смысле, а понимание как процесс, при помощи которого люди приравнивают (match) то, что они видят и слышат, к группам действий, уже имевшихся в их опыте [Schank, Abelson 1977].

Скрипт тот из сценариев, который является наиболее типичным, чаще всего ожидаемым [Taylor 1995: 87-88].

R.C. Schank также считает, что сценарий – репрезентация структуры данных – списка событий, задающих стереотипный эпизод [Schank 1982a, Schank 1982b], тогда как Ж.В. Никонова полагает, что сценарий – это репрезентация структуры данных, которая управляет процессом осмысления и позволяет связывать в единое целое смысловые блоки, воспринимаемые в объективной реальности [ср.: Демьянков 1996б, Никонова 2006].

Сценарии конвенциональны и выявляются в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений, приписанных терминальным элементам и функционирует в рамках как серия эпизодов, предполагая определенную динамику развития событий, т.к. сценарии описывают стереотипное знание, сформированное под воздействием многократного прошлого опыта.

Мы разделяем мнение С.А. Жаботинской о том, что сценарий есть тот же фрейм, в котором элементы сканируются, «пробегаются» мысленным взглядом в определенной

последовательности. Во фрейме как статической структуре представления знаний элементы расположены одномоментно [Жаботинская 2000: 15-21], т.е. во фрейме учитывается пространство, а в сценарии как динамической структуре представления знаний – время. Осмысление структуры концептов, составляющих когнитивный сценарий, основано на характеристике его составляющих.

Таким образом, когнитивный сценарий – это абстрактная ментальная структура, в основе которой находится интерпретация говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и обладающего набором участников с закрепленными социальными ролями [Плотникова 2005].

Сцена – динамичная когнитивная структура, состоящая из трех терминалов: (1) адресат, (2) адресант, (3) совокупность передаваемой информации, соединяющей терминалы 1 и 2.

Когнитивная карта – ориентировочные когнитивные схемы связаны с перемещением в окружающей среде, это «два в одном»: фрейм + сценарий. Карта – это пространственная характеристика, а движение по ней – временная.

Концепт-схема – пространственно-графические (объемные и контурные) параметры реалий в отвлечении от их видовых характеристик.

Схема – сложный вид репрезентации, пучок семантических сеток и правил пространственного контура явления, посредством которых обрабатываются структуры «внешнего мира» во «внутреннем мире» человеческого сознания [Попова 2004]; схема – когнитивное образование близкое понятиям «категория» и «прототип» [Бабушкин 1996: 21-22].

Н.Н. Болдырев полагает, что «схема – мыслительный образец предмета или явления, имеющего пространственно-контурный характер» [Болдырев 2000: 36].

Пропозиция или пропозициональная модель/структура – способ хранения знаний в памяти человека. Опыт поступает в память в форме утверждений о мире в виде субъектно-предикатных конструкций. Эти концепты имеют логический характер. В пропозиции вычленяются аргументы и базовый предикат. Отношения между аргументами представляются в виде семантических функций: агенс, пациенс, экспериенцер, инструмент. Пропозиональные модели представляют как бы сеть, которую человек накладывает на картину мира при помощи языка.

Гештальт – неясные целостные образы, принадлежащие к категориям базового уровня. Единицы этого уровня частотны, структурно просты, информативны; характеризуются целостностью, тогда как пропозиции – это расчлененные целостные образования. Ряд ученых полагает, что эти две формы хранения знаний характеризуются взаимопереводимостью, т.е. существуют как две разные формы кодирования, «упаковки» знания.

Концепт-картинка – когнитивная структура, которая передается за счет активизации обобщенных зрительных образов.

Концепт-прототип – когнитивная структура, которая репрезентирует конкретные предметы, являющиеся типичными представителями своего класса предметов [ср.: Демьянков 1996а; Серова 2002].

Таким образом, на основе анализа вышеизложенных данных предлагаем типологию художественных концептов:

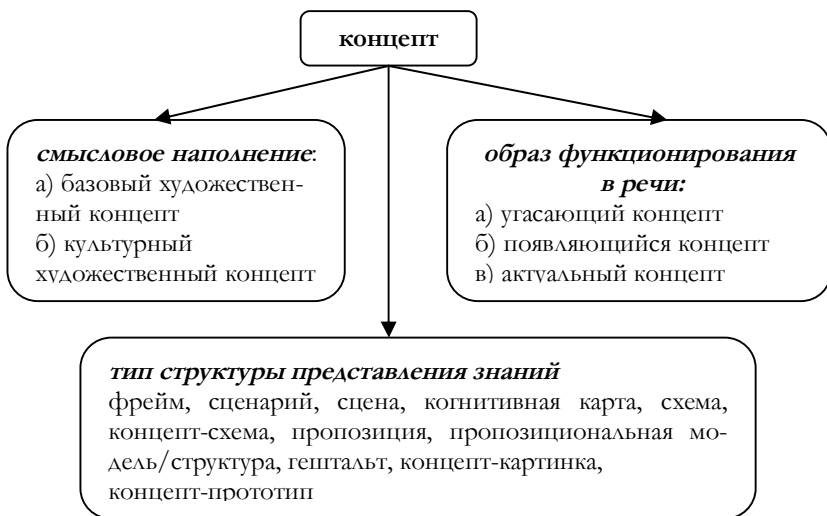

Схема 10. Типология художественных концептов.

Следуя данной схеме, охарактеризуем, например, концепт *Родина*: а) базовый концепт, б) актуальный концепт, 3) функционирует преимущественно в рамках фрейма, сценария, сцены (к примеру, концептосфера художественных произведений «Война и мир», «Хождение по мукам» и др.).

Таким образом, предложенная в исследовании типология художественных концептов позволяет, по нашему мнению, систематизировать накопленный на данный момент материал по типам концептов.

1.5. Художественный дискурс как среда функционирования концепта

Д и с к у р с (фр. *discours*, англ. *discourse* < лат. *discursus* – бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор) – это речь, процесс языковой деятельности, способ говорения [цит. по: Алефиренко 2007: 6].

Так как дискурс является и процессом речевой деятельности, и её результатом (текст), то он рассматривается как *коммуникативное событие*, поэтому дискурс – понятие более широкое, чем текст [Алефиренко 2006б: 6], тогда как П. Се-

рио понимает дискурс как социально или идеологически ограниченную совокупность текстов и правил текстопостроения [Серио 1999].

В отечественном языкознании всё более устойчивым становится определение дискурса как сложного **коммуникативно-когнитивного** явления, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации [Петров, Герасимов 1988; Саморукова 2001; Караулов 2002; Макаров 2003; Сидоров 2008].

Наименьшими речевыми элементами дискурса являются высказывания, а внеязыковыми составляющими – излагаемые события, участники этих событий и обстоятельства, сопровождающие их.

Так, по мнению Н.В. Кулибиной, роман Л.Н. Толстого «Война и мир» (или любая другая книга), стоящий в книжном шкафу и по этой причине не участвующий в настоящий момент в событии, и он же в руках читающего, погруженного в него *homo legens* – разные явления.

В первом случае – это действительно текст во всей его графической завершенности от первого слова до последнего знака препинания. Во втором – это творимый (создаваемый, порождаемый) в процессе восприятия художественный дискурс, который понимается как последовательный предсказуемо-непредсказуемый процесс взаимодействия текста и реального (а не мыслимого автором) читателя, учитывающего либо нарушающего «указания» автора, привносящего в текст информацию, которая была известна и/или не известна писателю [Кулибина 2001].

Текст не может рассматриваться вне субъекта, воспринимающего и интерпретирующего его в той социокультурной среде, которая опосредует дискурсивную практику. Г.Я. Солганик связывает язык, текст и дискурс в единую сложную систему отношений дополнительности, в которой «Текст – это цель и результат действия языкам, высшая единица,

форма речи. Все единицы, категории языка обретают подлинную жизнь именно в текстах, существуют для оформления текстов» [Солганик 2005: 8].

Таким образом, текст без читателя не полон, ущербен. Реально он существует только в процессе его восприятия, при реконструкции той части его содержания, которая прямо в тексте не выражена, а предполагается известной читателю и привносится им в процессе создания художественного дискурса [Карпухина 1999; Кулибина 2001]. Из сказанного следует, что переводчик, как и читатель оригинала, первоначально создаёт художественный дискурс, который затем оформляется в текст перевода [ср.: Виноградов 2001], при прочтении которого читателем вновь создается художественный дискурс, по нашему мнению, вторичный по своим параметрам.

Многозначность термина позволяет использовать дискурсивный анализ в ряде гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, – лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии.

В когнитивистике дискурс может рассматриваться одновременно как совокупность апелляций к концептам и как концепт, существующий в сознании носителей языка [Слышкин 2000а, 2000б].

Так как концепт – одновременно и индивидуальное представление, и общность, то такое понимание концепта сближает его с художественным образом, заключающим в себе обобщающие и конкретно-чувственные моменты. Смысловое колебание между понятийным и чувственным, образным полюсами делает концепт гибкой, универсальной структурой, способной реализовываться в дискурсах разного типа [Зусман 2003].

Концепты могут функционировать в том или ином виде дискурса [Карасик 1998], например, педагогическом [Kluwin 1983: 275-93; Карасик 1999а, Коротеева 1999], религиоз-

ном [Карасик 1999б, Чернобров 2007], политическом [Шейгал 2000, 2004], художественном и др.

Историческая природа литературного дискурса [Cook 1994] вовсе не факт, установленный а priori, тогда как вся литература по необходимости складывается из лингвистических и семантических элементов [Luhn 1958; Ман 1999: 98]. В нашем исследовании будет построена модель фрейма *Русь Святая* как статичной когнитивной структуры, репрезентирующей один из компонентов религиозного дискурса.

С точки зрения накопленного в лингвистической концептологии опыта [Слышкин 2000б: 42] могут быть предложены следующие подходы к изучению различных видов институционального и персонального дискурса:

а) анализ существующего в коллективном сознании лингвокультурного концепта данного вида дискурса;

б) рассмотрение дискурса как совокупности апелляций к определенным концептам;

в) сравнительный анализ дискурсивных категорий и соответствующих им концептов [ср.: Карпухина 1999: 171-178].

Источником формирования концепта того или иного дискурса может быть собственный коммуникативный опыт или вторичисточник (учебное пособие, художественная литература, рассказы других лиц и т.д.).

Каждому дискурсу присущи определенные имплицитные категории [Карасик 1999], параллельно которым в дискурсе существуют концепты частично соответствующие этим категориям, но обладающие бóльшей эксплицитностью.

Существуют культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса [Касевич 1997]. Дискурс как совокупность коммуникации и прагматических ситуаций коммуникативным планом обращён к когнитивному состоянию коммуникантов, а прагматическим – к речевому употреблению.

В нашем исследовании значим тот факт, что теория дискурса открывает возможность моделировать [Огнева 2012: 88-

95] типовые коммуникативные ситуации и «сценарии» репрезентации знаний в художественном тексте, т.к. именно в рамках текста, по мнению Ж.В. Никоновой, этот процесс означает выражение смысла в виде заполненного экземпляра составленного заранее фрейма [Никонова 2006].

Таким образом, проводимое нами исследование речевых репрезентаций когнитивно-культурологических параметров концепта художественного текста, представляющего собой единство языка, мышления и культуры опирается на следующие лингвокультурологические положения:

а) языковые знаки, приобретая способность выполнять функцию знаков культуры, служат средством представления основных установок культуры,

б) смысловое пространство культуры определяется границами этнического языка и формирует код культуры, который восстанавливается при семантическом и концептуальном анализе в виде языковой картины мира.

Изучение речевых репрезентаций художественного концепта выявляет:

а) принципы адаптации компонентов художественной речи при переводе,

б) предпосылки и объём лакунарности речи в процессе трансляции на структурно иные языки,

в) параметры взаимообусловленности концептуальной и языковой картин мира.

Языковая картина мира создается специфическими когнитивно-языковыми единицами – концептами как комплексными полевыми единицами лингвокультуры.

Когнитивно-культурологическое исследование языковой картины мира позволяет:

· рассмотреть концепт как когнитивно-языковую категорию, образующую мост между миром мысли и миром бытия;

- определить когнитивный статус концепта как выполняемую им функцию носителя и способа передачи смысла при переводе;

- изучить концепт как единицу восприятия мира с учётом того, что ментальная сложность концепта представляет собой организованную совокупность разнородных семантических компонентов, выражающих знания, представления о мире или его фрагменте;

- установить принципы вербализации концепта на уровне языка и речи, где значимы условия и предпосылки вербализации концепта.

В нашем понимании, концепт может быть репрезентирован как лексемой, так и сочетанием лексем, тогда как художественный концепт может быть вербализован как лексемой, сочетанием лексем, целым предложением, так и совокупностью предложений.

Художественный текст занимает специфическое место в системе речевых реализаций концепта, так как он является фиксированным вариантом совокупности частей индивидуально-авторского концепта, задающего рамки когнитивно-коммуникативной концептосферы художественного произведения.

Изучение параметров художественного концепта позволяет создать его типологию. Основным принципом построения типологии концептов является принцип разграничения:

- а) типов концептов и установление соответствующих им типов структур представления знаний: фреймов, сцен, сценарий, скриптов и т.д.

Приоритетным является постулат о том, что перечень типов концептов не является закрытым и пополняется в процессе исследования новыми структурами представления знаний

Схематически изображенная типология концептов и репрезентирующих их структур позволяет наглядно проил-

люстрировать взаимосвязь и взаимообусловленность компонентов содержательного и формального уровней вербализованного сегмента концептосферы, что создаёт предпосылки для следующего этапа исследования – моделирования.

ГЛАВА 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕР ТЕКСТА-ОРИГИНАЛА И ТЕКСТА- ПЕРЕВОДА

2.1. Моделирование концепта как способ его интерпретации

Многовекторность современных методологических подходов к исследованию архитектоники концепта способствует синергии классических и инновационных методов и приёмов анализа этого многогранного феномена. Одним из современных методов исследования концепта является его моделирование, где «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка и рядоположенными феноменами» [Карасик 2013: 6]. По мнению Р.Г. Пиотровского, модели могут служить средством изучения или описания внутреннего строения оригинала (структурные м.), его поведения (функциональные м.) и развития (динамические м.) [Пиотровский 1998: 86-96].

Нежесткая структура концепта, вследствие его динамики, по мнению Н.А. Бесединой «... позволяет заключить, что моделировать концепт в принципе сложно, а в некоторых случаях просто невозможно» [Беседина 2006: 105]. Тем не менее, основной задачей современного когнитивного моделирования является представление в модели «специфики ментального содержания концепта по вербальным репрезентациям» [Бутакова 2005: 51] с целью глубинного проникновения и описания структуры номинативного поля концепта, концептосферы языка, концептосферы текста, в том числе, художественного текста (см. подробнее: 2.2.1.)

Свойство моделируемости действительности [Jackendoff 1994] закономерным образом вытекает из присвоенных ей свойств дискретности, структурности и системности и понимается, соответственно, как возможность ее струк-

турирования и систематизации за счет дифференциации, дезинтеграции и интеграции ее элементов, определяющих когнитивно-логические принципы действия знаковых моделей [Салмина 2002: 116].

Процесс формирования знаковых моделей обеспечивается тем, что свойства внеязыковой действительности зафиксированы системой дискретных языковых знаков-представлений, которые являются совокупностью с одной стороны значений, отражающих свойства действительности: элементы, их структурно-системные связи и, с другой стороны, знаков-маркеров, формализующих эти связи как признаки элементов.

Результат процесса познания недискретной внеязыковой действительности, осуществлявшийся в филогенезе как ее языковое оформление: расчленение, структурирование и систематизация, определил ее понимание как единого целого, состоящего из дифференцированных друг от друга взаимосвязанных и взаимозависимых элементов. Фиксируя присвоенное действительности свойство дискретности, когнитивно-логическая таксономическая модель несет в себе интерпретацию составляющих ее элементов как дифференцированных друг от друга.

Типологическая классификация этих элементов основана на их дискретности, вследствие того, что «когнитивно-логическая модель является конвенциональной (общечеловеческой), отражающей естественное мироустройство, обеспечивающее миропонимание» [Салмина 2002: 113], репрезентированное в концептах.

2.1.1. Модели описания концепта

На современном этапе развития когнитивной науки наметились несколько моделей описания концептов. Эти модели взаимодополняют друг друга и описывают отношение концепта к форме его языкового представления.

Общепризнанны следующие модели: архетипная, инвариантная, контекстуальная, концептуальная, когнитивная.

Архетипная модель репрезентирует концепт как явления предельно обобщенное, но, тем не менее, чувственно-образное, скрытое в глубинах сознания, воплощающееся в редуцированной форме в понятии, в представлении, в значении слова [см: Ляпин 1997: 21], проявляющееся в процессе номинации. Первоначальное значение слова и его семная структура связаны с определенным признаком предмета или явления, называемого словом, его внутренней формой. Признак, положенный в основу внутренней формы, может быть несущественным, но он становится концептуально значимым в процессе формирования производных (смысловых и словообразовательных) номинаций.

Концепт как первосмысл, первообраз функционирует при помощи архисемы, которая уточняется и конкретизируется при помощи других структурных элементов, формирующихся в процессе употребления новой номинации [Ляпин 1997].

Инвариантная модель представляет концепт как предел обобщения – инвариант плана содержания языковых единиц определенной семантической области, первосмысла, который в процессе коммуникации вбирает в себя содержание множества форм, функционирует в рамках компонентами семантической структуры слова и служит основой для развития всех содержательных форм лексических единиц [Омельченко 2003: 33].

Контекстуальная модель описывает концепт как конструкт, осуществляющий глобальное управление всем дискурсом и отвечающий за стратегическое комбинирование нескольких ситуационных моделей.

Контекст модификации использует информацию микроуровня из кратковременной памяти или базы текста, находящейся в эпизодической памяти, и согласовывает ее с общим контекстом и целевой информацией, а также с общими

сценариями, а затем выдвигает эффективную гипотезу относительно того, какого рода фрагменты моделей следует извлекать из памяти или активизировать и как их следует сочетать [Дейк 1989: 94].

Концептуальная модель репрезентирует частеречную систему конкретного языка и может быть представлена в виде фрейма, типового сценария или скрипта [Жаботинская 2000: 15], что создает условия для изучения этих когнитивных структур и позволяет их смоделировать.

Когнитивная модель основывается на логике упорядочения, хранения и использования когнитивных знаний [ср.: Johnson-Laird 1983; Langacker 1999], репрезентируемых посредством языкового тезауруса. Когнитивный тезаурус как система репрезентации когнитивных знаний, координируясь с языковым тезауром, обеспечивает функционирование информационного тезауруса как упорядоченной системы [Калентьева 1998: 57-58], материализующей когнитивные структуры.

Материализация является итогом лингвоконцептологического описания концепта, представления его содержания в словесной или графической форме с указанием яркости отдельного когнитивного признака.

Существуют следующие когнитивные модели:

1) **пропозициональные модели** – характеристика элементов категории, их свойства, взаимообусловленность;

2) **образ-схематические модели** – отражение основных образных представлений, формирующих категориальные классы;

3) **метафорические модели** – представление некоторой абстрактной области посредством отождествления её с другой областью, обычно конкретной и доступной эмпирическому изучению;

4) **метонимические модели** – перенос характеристик одного элемента множества на всё множество в соответствии с теорией Дж. Лакоффа [Lakoff 1987: 134].

Когнитивно-логическая модель формируется на основе представления о минимальной автономной составляющей существующего – элементе (носителе признаков) – в контексте его структурно-системных связей (признаков) и представляет собой типологию элементов и их возможных взаимоотношений, вследствие чего именно когнитивное моделирование [Lakoff 1984: 275-304] обеспечивает комплексный подход к описанию и интерпретации концепта.

Совокупность когнитивных моделей, иллюстрирующих вербализованную часть концепта, обеспечивает упорядоченность и связность составляющих его элементов.

Когнитивная логика, не отраженная, а выраженная в языке четко прослеживается именно в «когнитивно-логической модели действительности, которая существует в сознании носителя языка как свернутое в знаках декларативное знание об устройстве мира и процедурное знание когнитивно-логических принципов его моделирования» [Величковский 1982: 262].

Моделирование концептов как единиц национальной концептосферы осуществляется на принципах лингвокогнитивной концептологии.

Выявление максимально полного состава языковых средств, репрезентирующих исследуемый концепт, на основе методики когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования позволяет смоделировать содержание концепта как «глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии и определить место концепта в национальной концептосфере» [Стернин 2006: 78].

Создание таксономической (языковой) модели, структура которой основана на концептуальной иерархии, отражающей межуровневую дифференциацию основных характеристик концепта, позволяет выделить ментальное и семантическое различие ее уровней на базе лексикографических данных [см. подробнее: Болдырев 2004: 18-36].

Создание модели языкового употребления, которая бы имитировала интеллектуальную деятельность человека, воссоздавала систему обработки информации носителем языка, является целью когнитивного подхода к языку, где «вопрос о структурах представления различных видов знания является одной из основных проблем» [Скрышников 1999: 71].

Моделирование концепта в рамках лингвоконцептологии включает следующие взаимодополняющие процедуры:

1) описание макроструктуры концепта: выявление когнитивных признаков к образному, информационному компонентам и интерпретационному полю концепта, установление их соотношения в структуре концепта;

2) описание категориальной структуры концепта: установление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков;

3) содержательная интерпретация концепта в словесной форме;

4) выделение доминантного признака или внутренней формы концепта [ср.: Стернин 2006: 148].

Поиски универсальных правил – метаправил, позволяющих моделировать языковые универсалии средствами языка, не завершены, так как на данный момент не представлено окончательное решение проблемы всеобъемлющей методологии моделирования структуры концепта, поэтому мы настаиваем на необходимости, наравне с созданием языковых моделей, развивать методики графического моделирования архитектоники концепта и концептосферы в целом.

Графическая модель основывается на полученных в когнитивной лингвистике результатах анализа плана содержания языка (его семантики) и плана выражения – формальных закономерностей языка, где моделирование становится возможным в результате обобщения регулярных повторений лексических, фразеологических и текстовых репрезентаций концепта, как конструктора, обобщающего знания о мире.

Моделирование содержания концептов, формирующих концептосферу художественного текста, «как гносеологически важных средств познания позволяет изучить структуры всей концептуальной системы» [Колесов 2002: 28].

2.2. Моделирование концептосферы текста-оригинала

Вне сомнения художественный текст, являясь устойчивым носителем и хранителем информации, представляет собой многоуровневый канал передачи информации от поколения к поколению в виде совокупности моделей номинативных полей когнитивных структур различного уровня сложности, т.е. номинативных полей концептов, субконцептов, концептов-элементов.

Изучение единиц художественного текста как компонентов номинативного поля контекстуальных концептов, формирующих концептосферу художественного текста, является одним из значимых направлений современной когнитивной лингвистики.

Художественный текст, являясь частью концептуальной картины мира, фиксирует семантические модификации концепта, но концепт может реализовываться в тексте и без специального словесного обозначения, то есть может быть выражен имплицитно.

Номинативное поле «имеет комплексный характер <...> представляя собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц» [Попова, Стернин 2006: 47].

В ряде научных работах изучение структуры номинативного поля концепта основано на исследовании лексической системы языка, так как концепт как когнитивная единица чаще всего репрезентируется лексемой, которая приравнивается к концепту. Ряд учёных выделяет следующие сегменты номинативного поля концепта:

словообразовательный сегмент – совокупность однокоренных слов;

формообразовательный сегмент – грамматическая характеристика единиц концептуального поля;

синтаксический сегмент – синтаксическая сочетаемость и функции в предложении, типичные для единиц данного поля;

системный сегмент – тематические, синонимические, антонимические связи концептуального понятия;

ассоциативный сегмент – ассоциативные связи с другими концептуальными полями;

символический сегмент – литературный и культурный фон;

экстралингвистический сегмент – знания экстралингвистического контекста о знаковых событиях в жизни автора [Богатова 2006: 445-447]. Мы разделяем мнение И.А. Стернина о необходимости изучения языковых репрезентаций концепта (лексема, сочетание лексем, целое предложение) в качестве номинантов, которые образуют номинативное поле [Попова, Стернин 2006].

В проводимых нами исследованиях архитектура концептосферы художественного текста рассматривается как единство смыслового и формального уровней.

Смысловой уровень, по нашему мнению, – это когнитивные образования (см. табл. 1), где каждое последующее образование является производной предыдущих. Минимальным когнитивным образованием является **компонент смысла**. Этот термин введён нами терминологический исследовательский аппарат для обозначения минимальной смысловой ячейки концептосферы.

Совокупность компонентов смысла составляет **концепт-элемент**.

Единство концептов-элементов образуют **субконцепт**.

Совокупность субконцептов представляет собой **концепт**.

Единство художественных концептов текста – это **концептосфера** художественного произведения.

Особая организация архитектоники текста позволяет говорить о том, что формальный уровень концептосферы – это единство когнитивных структур: (1) статичной (фрейм), (2) динамичной (сценарий, сцена), (3) статично-динамичной (когнитивная сцена).

Фрейм рассматривается в работе как когнитивная структура, репрезентирующая концепт. Фрейм представляет собой совокупность субфреймов.

Субфрейм – это единство **фрейм-элементов**, которые репрезентируют статичную часть концептов-элементов.

Номинативное поле **фрейм-элемента** рассматривается нами как совокупность **номинантов**.

Номинант – это языковая единица, совокупность планов содержания и выражения языкового знака, реализующего компонент смысла как минимальную структурную единицу концепта-элемента.

Отобразим выявленное нами единство смыслового и формального уровней компонентов архитектоники концептосферы художественного текста в следующей таблице:

Таблица 1

Когнитивные образования	Когнитивные структуры, в рамках которых функционируют когнитивные образования
концептосфера	мегафрейм, сценарий, сцена
концепт	фрейм, сценарий, сцена
субконцепт	субфрейм, сценарий, сцена
концепт-элемент	фрейм-элемент, сценарий, сцена
компонент смысла	номинант

По нашему мнению, параметры когнитивного образования предопределяют когнитивную структуру, репрезентирующую это когнитивное образование как единицу ментального пространства индивида, репрезентирующаяся языковыми единицами, которые являются частью смыслового содержания концептосферы, имеющей полевою структуру.

Полевые исследования получили широкое распространение при изучении семантики художественной речи как средства отражения специфики авторского идиостиля. Эти исследования являются действенным способом проникновения в языковую и концептуальную картину мира писателя.

Так, Н.С. Болотнова рассматривает ассоциативно-смысловые поля художественного текста как один из способов репрезентации авторских концептов [Болотнова 1998].

Подчеркнём тот факт, что ассоциативно-смысловые поля являются единицами плана выражения концепта, тогда как концептуальные поля, являясь наиболее крупными ментальными образованиями, включают в свой состав разные типы когнитивных структур и различные формы языковых и речевых репрезентаций.

Наше исследование направлено на детальное исследование номинативных полей следующих компонентов архитектоники концептосферы художественного текста:

- (1) когнитивных образований различного уровня,
- (2) когнитивных структур,
- (3) репрезентирующих их языковых структур, то есть номинантов, представляющих собой единства планов содержания и выражения.

Комплексное исследование номинативных полей этих образований проводится с целью построения когнитивно-сопоставительной графической модели поля той или иной когнитивной структуры, реализующей то или иное когнитивное образование концептосферы.

Известно, что создание модели концептосферы художественного текста базируется на результатах исследования концептосферы национального языка в целом, тогда как создание модели номинативного поля художественного концепта как составной части концептосферы художественного текста основано на результатах исследования отдельных фрагментов национальной концептосферы, отраженной на страницах художественного произведения.

Получаемая в результате такого исследования модель представляет собой один из сегментов комплексной когнитивно-сопоставительной модели концептосферы художественного текста оригинала и текста перевода.

2.3. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста

Когнитивно-сопоставительное исследование на современном этапе развития науки нацелено на следующее:

(1) установление взаимосвязи концептов, их взаимобусловленности в семантических структурах различных языков,

(2) определение принципов и закономерностей их вербализации в разноструктурных языках и не только. Именно при межъязыковом сопоставлении ценностных картин мира обнаруживаются «различия между представлением тех или иных концептов.

Эти различия выражаются большей частью не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике» [Карасик 2002а: 205].

Моделирование художественного концепта, имеющего комплексный характер, заключается в сопоставлении состава слов, словосочетаний, паремий, репрезентирующих действительность субъекта через призму чувственной модели мира (перцептивный образ) или через знаковые, концептуальные модели [Петренко 1997: 37] оригинального и переведённого текстов.

Моделирование осуществимо по результатам изучения когнитивных аспектов процесса перевода художественных произведений [см. подробнее: Есакова 2002: 32-43].

2.3.1. Интеркультурное пространство художественного концепта

Актуальной задачей современного языкознания является определение места художественного концепта в интеркультурном пространстве перевода. Концепт является «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека в интертекстуальном и интеркультурном поле перевода получает новую смысловую валентность» [Ельцова 2003: 126], что обусловлено его верхним «надтекстовым» слоем, который выступает как смысл, а не буквальное значение слова. Передача смысла при переводе способствует адекватной адаптации формальной структуры концепта, с учётом того, что языкам присущи различные способы концептуализации действительности как универсальные, так и национально обусловленные.

Перевод художественного текста служит тем оптимальным способом, который выявляет «законы языкового сознания, семантической бесконечности языкового знака», так как посредством него «выявляется, насколько мир значения разделен неодинаково для каждого языка» [Щерба 1915: 4].

Процесс трансляции требует от переводчика художественно-ориентированной интерпретации, которая наравне со смысловой интерпретацией (выявление концептов, схем и др.) включает интерпретацию художественной идеи как сложного сцепления художественно оформленных понятий и когнитивных образов [Фесенко 2002: 179] на основе индивидуального «вербального кода».

Неотъемлемым свойством языковой личности переводчика является межкультурная компетенция, которая обуславливается готовностью к межкультурной коммуникации с соблюдением как социокультурных норм, так и речевого этикета носителей иной культуры и языка [Wierzbicka 1994: 67-87; Porter 1997: 5-26; Фесенко 2005: 33-34].

Тем не менее, очевидно, что переводчик репрезентирует содержание ментального мира автора по «алгоритму» своей культуры, которой он принадлежит (в том числе и языко-

вой). Оптимальный перевод, по мнению Т.А. Фесенко, обусловлен не только знанием переводчика «алгоритмов» чужой культуры, но также пересечением ментальных пространств автора и переводчика, которые никогда не могут полностью совпадать, поскольку определяются индивидуальными знаниями и репрезентируются индивидуальным «вербальным кодом», но могут иметь «общие зоны» [Фесенко 2005: 33], которые предопределяют степень достоверности перевода.

Как показывает исследование, языковое оформление текста перевода, в ряде случаев, не соответствует *инварианту на уровне плана содержания* [Огнева 2006б], что, с когнитивной точки зрения, объясняется кросскультурными различиями, когда содержание, вкладываемое автором, не согласуется с извлекаемой переводчиком информацией, с его фреймом интерпретации. Наряду с высокой степенью достоверности перевода существует упрощенное перекодирование и творческие отклонения. Упрощенное перекодирование оригинала обусловлено, по мнению Ю.А. Сорокина, эмотивной и когнитивно-когнитивной дистанцией между переводчиком и автором. «Ориентация на массового читателя и требования массовой культуры переводного языка также приводят к необоснованному устранению непривычных стилистических приемов» [Сорокин 2005: 46].

Как показывает анализ переводческих стратегий, они не являются исключительно когнитивными или интуитивными, но представляют собой когнитивно-интуитивные «сцепления». «Интуиция при переводе актуализирует исходные вербальные данные и определяет как семантические «координаты» перевода, так и построение индивидуального семантического перевода» [Фесенко 2004: 114].

Тем не менее, существуют следующие творческие отклонения в процессе адаптации художественного текста, к которым следует отнести, по мнению П. Ньюмарка, три типа переводческих решений:

- 1) редактирование стиля в текстах информативного типа;

2) более высокий уровень художественности текста перевода по сравнению с исходным текстом;

3) использование компенсации при передаче различных средств образной выразительности при переводе художественных текстов [Newmark 2003].

Таким образом, художественное произведение как совокупность концептов, каждый из которых имеет свое номинативное поле как единство номинантов (языковых знаков), претерпевает преобразования, трансформацию при переводе на структурно иной язык, вследствие того, что языковому знаку присуще явление симметрии/асимметрии.

Впервые термины симметрия/асимметрия при характеристике языкового знака в лингвистической науке были применены С. Карцевским в его работе «Об асимметричном дуализме языкового знака» [Карцевский 1965: 85-90].

Исследования показывают, что симметрия и асимметрия знака [см.: Минкин 1987: 34-37] проявляется при необходимости выбора языковой единицы в процессе перевода и является актом порождения новой информации.

Лингвистический сопоставительный анализ параметров оригинального и переведённого текстов показывает, что вербализованный концепт, как комплексный языковой знак, состоит из знаков меньшего объема, подвергающихся трансформациям, вследствие чего художественный концепт может изменить свое контекстуальное значение при переводе, т.к. не происходит «передача соответствия между языковыми формами и отрезком экстралингвистической действительности» [ср.: Гак 1998: 215].

Рассмотрим, например, следующий контекст: *Санька со-скоочила с печи, задом ударила в забухиую дверь* (Голстой, 1981, Т.1: 23).

Когнитивно-герменевтический анализ установил, что в тексте оригинала – 9 слов, тогда как в тексте перевода, к примеру, на французский язык – 22 слова, т.к. 6 служебных слов осуществляют **синтаксические** связи в предложении: *Sanka sauta à la bas de la couchettes, au-dessus du four; d'un coup de reins*

elle ouvrit la porte gonflée par l'humidité (Tolstoï, 1982 Т.1: 13). В тексте перевода, к примеру, на английский язык выявлено 15 слов, 2 из которых – служебные и являются артиклями: *Sanka jumped down from the stove and bumped the jammed door open with her bottom* (Tolstoy, 1982 Т.1: 5).

Изучаемое предложение рассматривается нами как совокупность двух номинантов – терминалов сценария, репрезентирующего концепт-элемент 'сельский быт', входящий в субконцепт 'быт' (см. подробнее: глава III, 3.3.). **Терминал I** – *Санька, соскочила с печи*, **терминал II** – *задом ударила в забухшую дверь*.

1. Номинант *соскочила с печи* передан асимметрично в плане содержания на французский язык *sauta à la bas de la couchettes, au-dessus du four* (соскочила с кушетки на печи). На английский язык номинант передан симметрично в плане содержания: *jumped down from the stove* (соскочила с печи), тогда как план выражения номинанта-инварианта и его вариативной формы асимметричны вследствие вставки «down».

2. Номинант *задом ударила (в забухшую дверь)* переведен на французский язык следующим образом: *d'un coup de reins elle ouvrit (la porte gonflée par l'humidité)*, где словосочетание *d'un coup de reins* – *ударом поясницы* не соответствует плану содержания номинанта-инварианта, т.к. «точка соприкосновения» Саньки и двери сместилась на *поясницу* – процесс осуществления этого действия представить невозможно, как следствие, восприятие французским читателем содержания вышеприведенного номинанта неадекватно не только картине, изображенной в тексте оригинала, но и реальности.

На английский язык номинант также адаптирован асимметрично в плане содержания *bumped (the jammed door) open with her bottom*, т.к. в процессе перевода в структуру номинанта был добавлен глагол *open* (открыть).

Изменения планов выражения и содержания рассматриваемых номинантов привели к асимметричной передаче структуры сценария-инварианта, реализующего концепт-элемент 'сельский быт'.

Таким образом, сопоставительный анализ структуры номинантов-инвариантов и переводных вариантов показал, насколько адекватно или ошибочно информация может быть интерпретирована при художественном переводе.

Изучение переводческих трансформаций и ошибок с когнитивной точки зрения, их подробный анализ и классификация способствуют «пониманию мыслительных и психологических процессов, связанных с переводом как актом межязыковой и межкультурной коммуникации» [Бреус 2000; Тер-Минасова 2000]. Тем не менее, перевод невозможен без переводческих ошибок, «обусловленных влиянием системы одного языка на другой (языковая интерференция), давлением, испытываемым переводчиком при работе» [Ананьина 2003: 5-7].

Когнитивно-лингвистический анализ единиц текста всех уровней:

(1) устанавливает факты, составляющие лингвистическую основу оригинала,

(2) рассматривает экстралингвистические факторы – все фоновые и коннотативные значения культурно-исторического содержания оригинала,

(3) способствует определению взаимосвязи планов содержания и выражения знаков текста оригинала и перевода,

(4) устанавливает семантическую информацию языковой единицы с целью последующего комплексного когнитивно-сопоставительного моделирования, позволяющего представить модель концептосферы произведения в виде совокупности концептов, которые могут быть переведены с одного языка на другой на основе следующих приёмов:

(а) «перекодирующая интерпретация» с сохранением инвариантного ядра смысла концепта;

(б) замена национально-специфической периферии (коннотации, ассоциации и т.д.) исходного текста.

Таким образом, в процессе когнитивно-сопоставительного анализа планов содержания и выражения номинантов номинативных полей сопоставляемых когнитивных

структур определяются оптимальные способы передачи коммуникативных параметров концептосферы художественных произведений на иной язык и выявляются условия равнозначного обмена информацией между тезаурусами различных этносов, что устанавливает факторы (лингвистические, экстралингвистические), влияющие на перенос идиоэтнических характеристик лингвокультурологической общности в тексте перевода.

2.3.2. Методика когнитивно-сопоставительного моделирования концептосферы художественного текста

Мир концептуальных представлений о предметах и понятиях пронизан этнопсихологическими особенностями поведения людей, специфическими сценариями поведения, которые наиболее очевидны только при сравнении как основе художественного перевода [Манакин 2004: 25].

Поскольку слова, номинирующие концепт, имеют план выражения и содержания, то для создания его модели целесообразно одновременно выявить степень адаптации двух планов к восприятию иноязычным читателем [ср.: Рецкер 1974; Попович 1980; Гак 1999].

В процессе исследования нами создана не имеющая аналогов двухэтапная методика когнитивно-сопоставительного моделирования номинативного поля, во-первых, когнитивных образований, формирующих художественную концептосферу, во-вторых, когнитивных структур, репрезентирующих эти когнитивные образования, в-третьих, языковых структур, овнешняющих когнитивные.

Применение предлагаемой авторской методики позволяет путем графического когнитивного моделирования номинативных полей различных уровней выявить степень соответствия/несоответствия параметров архитектоники концептосфер художественных текстов в их оригинальной и переведённой версиях.

Первый этап когнитивно-сопоставительного моделирования

1.1. Выбрать среди многообразия литературы произведения, имеющие переводные аналоги (в нашем случае – художественные произведения русских писателей XIX-XX веков и тексты их переводов на английский и французский языки), которые в совокупности создают комплексную картину по исследуемой тематике.

1.2. Рассмотреть выбранные произведения и выявить значимые для исследования концепты (концептами они являются для исследователя, а для читателя, переводчика – это перечень событий, героев, т.п.).

1.3. Сгруппировать концепты по частотности их употребления в изучаемых художественных текстах и акцентировать дальнейшее исследование на более частотных.

1.4. Сформировать перечень концептов, составляющих изучаемую концептосферу. Обязательно вводится понятие **концепт ‘N’** как совокупность неисследуемого материала этого уровня репрезентации.

1.5. Расположить, на основе принципа частотности употребления в исследуемых текстах, концепты из перечня (п. 1.4.) по следующей шкале: **ядерный концепт > концепт приядерной зоны > концепт ближайшей периферии > концепт дальней периферии > концепт крайней периферии.**

1.6. Смоделировать графически номинативное поле концептосферы, расположив концепты по степени удаленности от центра к периферии в соответствии со шкалой из п. 1.5.

1.7. Выделить в структуре каждого концепта субконцепты, составить их перечень. Ввести понятие **субконцепт ‘N’** как совокупность неисследуемого текстового материала этого уровня репрезентации.

1.8. Определить частотность употребления субконцептов в текстах и расположить их на шкале по степени удаленности от центра к периферии.

1.9. Выявить частотные характеристики субконцептов, которые будут рассмотрены в качестве концептов-элементов в структуре концептосферы.

1.10. Ввести понятие **концепт-элемент 'п'** (к-эл. в модели) как совокупность неисследуемого текстового материала этого уровня репрезентации.

Второй этап когнитивно-сопоставительного моделирования

2.1. Установить типы когнитивных структур (статичные, динамичные, статично-динамичные), которые репрезентируют когнитивные образования изучаемой концептосферы.

2.2. Ввести понятие **N-когнитивная структура** как совокупность нерассматриваемых когнитивных структур, в силу низкой частотности их представленности в концептосфере исследуемых художественных произведениях, что позволяет ограничить рамки изучаемого нами материала.

2.3. Смоделировать каждую из рассмотренных когнитивных структур.

2.4. Изучить архитектуру номинативных полей каждой когнитивной структуры, т.е. план выражения и план содержания языковых структур, вербализующих выявленные когнитивные структуры.

2.5. Сравнить планы содержания и выражения номинантов, составляющих номинативные поля каждой когнитивной структуры концептосферы оригинала и переведённого текста.

2.6. Определить степень симметрии/асимметрии номинантов-инвариантов и их переведённых вариантов.

2.7. Смоделировать номинативное поле каждой из изученных когнитивных структур

2.8. Охарактеризовать полученные модели.

2.9. Сделать выводы о влиянии выявленных переводческих трансформаций в структуре каждой из полученных мо-

делей на возникновение причин коммуникативного сбоя при чтении текстов перевода.

Итак, проиллюстрируем применение авторской методики когнитивно-сопоставительного моделирования различных сегментов концептосферы художественного текста в параграфах 2.4 - 2.6.

2.4. Когнитивно-сопоставительное моделирование фреймовой организации *знаний*

Фрейм – это, во-первых, когнитивная структура, организующая ментальное пространство, во-вторых, это род сложного концепта [Никитин 2004: 61; Филлмор 1983; Филлмор 1988], в-третьих, это модель обыденного знания об основных концептах [Болдырев 2004: 30].

Итак, фрейм – это структурированная единица знания, в которой «выделяются определенные компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2004: 29].

Структурная организация фрейма предполагает наличие узлов (слотов) поля – ядра, центра и периферии, границы между которыми подвижны. Вершинные уровни фрейма фиксированы и стабильны.

Ниже этих узлов располагаются терминальные узлы или слоты. Каждый терминальный узел может указывать на условия, которым должно отвечать его заполнение, которое представляется как подфрейм – вложенный фрейм [ср.: Лазарев, Правикова 2002: 3-19].

Проиллюстрируем применение авторской методики на примере моделирования архитектоники концепта *'военная служба'*, репрезентированного в произведении А. Толстого «Хождение по мукам».

В результате проведенного исследования было установлено, что концепт *'военная служба'* состоит из таких суб-концептов, как:

➤ **субконцепт ‘офицер Белой армии’**,
➤ **субконцепт ‘офицер Красной армии’**,
➤ **субконцепт ‘воины’**,
➤ **субконцепт ‘N’** как совокупность не исследуемого в работе сегмента номинативного поля концепта (Чешские войска, немецкие войска и т.п.).

➤ **Субконцепт ‘офицер Белой армии’** состоит из следующих концептов-элементов:

- концепт-элемент *‘любовь к Родине’*,
- концепт-элемент *‘честь офицера’*,
- концепт-элемент *‘храбрость’*,
- концепт-элемент *‘православная вера’*,
- концепт-элемент *‘малочисленность’*,
- концепт-элемент *‘злость’*,
- концепт-элемент *‘мнение о народе’*,
- концепт-элемент *‘крестоносцы XX века’*,
- концепт-элемент *‘жестокость’*,
- концепт-элемент *‘отчаяние’*,
- концепт-элемент *‘военная хитрость’*,
- концепт-элемент *‘целеустремленность’*,
- концепт-элемент *‘мнение о враге’*,
- концепт-элемент *‘n’* как совокупность концептов-элементов, соотносящихся с номинативным полем исследуемого концепта, но нами не рассматриваемых с целью ограничения исследуемого материала.

➤ **Субконцепт ‘командир Красной армии’** состоит из таких концептов-элементов, как:

- концепт-элемент *‘храбрость’*,
- концепт-элемент *‘организатор’*,
- концепт-элемент *‘успех’*,
- концепт-элемент *‘чутьё’*,

- концепт-элемент *‘неустойчивость’*,
- концепт-элемент *‘отчаяние’*,
- концепт-элемент *‘милосердие’*,
- концепт-элемент *‘революционное происхождение’*,
- концепт-элемент *‘самомяние’*,
- концепт-элемент *‘самоуверенность’*,
- концепт-элемент *‘ненадежность’*,
- концепт-элемент *‘взгляд на врага’*,
- концепт-элемент *‘п’*.

➤ **Субконцепт ‘воины’** состоит из следующих концептов-элементов:

- концепт-элемент *солдаты*,
- концепт-элемент *рядовые бойцы*,
- концепт-элемент *взбунтовавшаяся чернь*,
- концепт-элемент *горы трупов*,
- концепт-элемент *цепи*,
- концепт-элемент *станичники*,
- концепт-элемент *отряд*,
- концепт-элемент *‘п’*.

На основе полученных результатов исследования материала нами была построена трёхслойная модель концепта *‘военная служба’*, где приняты следующие условные сокращения:

- ❖ **субконцепт** – составная часть концепта,
- ❖ **к-эл.** – концепт-элемент – составная часть субконцепта,
- ❖ **субконцепт ‘N’** – немоделируемый сегмент концепта,
- ❖ **к-эл. ‘п’** – немоделируемый сегмент концепта.

Построенная модель архитектоники номинативного поля концепта *‘военная служба’* иллюстрирует: (1) трехслойность ядерно-периферийной полевой структуры этого концепта; (2) компонентный состав каждого слоя концепта, а именно, слоя субконцептов, слоя концептов-элементов; (3) количественный состав каждого компонента, составляющего слой субконцептов, – 4 компонента, слой концептов-элементов – 35 компонентов. Модель наглядно иллюстрирует количественное преобладание концептов-элементов, репрезентирующих субконцепт «офицер белой армии» – 14 номинанта, далее следует номинативное поле субконцепта «командир красной армии» – 13 номинантов, далее – номинативное поле субконцепта «воины» – 8 номинантов.

Проведённый когнитивно-герменевтический анализ текстового материала, репрезентирующего рассмотренный сегмент номинативного поля концепта *‘военная служба’*, выявил, что данный концепт репрезентирован статичной когнитивной структурой соответствующего уровня сложности (см. таблицу 1, отображающую взаимообусловленность когнитивных образований и репрезентирующих их когнитивных структур в рамках концептосферы художественного текста), т.е. одноимённый фреймом. Иные когнитивные структуры, сценарий и сцена, представлены в меньшей степени, что позволяет нам, в данном случае, ограничиться изучением и моделированием только фрейма. Построим его модель, в которой приняты следующие условные сокращения:

- ❖ **субфрейм** – составная часть фрейма,
- ❖ **субфрейм ‘N’** – совокупность субфреймов не исследуемого в работе сегмента номинативного поля,
- ❖ **фр.-эл.** – фрейм-элемент, составная часть субфрейма, **фрейм-элемент ‘n’** – совокупность фрейм-элементов, соотносящихся с номинативным полем исследуемого фрейма, но нами не рассматриваемых.

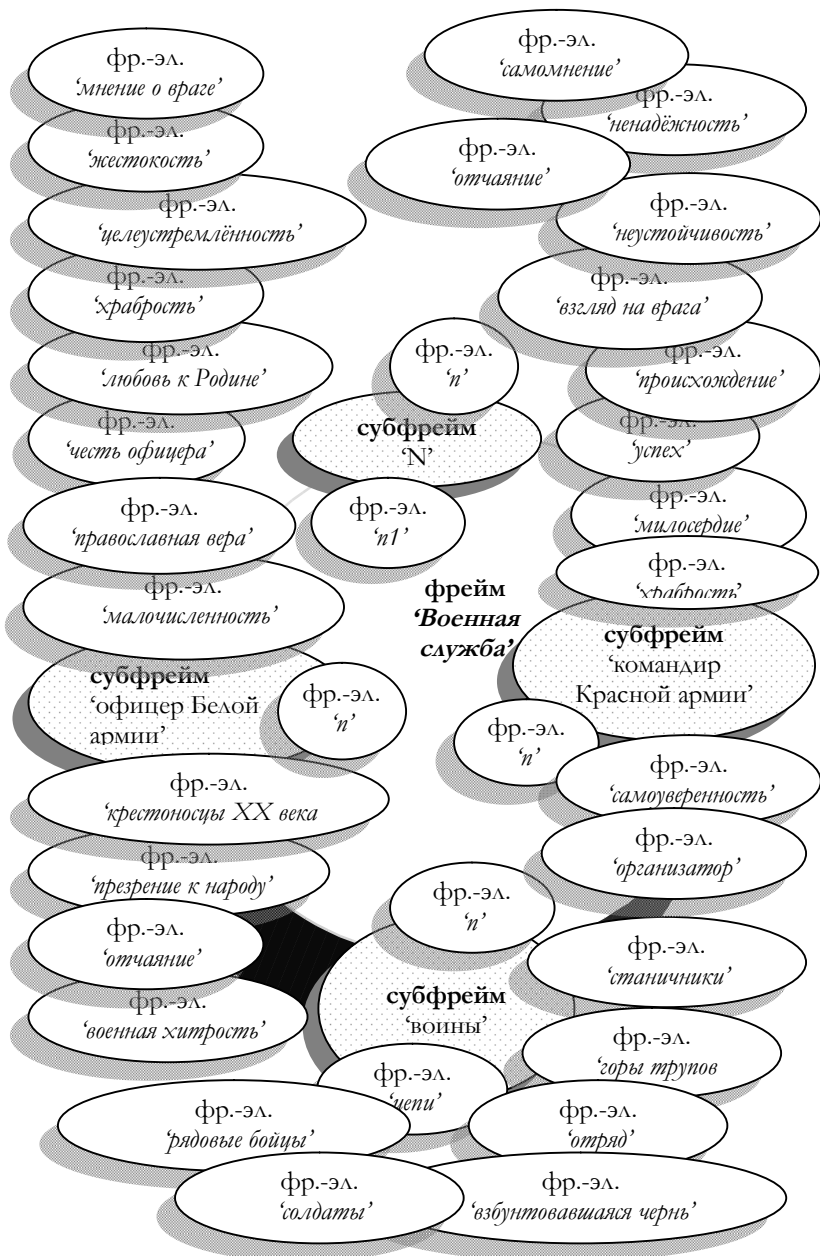

Рис. 2. Модель фрейма 'военная служба'

Построенные модели концепта '*военная служба*' и одноименного фрейма, в рамках которого репрезентируется изучаемый концепт, предоставляют возможность компактного изложения информации, что является преимуществом графического когнитивно-сопоставительного моделирования перед словесным описанием структуры концепта.

В соответствии со вторым этапом моделирования детального исследуется структура каждого субфрейма, в данном случае рассматриваемый субфрейм '*офицер Белой армии*'.

2.4.1. Модель субфрейма '*офицер Белой армии*'

В процессе когнитивно-сопоставительного исследования текста оригинала и перевода было установлено, что на страницах произведения «*Хождение по мукам*» предстает сборный портрет командующего Белой армией через описание адмирала Колчака (см. подробнее: Черкашин 2005), генералов: Корнилова (см. подробнее: Ушаков, Федюк 2006) и Деникина (см. подробнее: Деникин 1953). Подчеркнем, что анализ языкового материала выявил, что А.Н. Толстой чаще дает положительную характеристику генералам Белой армии, а белые офицеры, также как и красные, описаны как положительно, так и отрицательно (Огнева 2007: 137-146).

Рассмотрим архитектонику номинативного поля субфрейма '*офицер Белой армии*' и выявим степень адаптации его компонентов к восприятию англоговорящим читателем. При изложении результатов исследования нами принят следующий принцип нумерации: первая цифра обозначает принадлежность к тому или иному субфрейму в составе фрейма, а вторая цифра показывает очередность фрейм-элемента при его исследовании в составе субфрейма.

1.1. Фрейм-элемент '*любовь к Родине*' вербализуется в следующем предложении *Колчак, несомненно, любил другую Россию* (Толстой А.Н. *Хождение по мукам*, 1987: 280). В результате когнитивно-сопоставительного анализа установлено, что рассматриваемый номинант переведен в целом адек-

ватно на французский язык (fr.): *Koltchak cela n'est pas douteux aimait aussi une autre Russie* (Tolstoï A. *Le chemin des tourments*, 1962: 49), где план выражения асимметричен инварианту: выявлены вставки *cela, aussi*, план содержания передан симметрично. Выявлено, что переводной вариант номинанта на английский язык (engl.): также адекватен инварианту в плане содержания, но в плане выражения номинант асимметричен, так как изменен порядок слов в предложении: *And there was another Russia, which Kolchak loved* (Tolstoï A. *Odeal*, 1975: 42).

1.2. Фрейм-элемент 'честь' выявлен в тексте: **Каждый честный офицер** должен поступить на моем месте так! (Толстой А.Н. *Хождение по мукам* 1987: 281). Установлено, что перевод осуществлен адекватно на fr.: **Tout officier honnête qui serait à ma place ferait comme moi!** (Tolstoï A. *Le chemin des tourments*, 1962: 51), то есть: а) симметрично в плане содержания, б) асимметрично в плане выражения. В переводе на engl.: **Every honest officer would do the same in my place!** (Tolstoï A. *Odeal*, 1975: 44) выявлена также симметрия в плане содержания и асимметрия в плане выражения номинанту-инварианту.

1.3. Фрейм-элемент 'храбрость' реализуется в следующем номинанте: Он был **храбр** <...> выйдя впереди цепи с хлыстиком под секущий свинец (Толстой А.Н. *Хождение по мукам*, 1987: 302). Номинант переводится симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения на fr.: **il était brave** <...> *se placer, une cravache à la main, en avant de ses hommes, sous une grêle de plomb* (Tolstoï A. *Le chemin des tourments*, 1962: 85). В тексте перевода на engl.: **he was brave** <...> *heading his troops, whip in hand, beneath a shower of bullets* (Tolstoï A. *Odeal* 1975: 70) выявлено, что лексема **храбр** адекватна инварианту, а в плане выражения номинанта осуществлена трансформация форм связи в предложении. В структуре данного фрейм-элемента выявлена лексема **цепь**, которая репрезентирует номинативное поле другого суфрейма, а именно, субфрейма «*войны*» (подробнее: 2.4.3.). Лексема **цепь** переведена на французский язык асимметрично: *ses hommes* (его люди). В англий-

ском тексте переводчиком осуществлена замена видового понятия *цепь* родовым – *troops* (войска) (явление семантического процесса расширения (термин по В.Г. Гаку 1998: 471).

В двух переводных вариантах номинанта осуществлена грамматическая трансформация числа – единственное число заменено на множественное. В структуре следующего фрейм-элемента, описывающего храбрость офицера *ему приходилось самому поднимать цепи* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 455), выявлен ядерный номинант субфрейма ‘*воины*’ лексема *цепи*, структура которой в отличие от выше-рассмотренного примера переведена путем описания значения знака на fr.: *les files de tirailleurs: il lui fallait lui-même obliger à se lever les files de tirailleurs* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 331), а тексте на engl.: *required his personal efforts to urge his troops forward* (Tolstoï A. Odeal 1975: 269) выявлен эквивалент *troops*.

1.4. Фрейм-элемент ‘православная вера’ репрезентирован в следующем контексте *он перекрестил желтовосковое лицо Корнилова* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 318). Глагол *перекрестил* в русском языке требует прямого дополнения, тогда как в переводных языках этот глагол требует косвенного дополнения. Вследствие несовпадения глагольного управления объем знака увеличен при переводе на fr.: *fit le signe de croix sur le visage jaune cire de Kornilov* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 111) и на engl.: *he made the sign of the cross over the yellow, waxen-coloured features of Kornilov* (Tolstoï A. Odeal 1975: 92), что обусловлено национальной языковой картиной мира переводного языка. План содержания номинанта не трансформирован.

1.5. Фрейм-элемент ‘малочисленность’ вербализуется номинантами *кучка офицеров* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 503), *горсточка офицеров* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 470), характеризующими малочисленность офицеров Белой армии. В переводных текстах выявлены эквиваленты изучаемым номинантам на fr.: *une poignée d’officiers (горсть офицеров)* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 412)

и на engl.: *a handful of officers* (Tolstoi A. Odeal 1975: 332). Употребление эквивалентов способствует симметричной передаче планов содержания и выражения номинанта на переводные языки.

1.6. Фрейм-элемент 'отчаяние' вербализуется номинантом *и тогда – пулю в висок* (Голстой А.Н. Хождение по мукам, 1987: 283). Рассматриваемый номинант переведен асимметрично как на fr.: *Alors il ne me restera plus qu'à me brûler la cervelle* (Tolstoi A. Le chemin des tourments, 1962: 53), так и на engl.: *to put a bullet in one's brains* (Tolstoi A. Odeal 1975: 46).

1.7. Фрейм-элемент 'злость' репрезентирован номинантом: *отборных и свирепых офицеров, стоявших в бою каждый десяти рядовых бойцов* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 342). Номинант переведен асимметрично в плане содержания и в плане выражения на fr.: *officiers d'élite, sabreurs enragés qui, dans le combat, valaient chacun dix soldats ordinaires* (Tolstoi A. Le chemin des tourments 1962: 151), так как переводчиком употреблена лексема *sabreurs* (*рубачи*), которая является устаревшим словом. В переводе на engl.: *officers, chosen for their ferocity* (Tolstoi A. Odeal 1975: 125) выявлена транспозиция частей речи, что способствовало адаптации плана содержания номинанта к восприятию англоговорящего читателя.

1.8. Фрейм-элемент 'мнение о народе' вербализуется номинантами *чернь* и *черные вожди* в тексте *против взбунтовавшейся черни, против черных вождей* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 470). Рассматриваемый репрезентант переведен следующим образом на fr.: *contre la plèbe révoltée, contre les chefs noirs* (Tolstoi A. Le chemin des tourments 1962: 355) и на engl.: *against the insurgent rabble and its leaders* (Tolstoi A. Odeal 1975: 288). Употребление номинантов *чернь* и *черные вожди* в тексте оригинала подчеркивает презрение к народу посредством повтора слов с корнем *черн*. Сопоставление инвариантной структуры номинантов и их переводных вариантов выявило, что во fr.: *чернь* и *черные вожди* представлены словосочетаниями *la plèbe révoltée* и *les chefs noirs*, но слова *la plèbe* и *noir* во французском языке не являются однокоренными, поэтому

контекстуальная смысловая нагрузка, которую несет их употребление в оригинале, при переводе утрачена. В английском тексте эквивалентами инвариантам являются стилистически нейтральные лексемы: *the insurgent rabble* и *leaders*. Подчеркнутое А. Толстым презрение к народу через многократное употребление лексем с корнем *черн* в текстах переводов исчезает, а это в свою очередь стирает значимость корня *бел*, употребленного в словосочетании *белые одежды* для характеристики *участников Белого движения* в структуре фрейм-элемента *'крестоносцы XX века'*.

1.9. Фрейм-элемент 'крестоносцы XX века' вербализуется в изучаемом произведении следующим языковым знаком: *носить, как крестоносцы, белые одежды* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 470). При переводе словосочетания *белые одежды* на французский язык понятие *белый – чистота* заменено на словосочетание *одежды из чистого льна – des vêtements de lin immaculés* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 355), вследствие чего номинант переводного текста асимметричен инварианту и в плане содержания, и в плане выражения. В английском тексте сохраняется лексема *белый*, но словосочетанию придается негативный оттенок – *старомодно одеты в белое – clad in white* (Tolstoï A. Odeal 1975: 288), что искажает план содержания номинанта оригинала.

1.10. Фрейм-элемент 'жестокость'. Исследование выявило, что в ряде случаев при подборе эквивалента переводчик прибегает к транслитерации. Инвариант *мы устроили мамеево побоище, мы наступали по таким горам трупов* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 415) переведен на fr.: *nous avons organisé un massacre à la Mamaï. Nous avons marché sur des monceaux de cadavres* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 269) и на engl.: *There was veritable carnage, we waded through such a sea of corpses* (Tolstoï A. Odeal 1975: 219). Сопоставительный анализ установил, что номинант *мамеево побоище* адаптирован на французский язык путем транслитерации имени собственного **Mamaï**, где план содержания номинанта-варианта симметричен инварианту, тогда как в английском переводе

имя собственное заменено словосочетанием *veritable carnage* (настоящая резня).

1.11. Фрейм-элемент 'мнение о враге' репрезентирован поговоркой: *не ставлю на них и ломаного гроша* (Толстой А.Н. Хождение по мукам, 1987: 416). Исследуемый номинант был переведен на fr.: *Je n'en donnerai pas un rouge liard* (ни гроша) (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 269), где стилистически окрашенное словосочетание *un rouge liard* подобрано в качестве эквивалента словосочетанию оригинала *ломаный грош*. В английском переводе также дается поговорка: *I wouldn't give a straw for their chances* (Tolstoï A. Odeal 1975: 219). Таким образом, было установлено, что планы содержания и выражения номинанта адаптированы эквивалентно и симметрично на языки перевода.

1.12. Фрейм-элемент 'военная хитрость' вербализуется номинантом: *хитрый, как старая лиса, Корнилов* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 306). Номинант переведен адекватно на fr.: *Kornilov, rusé comme un vieux renard choix* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 92), где план выражения трансформирован, но план содержания симметричен оригиналу; в английском переводном варианте опущено сравнение *как старая лиса: the wily Kornilov* (Tolstoï A. Odeal 1975: 75) (хитрый Корнилов).

1.13. Фрейм-элемент 'целеустремленность'. При перекодировке языковых структур, вербализующих фрейм-элемент 'целеустремленность', а именно, при переводе его номинанта *уничтожение большевиков <...> верность союзникам до гроба* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 336), были осуществлены приемы транслитерации, адекватного и эквивалентного способов перевода на fr.: *anéantir les bolchéviques <...> rester fidèles aux allies jusqu'à la tombe* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 140) и на engl.: *to destroy the Bolsheviks and to display their eternal loyalty to the Allies* (Tolstoï A. Odeal 1975: 116).

Исследование выявило: (1) словосочетание *уничтожение большевиков* адаптировано адекватно на английский и французский языки; (2) культурема *большевики* транслитерирована;

(3) второе стилистически окрашенное словосочетание *верность до гроба* переведено приёмом трансформации частей речи, тогда как план содержания передан симметрично на французский язык: *à la tombe* (до могилы), а в английском тексте номинант стилистически нивелирован – *eternal loyalty* (вечная верность).

Отобразим полученные результаты исследования, установившие степень адаптации планов содержания и выражения номинантов номинативного поля субфрейма ‘*офицер Белой армии*’ в модели, где:

❖ **верхняя часть модели** (светлые прямоугольники) – это план выражения номинантов;

❖ **нижняя часть модели** (темные прямоугольники) – это план содержания номинантов;

❖ **прямоугольник** – символ фрейм-элемента;

❖ **шестиугольник** – символ симметричной передачи структуры фрейм-элемента на язык перевода;

❖ **светлый шестиугольник** – результат адаптации номинантов на французский язык;

❖ **заштрихованный шестиугольник** – результат адаптации номинантов на английский язык;

❖ **треугольник** – символ асимметричной адаптации номинантов на переводной язык;

❖ **светлый треугольник** – результат адаптации репрезентантов на французский язык;

❖ **заштрихованный треугольник** – результат адаптации репрезентантов на английский язык.

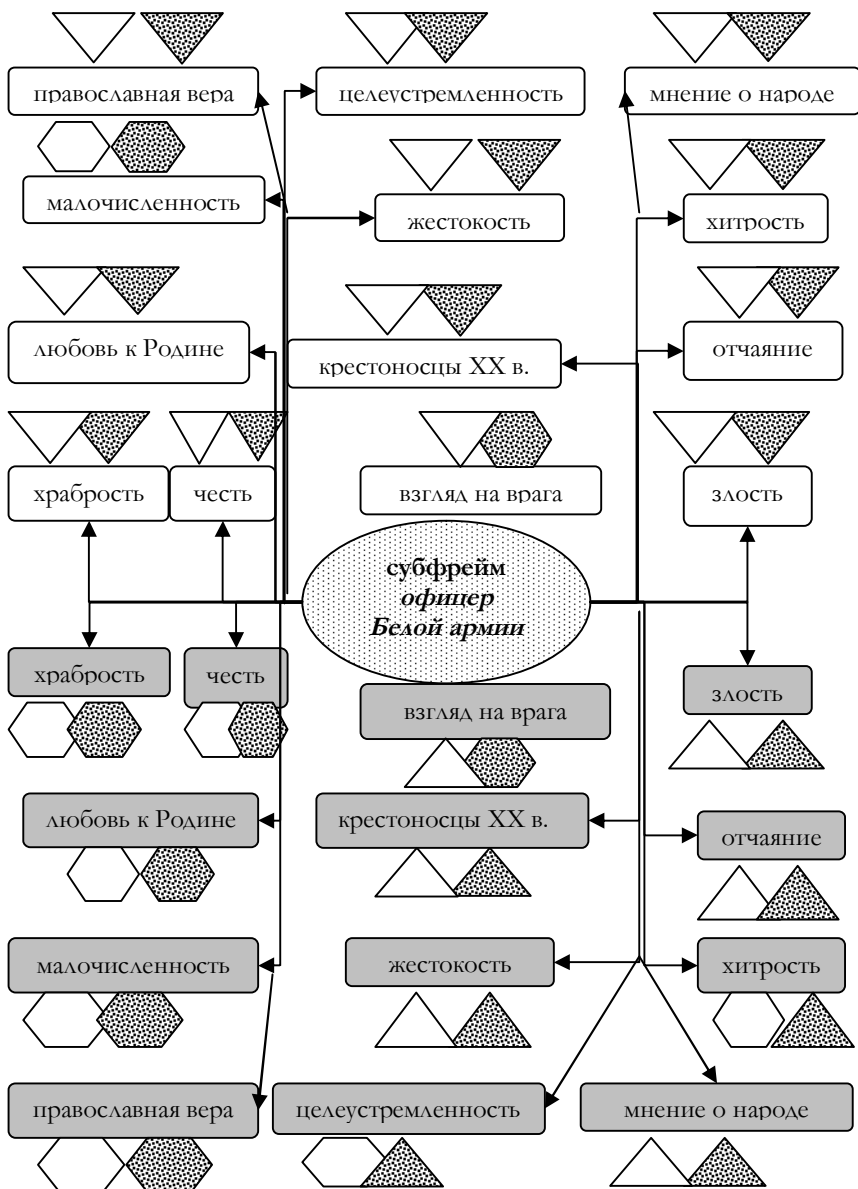

Рис. 3. Модель номинативного поля субфрейма 'офицер Белой армии'

Построенная модель иллюстрирует: во-первых, количество исследованных фрейм-элементов в составе субфрейма; во-вторых, преобладание асимметричной передачи плана выражения номинантов: 12 из 13 при переводе на французский, и 11 из 13 – при переводе на английский язык; в-третьих, несовпадение степени трансформации плана выражения номинантов, вербализующих фрейм-элементы на французский и английский языки; в-четвёртых, преобладание симметричной передачи плана содержания языковых единиц, вербализующих фрейм-элементы: 7 из 13 при переводе на английский язык.

Дальнейшее рассмотрение материала исследуемого концепта *‘военная служба’* показывает, что А.Толстой дает следующую характеристику офицеров русской армии: *белые офицеры: истинные герои духа* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 420). Это описание передано адекватно в текстах переводов на fr.: *véritables héros de l'esprit* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 276) и на engl.: *the only true heroes of the spirit* (Tolstoï A. Odeal 1975: 224-225). Характеризуя офицеров Красной армии, А. Толстой пишет: *продали душу и совесть Красной Армии* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 420). Это выражение перекодировано адекватно на fr.: *les uns ont vendu leur âme et leur conscience à l'Armée Rouge* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 276), тогда как в тексте на английском языке выявлено смещение акцентов, обусловленное национальной спецификой переводного языка: *They've sold themselves, body and soul, to the Red Army* (продали тело и душу) (Tolstoï A. Odeal 1975: 224-225), что искажает смысл оригинала.

Один из сторонников Добровольческого движения в России так сравнивал эти две военные силы: *На белой стороне честность, верность России, порядок и уважение к закону, на красной – измена, буйство, обман и пренебрежение к элементарным правам человека* (Савинков 1990). Исторические данные свидетельствуют о следующем: *«В занятых белыми областях возобновлялась регулярная работа железнодорожного и водного транспорта, начинали*

работу парализованные заводы и фабрики, открывались банки, оживала торговля. Устанавливались твердые цены на сельскохозяйственные продукты, был принят закон об уголовной ответственности за спекуляцию. Ни в одном из районов, подвластных белым, не было голода» (Савинков <http://savinkov.by.ru>).

2.4.2. Модель субфрейма ‘командир Красной армии’

Рассмотрение структуры номинативного поля субфрейма ‘офицер Красной армии’ выявило фрейм-элементы:

- фрейм-элемент ‘храбрость’,
- фрейм-элемент ‘организатор’,
- фрейм-элемент ‘успех’,
- фрейм-элемент ‘чутьё’,
- фрейм-элемент ‘неустойчивость’,
- фрейм-элемент ‘отчаяние’,
- фрейм-элемент ‘милосердие’,
- фрейм-элемент ‘революционное происхождение’,
- фрейм-элемент ‘самомяние’,
- фрейм-элемент ‘самоуверенность’,
- фрейм-элемент ‘ненадежность’,
- фрейм-элемент ‘взгляд на врага’,
- фрейм-элемент ‘и

2.1. Фрейм-элемент ‘храбрость’ реализуется в номинанте: *Солдаты любили его за пылкость и храбрость* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 359). Установлено, что номинант переведен эквивалентно на fr.: *Les soldats aimaient Sorokine pour sa fougue et sa bravoure* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 179), где местоимение *его* получило уточнение – *Sorokine*. Сопоставительный анализ исследуемого номинанта-инварианта и его варианта установил также, что перевод осуществлен адекватно на engl.: *The soldiers loved him for his ardour and courage* (Tolstoï A. Odeal 1975: 146).

2.2. Фрейм-элемент ‘успех’ реализуется в тексте номинантом: *Звезда его быстро восходила* (Толстой А.Н. Хождение

по мукам 1987: 359). Перевод структуры фрейм-элемента осуществлен адекватно на fr.: *Son étoile montait rapidement* (Толстой А. *Le chemin des tourments* 1962: 179), но в английском переводном варианте номинанта глагол употреблен в прошедшем простом времени (трансформация категории времени), что привело к искажению картины оригинала – процесса восхождения звезды – engl.: *His star rose rapidly* (Толстой А. *Odeal* 1975: 146).

2.3. Фрейм-элемент ‘организатор’ реализуется в следующем тексте: *организовал, – в станице <...> организовал из станичников партизанский отряд* (Толстой А.Н. *Хождение по мукам* 1987: 359), который переведен симметрично на fr.: *il avait formé dans la stanitsa <...> un détachement de partisans cosaques* (Толстой А. *Le chemin des tourments* 1962: 179).

В переводе на engl.: *he <...> organized a guerilla battalion in his native village* (Толстой А. *Odeal* 1975: 146). В рассматриваемой языковой структуре номинанта выявлены компоненты номинативного поля субконцепта ‘*воины*’ – это ядерный номинант *отряд* концепта-элемента *отряд*, который переведен адекватно на французский язык. Номинант транслирован эквивалентно на английский язык, где вышеуказанная лексема *отряд* заменена на *battalion* путем применения такого лексико-семантического преобразования как отношения внеположенности (в основе процесса смещения для наименования понятия используются смежные понятия в пределах данного родового понятия (Гак 1998: 470).

Другая языковая репрезентация номинативного поля субконцепта ‘*воины*’, ядерный номинант *станичники* концепта-элемента *станичники*, на французский язык переведен как *cosaques*, но в английском переводе эквивалент номинанту отсутствует, что искажает смысл оригинала.

2.4. Фрейм-элемент ‘милосердие’ репрезентирован номинантом *другой, не я, давно бы его отправил в особый отдел* (Толстой А.Н. *Хождение по мукам* 1987: 350) номинативного поля фрейм-элемента ‘*милосердие*’, реализующего одноименный концепт-элемент. Номинант переведён

адекватно. Выявленные трансформации в структуре плана выражения номинанта способствуют адаптации плана содержания как в тексте на fr.: ***un autre, à ma place, l'aurait depuis longtemps expédié à la section spéciale*** (Tolstoï A. *Le chemin des tourments* 1962: 164), так и на engl.: ***Another man would long ago have sent him to the Special Department*** (Tolstoï A. *Odeal* 1975: 135).

В состав рассматриваемого номинанта входит ядерный номинант номинативного поля концепта-уникалии *'особый отдел'*, который репрезентируется одноименным субфреймом. Сопоставительный анализ материала выявил, что структура вышеуказанного ядерного номинанта переведена калькированием ***la section spéciale*** и ***the Special Department***. Эквивалентный способ перевода выявлен при адаптации структуры номинантов фрейм-элементов *чутьё, неустойчивость, отчаяние*, реализующих одноименные концепты-элементы.

2.5. Фрейм-элемент 'чутьё' репрезентирован номинантом *Он звериным чутьем понимал ее взлеты и падения* (Толстой А.Н. *Хождение по мукам* 1987: 515), который переведен следующим образом на fr.: ***Avec un flair de bête fauve, il en comprenait les élans et les chutes*** (Tolstoï A. *Le chemin des tourments* 1962: 427) и на engl.: ***sensed its fluctuations with an almost animal instinct*** (Tolstoï A. *Odeal* 1975: 346). Сопоставительное исследование структуры номинанта-инварианта и его переведённых вариантов выявило: (1) подбор синонима *instinct* (engl) лексеме *чутьё*, (2) перевод уточняющего местоимения *её* артиклем *les* (fr), (3) трансформация форм связи в предложении (engl), что не изменило план содержания номинанта.

2.6. Фрейм-элемент 'неустойчивость' репрезентирован номинантом *Такая у него получается капуста* (Толстой А.Н. *Хождение по мукам* 1987: 350), который стилистически окрашен и передан на французский язык также стилистически окрашенными лексемами: ***Quel galimatias!*** (Tolstoï A. *Le chemin des tourments* 1962: 164). В тексте перевода номинанта на

английский язык читаем: *He comes out with such a farrago* (Tolstoi A. Odeal 1975: 135). Выявлено, что план выражения стилистически окрашенного номинанта адаптирован в полном объеме, что способствует симметричной передаче его плана содержания.

2.7. Фрейм-элемент ‘отчаяние’ ярко иллюстрируется стилистически окрашенным номинантом *пёр вперед на плечах армии* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 502). Рассматриваемый номинант переведен эквивалентно на fr.: *il fonçait en avant, talonnant l’armée volontaire* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 408). Выявлено, что изучаемый номинант адаптирован стилистически нейтрально на engl.: *he forged ahead <...> on the shoulders of the army* (Tolstoi A. Odeal 1975: 330-331).

2.8. Фрейм-элемент ‘происхождение’ реализуется ярким номинантом: *Сорокин был рожден революцией* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 515), который переведен адекватно на fr.: *Sorokine était né de la révolution* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 427) и эквивалентно на engl.: *Sorokin was a child of the revolution* (был ребенком революции) (Tolstoi A. Odeal 1975: 346), где информация глагола **рожден** адаптирована именем существительным **a child**, что привело к асимметрии в плане выражения номинанта-инварианта и его переводного варианта.

2.9. Фрейм-элемент ‘самоуверенность’ вербализован номинантом *Гымза важно достал из кармана тряпичный кисет* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 350) исследуемого номинативного поля, который переведен адекватно на fr.: *Ghymza tira gravement de sa poche une blague à tabac* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 164). Значимость героя произведения подчеркивается в оригинале наречием **важно**, которое переведено адекватно на французский язык **gravement**. При переводе на engl.: *Gimza drew a cotton pouch from his pocket with stately movements* (Tolstoi A. Odeal 1975: 134) в плане выражения номинанта осуществлены преобразования: объем знака увеличен **with stately movements**,

что приводит к его асимметричной передаче к восприятию англоговорящих читателей.

2.10. Фрейм-элемент ‘самоуверенность’ вербализуется номинантом *‘самоуверенность’*, *один я раздавлю белогвардейскую сволочь. Без цекистов и Кубань вычищу, и Дон, и Терек* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 363), в котором первое предложение переведено адекватно на французский язык, но план выражения номинанта-инварианта и варианта асимметричны: *J'écraserai à moi seul la canaille blanche <...> Je me passerai des gens du Comité central, je nettoierai le Kouban et le Don, et le Terek* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 185). В тексте на engl.: *I'll crush the White-Guard scum all by myself. I'll clear the Kuban without the C. C. – and the Don and Terek, too* (Tolstoi A. Odeal 1975: 151) подобран эквивалент, план выражения номинанта передан асимметрично, план содержания – симметрично. Исследование показывает, что ядерный номинант концепта-уникалии *‘цекисты’*, входящий в состав структуры исследуемого номинативного поля фрейм-элемента *‘самоуверенность’*, при переводе на французский язык адаптирован путем увеличения объема знака, тогда как сокращение *‘С. С.’* в английском тексте является недостаточным для понимания смысла концепта-уникалии *‘цекисты’* англоговорящим Читателем произведения.

2.11. Фрейм-элемент ‘ненадежность’ вербализуется следующим номинантом *А меня <...> вари в трех котлах, коммунистом не сделаешь. Дикая порода, – один глаз всегда в лес смотрит* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 347).

Сопоставительный анализ репрезентантов показывает, что исследуемый номинант, входящий в состав номинативного поля фрейм-элемента, переведен адекватно на fr.: *Eh bien, moi <...> tu aurais beau me faire bouillir dans trois chaudrons, tu ne feras pas de moi un communiste <...> Je suis une nature sauvage: j'ai toujours un œil qui regarde vers la forêt* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 159), где план его выражения асимметричен, а план содержания – симметричен инварианту. При переводе номинанта на engl.: *three times over – You could boil me*

three times over, but you'd never make a Communist of me <...> I'm a savage, really, always ready to bolt back to the forest (Golstoi A. Odeal 1975: 131) стилистически окрашенное словосочетание в трех котлах перекодировано эквивалентно.

Сравнение инварианта поговорки **один глаз всегда в лес смотрит** с переводными вариантами показывает, что fr.: *j'ai toujours un œil qui regarde vers la forêt* идентичен оригиналу, тогда как engl.: *to bolt back to the forest* (убежать обратно в лес) искажает действительность: *убежать обратно* подразумевает, что человек живет в лесу, тогда как в русской поговорке лес ассоциируется со свободой, к которой стремятся.

2.12. Фрейм-элемент 'взгляд на врага' вербализуется следующей языковой единицей *Это не прежняя корниловская банда* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 361). Исследуемый номинант переведен адекватно на fr.: *Ce n'est plus l'ancienne bande de Kornilov* (Golstoi A. Le chemin des tourments 1962: 181-182). В тексте перевода на engl.: *This is no Kornilov band* (Golstoi A. Odeal 1975: 148) выявлено опущение лексемы *прежняя*. Подчеркнём, что стилистически окрашенное словосочетание *полчища деникинцев* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 457), имеющее отрицательную коннотацию, переведено стилистически нейтрально на французский язык: *les troupes de Denikine* (Golstoi A. Le chemin des tourments» 1962: 336). Стилистически окрашенное словосочетание *полчища деникинцев* адаптировано эквивалентно на английский язык: *the Denikin hordes* (Golstoi A. Odeal 1975: 272). Результаты сопоставительного исследования номинантов номинативных полей вышеперечисленных фрейм-элементов позволяют построить следующую графическую когнитивно-сопоставительную модель субфрейма 'командир Красной армии':

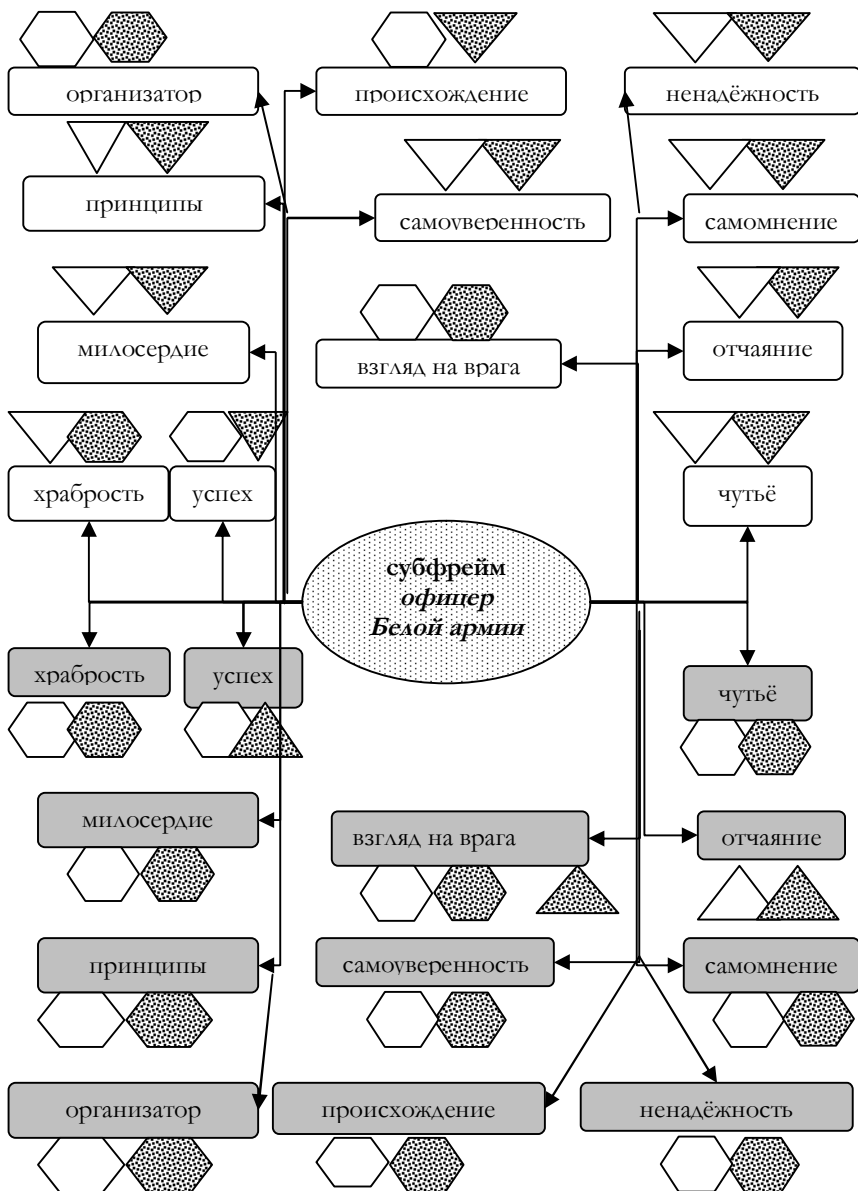

Рис. 4. Модель номинативного поля субфрейма 'командир Красной армии'

Построенная модель субфрейма иллюстрирует: во-первых, количество фрейм-элементов – 12 в составе субфрейма; во-вторых, преобладание симметричной передачи структуры фрейм-элементов на французский язык, 11 из 12, тогда как на английский язык адаптировано только 9 фрейм-элементов из 12 изученных; в-третьих, бóльшую степень асимметрии при адаптации плана выражения номинантов-инвариантов на английский язык: 9 из 12, чем на французский: 8 из 12 фрейм-элементов.

Таким образом, исследование структуры номинативного поля фрейма *‘русский офицер’*, а именно, двух субфреймов *‘офицер Белой армии’* и *‘офицер Красной армии’* выявило, что при перекодировке языковых репрезентаций фрейма преобладает эквивалентный способ перевода, что обусловлено в большинстве случаев наличием национальной составляющей в номинантах, вербализующих вышеуказанный концепт и его субконцепты.

Структура номинативного поля исследуемого фрейма адаптирована на французский и английский языки преимущественно симметрично, что является скорее исключением, чем правилом в таком многогранном искусстве как перевод.

2.4.3. Модель субфрейма *‘воины’*

Исследование структуры фрейма *‘военная служба’* показывает, что описание характеров офицеров Красной и Белой армий осуществляется автором на фоне описания их отношения к воинам.

Структурный анализ номинативного поля субфрейма *‘воины’* выявил: (1) преобладание ядерных фрейм-элементов в рассматриваемой когнитивной структуре, (2) низкую степень детализации номинантов.

Когнитивно-сопоставительный анализ языковых структур, вербализующих субфрейм *‘воины’* в концептосфере оригинального и переводного текстов выявил: ядерные номи-

нанты фрейм-элементов, чаще всего, перекодированы эквивалентно; план содержания может быть передан как симметрично, так и асимметрично.

1. Симметрия планов содержания и выражения номинантов:

- ядерный номинант *солдаты* транслитерирован на fr.: *les soldats*, а на engl.: *the soldiers* (см. 2.1.);
- ядерный номинант *рядовые бойцы* переведён адекватно только на fr.: *soldats ordinaires* (см. 1.7.);
- ядерный номинант *взбунтовавшаяся чернь* переведён адекватно как на fr.: *la plèbe révoltée*, так и на engl.: *the insurgent rabble* (см. 1.8.).

2. Симметричная передача плана содержания и асимметричная передача плана выражения номинантов:

- ядерный номинант *горы трупов* переведён на fr.: *des tonceaux de cadavres*, а на engl.: *'sea of corpses* (см. 1.10.);
- ядерный номинант *рядовые бойцы* переведён в плане выражения асимметрично на engl.: *rank-and-file soldiers* (см. 1.7.), в отличие от французского переводного варианта (см. 3.1.);
- ядерный номинант *цепи* передан на fr.: *les files de tirailleurs* (см. 1.3б.).

3. Асимметричная передача плана содержания и выражения номинантов, вербализующих фрейм-элементы:

- ядерный номинант *цепь* переведён fr.: *ses hommes*, а engl.: *troops* (см. 1.3а.);
- ядерный номинант *цепи* переведён engl.: *troops* (см. 1.3б.).

4. Лакунарность в одном и переводных текстов:

- ядерный номинант *станичники* переведён на fr.: *cosaques*, а в английском переводе выявлена лакуна (см. 2.3).

5. Симметричная адаптация в плане содержания и выражения:

- ядерный номинант *отряд* адаптирован следующим образом на fr.: *un détachement*;

6. Асимметричная передача в плане содержания и выражения ядерного номинанта

- *отряд* на engl.: *battalion* (см.: 2.3).

По результатам исследования построим следующую

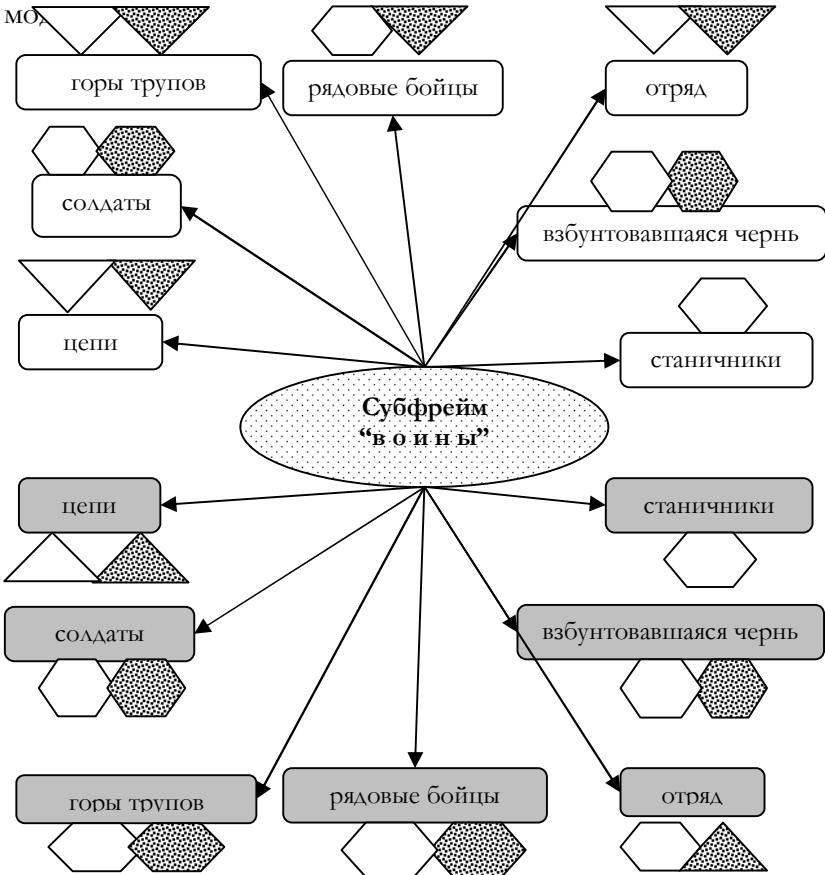

Рис. 5. Модель номинативного поля субфрейма 'воины'

Построенная модель показывает: во-первых, количество фрейм-элементов, из которых состоит рассматриваемый субфрейм; во-вторых, симметричную передачу номинантов плана выражения суфрейма на французский язык, 4 из 7 фрейм-элементов; во-вторых, преобладание асимметричной трансляции компонентов номинативного поля фрейм-элементов на английский язык; в-третьих, преобладание симметрично адаптированных в плане содержания фрейм-элементов на французский язык; в-четвёртых, лакуарность в переводном варианте на английский язык фрейм-элемента *'станичники'*.

Таким образом, построенные модели субфреймов *'офицер Белой армии'*, *'командир Красной армии'* и субфрейма *'воины'*, составляющих фрейм *'военная служба'*, выявили особенности трансляции изучаемого сегмента концептосферы художественного текста на французский и английский языки.

Исследование установило наличие сочетания номинантов номинативных полей двух субфреймов: субфрейма *'офицер Белой армии'* и субфрейма *'воины'* в следующем контексте: *это был бой командного состава с неумело руководимой и плохо дисциплинированной толпой солдат* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 303). Это сочетание номинантов переведено симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения на fr.: *C`était une bataille livrée par des chefs militaires à une foule de simple soldats, mal dirigés et indisciplinés* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 72).

В тексте на engl.: *It was a battle between regular officers and a poorly led, undisciplined mob of soldiers* (Tolstoï A. Odeal 1975: 72) выявлена симметрия инварианту как в плане содержания, так и в плане выражения номинантов.

Красноречиво характеризует отношение к солдатам в Красной армии следующий номинант: *Берите Ставрополь голыми штыками* (Голстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 520), который переведен эквивалентно как на fr.: *Enlevez Stavropol à la pointe de vos baïonnettes* (Tolstoï A. Le chemin des tourments

1962: 436), так и на engl.: *Stavropol must be taken at the bayonet point* (Tolstoi A. Odeal 1975: 354).

В исследуемом произведении автор подчеркивает следующие результаты борьбы между красными и белыми в тысяча девятьсот восемнадцатом году:

• **результат первый.** *Белые нашли впервые свой язык, свою легенду, получили боевую терминологию — все, вплоть до новоучрежденного белого ордена, изображающего на георгиевской ленте меч и терновый венец* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 319), что адекватно переведено на fr.: *noir et orange: les blancs trouvèrent leur langue, leur légende, leur terminologie de combat, tout, jusques et y compris l'Ordre blanc qu'ils avaient institué et qui représentait un glaive et une couronne d'épines, sur un ruban de Saint-Georges, noir et orange* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 111-112), но переводчик применил прием в ставки при описании ордена. На английский язык описание ордена переведено адекватно: *The Whites found their first individual expression, their traditions, their military terms — culminating in the newly-created White Order, a sword, and a crown of thorns, on a St. George ribbon* (Tolstoi A. Odeal 1975: 93).

• **результат второй.** *Тогда началось отступление, бегство, бойня* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 503), что переведено адекватно на fr.: *Et ce fut la retraite, la fuite, la boucherie* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 408-409), тогда как в переводном тексте на английском языке это предложение отсутствует, что искажает действительность, воспринимаемую англоговорящим читателем, и обусловлено не закономерностями языка перевода, но решением переводчика.

• **результат третий.** *Генералы пали духом* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 316).

Во французском переводе прослеживаются грамматические трансформации залога глагола: активный залог инварианта заменён на пассивный: *Les généraux étaient découragés* (Tolstoï A. Le chemin des tourments 1962: 107).

В английском переводе выявлен эквивалент инварианту: *The generals lost heart* (Tolstoi A. Odeal 1975: 89). При переводе описания отчаяния в среде красных: *он пал духом* (Толстой А.Н. Хождение по мукам 1987: 457) переводчик использовал иной эквивалент во французском языке: *il perdit courage* (Tolstoi A. Le chemin des tourments 1962: 336), а в английском тексте употреблен эквивалент, идентичный вышерассмотренному: *he lost heart* (Tolstoi A. Odeal 1975: 272).

Таким образом, на примере фрейма 'военная служба' мы проиллюстрировали поэтапное применение разработанной методики когнитивно-сопоставительного моделирования статичной когнитивной структуры.

2.5. Когнитивно-сопоставительное моделирование сценария

2.5.1. Модель сценария 'князь Андрей Болконский в битве при Аустерлице'

Во второй главе рассматривается также процесс моделирования номинативного поля сценария как «динамичной когнитивной структуры» (ср.: Доценко 2006: 39-42). По материалам произведения Л.Н. Толстого «Война и мир» и текстов перевода на французский (Tolstoi. La guerre et la paix) и английский (Tolstoy. War and Peace) языки был, например, исследован и смоделирован сценарий 'князь Андрей Болконский в битве при Аустерлице', репрезентирующий одноименный субконцепт, входящий в состав концепта 'князь Андрей Болконский'.

Исследование показало, что рассматриваемый сценарий состоит из 10 терминалов, структура которых в различной степени точности адаптирована к восприятию франкоговорящего и англоговорящего читателя.

Терминал I. Сопоставительный анализ структуры терминала-инварианта (*князь Андрей*) *соскакивал с лошади* (Толстой. Война и мир, 1982: 62) с его переводными вариантами пока-

зывает, что на fr.: *sautait de cheval* (Tolstoï. *La guerre et la paix*, 2007: 460) терминал адаптирован симметрично, тогда как в тексте на engl.: *had already leapt from his horse* (Tolstoy. *War and Peace*, 2001: 216) переводчиком употреблено сказуемое в форме past perfect (уже соскочил с его лошади), что преобразует динамику оригинала в статику.

Терминал II. Структура терминала (*князь Андрей*) *бежал к знамени* (Толстой. *Война и мир*, 1982: 62) адаптирована адекватно к восприятию франкоговорящего читателя путем употребления глагола *se précipiter* – fr.: *se précipitait vers le drapeau* (стремился к знамени) (Tolstoï. *La guerre et la paix*, 2007: 460), тогда как в английском переводном варианте *run to the standard* (Tolstoy. *War and Peace*, 2001: 216) глагол употреблен в форме настоящего времени, терминала-инварианта, где лексема *бежал* – это глагол прошедшего времени.

Терминал III. Рассматриваемый терминал сценария представляет собой сочетание реплики героя и характеристики этой реплики и, несмотря на структурное отличие от предыдущих терминалов, по нашему мнению, может быть рассмотрен в качестве сценарного компонента – *Ребята, вперед!* – *крикнул он детски пронзительно* (Толстой. *Война и мир*, 1982: 62).

Исследуемый репрезентант переводится следующим образом на fr.: *En avant! mes enfants! cria-t-il d'une voix perçante, enfantine* (Tolstoï. *La guerre et la paix*, 2007: 460), где план содержания номинанта, вербализующего терминал, передан симметрично, тогда как в плане выражения выявлены: (

1) трансформация частей речи: смысл наречий *детски пронзительно* передан именами прилагательными *perçante, enfantine*;

(2) вставка лексем *une voix*.

В английском переводном варианте *"Forward, lads!" he shouted in a voice piercing as a child's* (Tolstoy. *War and Peace*, 2001: 216) выявлена симметрия инварианту в плане содержания и асимметрия в плане выражения номинанта.

Подчеркнём, что по нашему мнению, структура английского варианта языкового воплощения терминала напоминает скорее французский переводной вариант, чем инвариант.

Терминал IV. Сопоставительный анализ показывает, что номинант, вербализующий рассматриваемый терминал (*князь Андрей схватив древко знамени* (Толстой. Война и мир, 1982: 62) переведен симметрично на fr.: *en saisissant la hampe du drapeau* (Tolstoï. La guerre et la paix, 2007: 460) и асимметрично на английский язык – *seizing the staff of the standard* (Tolstoy. War and Peace, 2001: 216).

Терминал V. Рассматриваемый терминал – *Ура!* – *закричал князь Андрей* –, *едва удерживая в руках тяжелое знамя* (Толстой. Война и мир, 1982: 62) представляет собой сочетание реплики героя и описание его действий.

В переводе на fr.: – *Hourra! s'ecria le prince André, maintenant avec peine dans ses mains le lourd drapeau* (Tolstoï. La guerre et la paix, 2007: 460) выявлена симметрия плана содержания терминала-варианта инварианту и асимметричная передача плана выражения (порядок слов), что обусловлено лингвистическими факторами.

В тексте перевода на engl.: *'Hurrah!' shouted Prince Andrew, and scarcely able to hold up the heavy standard* (Tolstoy. War and Peace, 2001: 216) переводчиком осуществлена трансформация частей речи: номинант оригинала, выраженный деепричастием *удерживая*, передан инфинитивом *to hold up*, что обусловлено структурой языка перевода, осуществленные преобразования не привели к изменению плана содержания, который адаптирован симметрично.

Терминал VI. Номинант (*князь Андрей*) *побежал вперед*, вербализующий терминал, переведен на fr.: *il fonça* (Толстой. Война и мир, 1982: 460) асимметрично в плане содержания, вследствие того, что в плане выражения номинанта:

(1) употреблен глагол *foncer* (*бросаться, стремительно нападать; прорываться по направлению к; энергично действовать, быстро*

идти, идти напролом), отличающийся по семантике от глагола оригинала *бежать* (*se mettre à courir, courir*);

(2) введен субъект *il*, что обусловлено структурой языка перевода; в тексте на *engl.*: *he ran forward* (Толстой. *War and Peace*, 2001: 216) выявлено введение субъекта *he*, но эта вставка не изменила план содержания номинанта, который симметричен инварианту.

Терминал VII. Сопоставительный анализ языковой структуры, вербализующей терминал-инвариант *Он пробежал один только несколько шагов* (Толстой. *Война и мир*, 1982: 62) и переводных вариантов выявил, что во французском тексте *il ne fit seul que quelques pas* (Толстой. *La guerre et la paix*, 2007: 461) употреблен глагол *faire* (он сделал один только несколько шагов), что нарушает динамику глагола *пробежал*, тогда как английский переводной вариант номинанта отличается от инварианта только порядком слов *he only ran a few steps alone* (Толстой. *War and Peace*, 2001: 216) – план содержания транслирован симметрично, а план содержания – асимметрично.

Терминал VIII. Номинант *Князь Андрей опять схватил знамя и, волоча его за древко, бежал с батальоном* (Толстой. *Война и мир*, 1982: 62) номинативного поля рассматриваемого терминала транслирован симметрично как на *fr.*: *Le prince André reprit le drapeau et, le traînant par la hampe, courut avec le bataillon* (Толстой. *La guerre et la paix*, 2007: 461), так и на *engl.*: *Prince Andrew again seized the standard, and dragging it by the staff ran on with the battalion* (Толстой. *War and Peace*, 2001: 216).

Терминал IX. Номинант *(Он) упал на спину* (Толстой. *Война и мир*, 1982: 62), вербализующий рассматриваемый терминал, переведен на *fr.*: *il tomba sur le dos* (Толстой. *La guerre et la paix*, 2007:462) путём введения субъекта *il*, а в тексте на *engl.*: *fell on his back* (Толстой. *War and Peace*, 2001: 217) выявлена вставка *his*: изменения синтаксической структуры номинанта, реализующего номинативное поле рассматриваемого терминала обусловлены законами переводных языков.

Терминал X. Номинант *Он раскрыл глаза* (Толстой. *Война и мир*, 1982: 62), репрезентирующий терминал-X,

адаптирован симметрично на fr.: *Il ouvrit les yeux* (Tolstoï. *La guerre et la paix*, 2007: 462), а в тексте перевода на engl.: *He opened his eyes* (Tolstoy. *War and Peace*, 2001: 217) выявлена вставка *his*, что обусловлено структурой переводного языка.

По результатам, полученным в процессе когнитивно-сопоставительного анализа структуры десяти терминалов рассматриваемого сценария '*князь Андрей Болконский в битве при Аустерлице*', построена когнитивно-сопоставительная модель, иллюстрирующая степень совпадения/несовпадения параметров сценария текстов оригинала и перевода, где:

❖ **горизонтальная стрела** обозначает структуру сценария исходного текста;

❖ **верхняя плоскость над стрелой** – план выражения репрезентантов, вербализующих переводные терминалы сценария;

❖ **нижняя плоскость под стрелой** – план содержания репрезентантов, вербализующих переводные терминалы сценария;

– знак, обозначающий французский переведённый

вариант терминала,

– знак, обозначающий английский переведённый

вариант терминала,

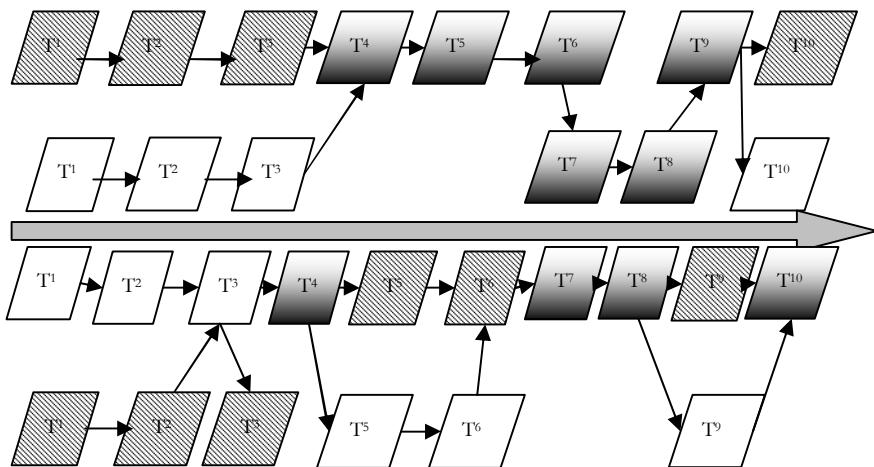
– знак, обозначающий переведённый вариант

номинанта как на французский язык, так и на

английский (в случае совпадения постпереводческого состояния номинанта в двух языках – симметрия/асимметрия параметров инварианта).

Если структура переводного варианта совпадает (симметрична) с инвариантом, то вышеперечисленные знаки располагаются на стреле, если выявлена асимметрия структуры инварианта и варианта, то знаки располагаются над стрелой:

**Рис.6. Модель номинативного поля сценария
'князь Андрей Болконский в битве при Аустерлице'**

Построенная модель номинативного поля сценария иллюстрирует:

- преобладание асимметрии в плане выражения репрезентантов, вербализующих терминалы, т.к. только структура терминала-8 транслирована симметрично на оба языка;
- план выражения единиц, репрезентирующих терминалы, адаптирован симметрично на французский язык в 5 случаях из 10;
- план содержания репрезентантов транслирован преимущественно симметрично, 7 терминалов из 10;
- асимметрия репрезентантов, вербализующих терминалы-инварианты и варианты в содержательном плане проявляется следующим образом: структуры терминалов 1, 2, 4 в английском переводном тексте асимметричны оригиналу, структуры терминалов 6,7,9 во французском переводном тексте асимметричны инварианту.

Выводы, которые позволяет сделать построенная модель сценария, ещё раз подчёркивают преимущество когни-

тивно-сопоставительного моделирования при анализе архитектоники языковых структур, вербализующих когнитивные структуры, которые формируют концептосферу художественного текста и его перевода.

Моделирование различных типов сценария, а именно, линейного сценария и нелинейного сценария, детально описано в монографии «Моделирование этнокогнитивной архитектоники литературных произведений» [Огнева 2011].

2.6. Когнитивно-сопоставительное моделирование сцены

2.6.1. Модель сцены 'молитва'

Для иллюстрации процесса когнитивно-сопоставительного моделирования такой динамичной когнитивной структуры как сцена нами был рассмотрен материал концептосферы художественного текста произведения Б.Пастернака «Доктор Живаго», а именно, номинативное поле концепта-элемента '*молитва*'.

Установлено, что концепт-элемент '*молитва*' соотносится как общее и частное с субконцептом '*вера*'. Молитва как особый тип религиозного дискурса резко отличается от других жанров рассматриваемого общения, в том числе и в пространственно-временных координатах. Человек обращается к Богу, молитва произносится в различные часы, в зависимости от ее видов. Она выступает в качестве подлинного времени, противопоставленного обыденной жизни (Карасик 1999б: 5-19).

Исследование показало, что концепт-элемент '*молитва*' репрезентирован такой когнитивной структурой как сцена, так как есть: а) источник молитвы (мальчик Юра), б) адресат молитвы (Бог, ангел), в) молитва (совокупность прошений, исходящих от Юры).

Итак, был рассмотрен следующий материал: – *Ангеле Божий, хранителю мой святей, – молился Юра, – утверди ум мой во истинном пути и скажи мамочке, что мне здесь хорошо, чтобы она не беспокоилась. Если есть загробная жизнь, Господи, учини мамочку в рай, идеже лица святых и праведницы сияют яко светила. Мамочка была такая хорошая, не может быть, чтобы она была грешница, помилуй ее, Господи, сделай, чтобы она не мучилась. Мамочка – в душеераздирающей тоске звал он ее с неба, как новопритченную угодницу, и вдруг не выдержал, упал наземь и потерял сознание* (Пастернак. Доктор Живаго, 1989: 21).

Установлено, что концепт-элемент ‘*молитва*’, вербализованный в рассматриваемом материале сценой, представлен следующими терминалами: терминал ‘*адресат молитвы*’: репрезентант (номинант) **А** – *Господи*, репрезентант **Б** – *Ангеле Божий, хранителю мой святей*; терминал ‘*молящийся*’: репрезентант **А** – *в душеераздирающей тоске звал он ее (мать) с неба*, репрезентант **Б** – *вдруг не выдержал, упал наземь и потерял сознание*; терминал ‘*прошения*’: репрезентант **А** – *утверди ум мой во истинном пути*, репрезентант **Б** – *скажи мамочке <...> чтобы она не беспокоилась*, репрезентант **В** – *учини мамочку в рай*, репрезентант **Г** – *помилуй ее*, репрезентант **Д** – *сделай, чтобы она не мучилась*; терминал ‘*n*’, в структуру которого входит фоновая информация сцены, нами не рассматриваемая.

Исследуемый материал переведен следующим образом на fr.: *Angle du Seigneur, mon saint protecteur, pria-t-il affermis mon âme dans le droit chemin et dis à maman que je suis bien ici, qu'elle ne se fasse pas de souci. Si la vie éternelle existe, Seigneur, place maman dans ton paradis où les saints et les justes resplendissent comme des flambeaux. Maman était si gentille, ce n'est pas possible qu'elle ait été une pécheresse, aie pitié d'elle. Seigneur, fais qu'elle ne souffre pas de tourments. – Maman! – il l'invoquait avec une peine déchirante, comme une nouvelle sainte, et soudain il ne put y tenir, s'écroula sur le sol et perdit connaissance* (Pasternak. Le docteur Jivago, 1979: 22).

Текст транслирован также на engl.: *Angel of God, my holy guardian, he prayed, "keep me firmly on the path of truth and tell Mother I'm all right, she's not to worry. If there is a life after death, O Lord, receive*

Mother into Your heavenly mansions where the faces of the saints and of the just shine like stars.

Mother was so good, she couldn't have been a sinner, have mercy on her, Lord, and please don't let her suffer. Mother!" – in his heart-rending anguish he called to her as though she were another patron saint, and suddenly, unable to bear any more, fell down unconscious (Pasternak. Doctor Zhivago, 1958: 11-12).

Терминал 'адресат' состоит из двух репрезентантов. Как показывают результаты сопоставительного анализа материала, репрезентант **А**, лексема *Господи*, адаптирована симметрично как на fr.: *Seigneur*, так и на engl.: *Lord*, тогда как структура репрезентанта **Б**, *Ангеле Божий, хранителю мой святой*, имеет в своём составе лексему *святой*, которую стилистически передать невозможно на рассматриваемые языки, поэтому переводные варианты: fr.: *Angle du Seigneur, mon saint protecteur* и engl.: *Angel of God, my holy guardian* стилистически неравнозначны инварианту, план выражения репрезентанта передан асимметрично на оба переводных языка, а план содержания – симметрично.

Терминал 'молящийся' также состоит из двух репрезентантов. Рассматриваемый репрезентант **А**, *в душе-раздирающей тоске звал он ее (мать) с неба*, адаптирован не в полном объёме как на fr.: *il l'invoquait avec une peine déchirante*, так как словосочетание *с неба* отсутствует в переводном варианте, так и на engl.: *in his heart-rending anguish he called to her*, где отсутствует тоже словосочетание *с неба*.

Структура репрезентанта **Б**, *вдруг не выдержал, упал наземь и потерял сознание*, состоит из трех глаголов, последовательность которых задает вектор динамики в описании. В структуре переводного варианта репрезентанта на fr.: *soudain il ne put y tenir, s'écroula sur le sol et perdit connaissance* увеличен объём плана выражения, что обусловлено структурой переводного языка и стремлением переводчика к адекватной передаче плана содержания репрезентанта.

В английском переводном варианте *suddenly, unable to bear any more, fell down unconscious* выявлено только два глагола *to bear*

– в форме инфинитива, *fell down* – в форме прошедшего простого времени, тогда как в структуре репрезентанта-оригинала три глагола употреблены в форме прошедшего времени. Грамматическая трансформация категории времени глагола привела к асимметричной передаче как плана выражения репрезентанта, так и плана содержания.

Терминал ‘прощения’ состоит из пяти репрезентантов. Сопоставительный анализ архитектоники номинативных полей пяти терминалов установил, что структура репрезентанта **A**, *утверди ум мой во истинном пути*, переведена путем культурологически обусловленной замены лексемы *ум* лексемой *âme* (душа) на fr.: *affermis mon âme dans le droit chemin* и стилистической нивелировки лексемы *истинный* путём её замены лексемой *droit* (прямой). Изменения в плане выражения привели к асимметрии в плане содержания репрезентанта-инварианта и его переводных вариантов.

В английском варианте репрезентанта понятие *душа* исчезает вовсе – engl.: *keep me firmly on the path of truth* (удержи меня крепко на пути правды), что необоснованно искажает структуру репрезентанта-инварианта при переводе.

Репрезентант **B**, *скажи мамочке <...> чтобы она не беспокоилась*, переведен на fr.: *dis à maman <...> qu'elle ne se fasse pas de souci* симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения, что обусловлено различиями в структурах двух языков. Такие же отличия выявлены при сопоставлении структуры рассматриваемого репрезентанта и его переводного варианта на engl.: *tell Mother <...> she's not to worry*.

Структура репрезентанта **B**, *учини мамочку в рай*, переведена симметрично в плане содержания на fr.: *place maman dans ton paradis* и асимметрично в плане выражения: выявлена вставка: местоимение *ton* и стилистическая нивелировка глагола *учинить*.

В переводном варианте на engl.: *receive Mother into Your heavenly mansions* переводчик осуществил замену лексемы *рай* описательным словосочетанием *heavenly mansions*, что является переводческим решением, вследствие чего как план содер-

жения, так и план выражения репрезентанта переданы асимметрично.

Репрезентант Г, *помилуй ее*, переведен эквивалентом на французский язык *aie pitié d'elle* – план выражения передан асимметрично, а план содержания – симметрично, тогда как на английский язык исследуемый репрезентант передан симметрично как в плане содержания, так и в плане выражения *have mercy on her*.

Репрезентант Д, *сделай, чтобы она не мучилась*, переведен симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения на fr.: *fais qu'elle ne souffre pas de tourments*, где выявлено семантически избыточное выражение *souffrir de tourments*, тогда как в переводном варианте на engl.: *please don't let her suffer* переводчик пересказал смысл инварианта: план содержания и план выражения – асимметричны.

Полученные результаты когнитивно-сопоставительного исследования структуры сцены 'молитва' отображены в следующей когнитивно-сопоставительной модели, где:

❖ **верхняя часть модели** – это план выражения номинантов сцены,

❖ **нижняя часть модели** (темная) – это план содержания номинантов сцены;

❖ **шестиугольник** – символ симметричной адаптации репрезентанта на переводной язык;

❖ **светлый шестиугольник** – результат адаптации репрезентанта на французский язык;

❖ **заштрихованный шестиугольник** – результат адаптации репрезентанта на английский язык;

❖ **треугольник** – символ асимметричной адаптации репрезентанта на переводной язык;

❖ **светлый треугольник** – результат адаптации репрезентанта на французский язык;

❖ **заштрихованный треугольник** – результат адаптации репрезентанта на английский язык;

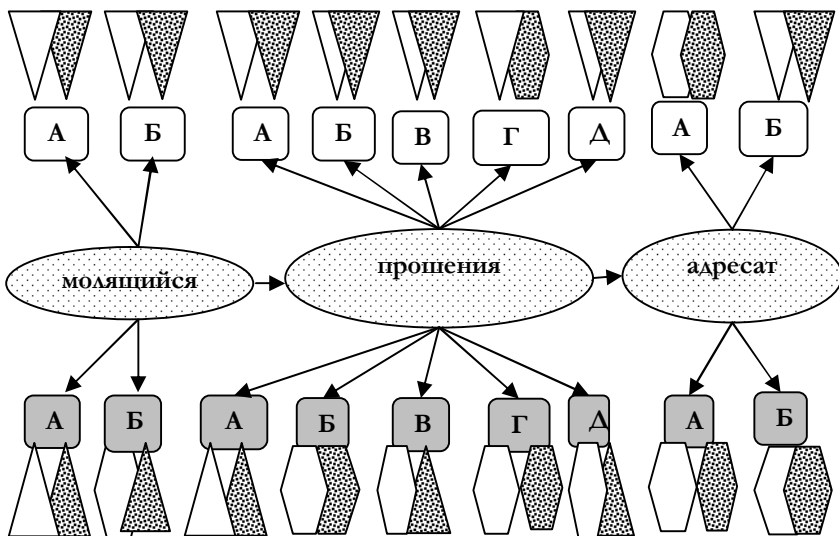

Рис. 7. Модель сцены 'молитва'

Построенная модель иллюстрирует то, что: структура рассматриваемой сцены состоит из трёх терминалов: *'молящийся'*, *'прошения'*, *'адресат'*;

- терминалы имеют неравное количество репрезентантов;
- терминал *'молящийся'*, являющийся субъективным в рамках рассматриваемой концептосферы, трансформирован в большей степени: план содержания только одного из репрезентантов передан симметрично на французский язык, т.е. на 50% (100% – это симметрия варианта инварианту), на английский язык транслированы асимметрично все компоненты терминала;
- терминал *'адресат'* трансформирован в меньшей степени, где только репрезентант **Б** адаптирован асимметрично в плане выражения и, как следствие, план содержания репрезентантов передан симметрично на 100%, план выражения репрезентанта – на 50%, что обусловлено наличием исследуемого терминала в культурах как русского,

так французского и английского народов [ФЛСС 1997; ПЦСС 2005; OSDE 2001];

- из пяти репрезентантов терминала *‘прошение’* план выражения передан асимметрично на французский язык во всех случаях, на английский язык он адаптирован симметрично на 20%, тогда как план содержания передан симметрично на французский язык на 80%, а на английский язык – на 40%, что говорит о том, что структура сцены *‘молитва’* изменена в меньшей степени при переводе оригинала на французский язык, чем на английский язык и, как следствие, франкоговорящие читатели воспринимают менее искаженный текст, чем англоговорящие.

Таким образом, репрезентированные нами графические модели концепта, статичных когнитивных структур (фрейма, субфрейма), динамичных когнитивных структур (сценария, сцены) построены по результатам авторской методики когнитивно-сопоставительного моделирования вышперечисленных сегментов и компонентов концептосферы художественного текста.

Когнитивно-сопоставительное моделирование опирается на комплексный подход к описанию и интерпретации художественного концепта, его многоуровневой архитектоники с последующей фиксацией в языковой или графической модели его смыслового содержания по вербальным репрезентациям [Ogneva 2012: 1704-1714]. Процесс моделирования возможен, вследствие того, что языковая объективация концептосферы имеет полевою структуру и функционирует в рамках в языке посредством совокупности языковых категорий, образующих полевы структуры, имеющие:

- ядро,
- приядерную зону,
- ближайшую периферию,
- дальнюю периферию,
- крайнюю периферию.

Каждая из зон рассматривается как номинативное поле – совокупность номинантов, что позволяет наиболее адекватным способом систематизировать языковые средства их объективации посредством исходного языка и предполагает частичную трансляцию на переводной язык, что обусловлено изначальным вектором целенаправленной реализации концептов в художественных оригинальных текстах.

В процессе работы нами создана не имеющая аналогов двухэтапная методика когнитивно-сопоставительного моделирования номинативного поля как когнитивных образований, формирующих художественную концептосферу, так и когнитивных структур, в рамках которых функционируют эти когнитивные образования. Данная методика моделирования может быть применена для изучения текстов любых жанров.

Использование предлагаемой методики позволяет посредством когнитивного графического моделирования наглядно проиллюстрировать степень соответствия параметров концептосферы художественного текста оригинала и перевода, степень искажения облика России в процессе косвенной коммуникации.

Предложенная нами методика когнитивно-сопоставительного моделирования позволяет:

1. Установить факты, составляющие лингвистическую основу оригинала.

2. Рассмотреть экстралингвистические факторы – все фоновые и коннотативные значения культурно-исторического содержания оригинала,

3. Определить тенденции передачи на переводной язык центральных и периферийных концептов, составляющих структуру исследуемой концептосферы.

4. Установить причины соответствия/несоответствия параметров структуры исследуемой концептосферы в оригинальном тексте и переводном.

5. Выявить объём переводимости форматов когнитивных структур, репрезентирующих художественные концепты

в составе исследуемой концептосферы и реконструирующих ментальную картину мира, объективированную в языке русского этноса, отраженную в художественных произведениях и адекватно или ложно интерпретируемую при художественном переводе.

На основании того, что а) концепт не имеет четких границ, поэтому по мере удаления от ядра количество ассоциаций уменьшается; б) в структуре концепта отражена смысловая иерархия, где наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию; в) при объективации соотношение основных и периферийных зон концепта обусловлено ролью основных компонентов ментального пространства индивида, в нашем исследовании структура номинативного поля художественной концептосферы впервые рассматривается как совокупность двух уровней: смыслового и формального.

Подчеркнём, что в процессе создания как таксономических, так и графических когнитивно-сопоставительных моделей по результатам сопоставления совокупности языковых средств, вербализующих концепт и раскрывающих его содержание в текстах оригинала и перевода, описанию подвержена лишь часть концепта, что обусловлено, во-первых, тем, что концепт представляет собой объемную нежестко структурированную ментальную единицу, во-вторых, концепт имеет невербализованную часть содержания.

Таким образом, когнитивно-сопоставительное моделирование концепта позволяет:

- а) изучить структуру всей концептуальной системы;
- б) наглядно представить ментальную структуру концепта;
- в) определить место художественного концепта в системе его речевых реализаций в первоначальных текстах и их переводах;
- г) установить свойства художественного концепта в интеркультурной концептосфере перевода.

Сопоставительный анализ архитектоники концептосферы художественных текстов русской прозы и их переводов на французский, английский языки выявляет универсальные языковые средства, определяет параметры межъязыковой асимметрии, позволяющей осуществить когнитивно-сопоставительное моделирование структур, репрезентирующих различные уровни концептосферы.

Когнитивно-сопоставительное моделирование номинативного поля концептосферы художественного текста выявляет насколько удачен перевод текста, оказывающий значимое влияние на формирование образа той или иной страны при косвенной коммуникации.

ГЛАВА 3. КОГНИТИВНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕГА-ФРЕЙМА «РОССИЯ»

3.1. Социокультурная архитектоника концептосферы художественного текста

Востребованность в последнее десятилетие идей антропологической лингвистики, обратившейся к изучению «души языка», т.е. опредмеченному в нем мировидению, системы ценностей этноса, способствовала возрождению интереса к идее В. фон Гумбольдта о языке «как деятельности народного духа», формирующего национальную картину мира, существенными компонентами которой являются такие ключевые концепты культуры, как понятия духовной сферы, оценок, стихийных состояний человека [Гумбольдт 2000].

Характерной чертой современной гуманитарной науки является поиск смысловых и языковых доминант русской национальной личности [Wierzbicka 1990: 13-36; Буянова 2002]. Концептосфера русского языка, созданная художественной литературой и фольклором, богата, поэтому национальный язык рассматривается не в качестве как бы «заместителя» русской культуры [Лихачёв 1997: 281], а как исключительный культурно-ментальный феномен [РКП 2004], представляющий собой духовную, одушевленную ипостась, языковые репрезентации которой можно смоделировать с учётом того, что когнитивная универсалия текстовой структуры представляет собой дейктическую триаду координат пространства, времени и персональности [Johnson-Laird 1983]. По мнению В.К. Харченко, «на свете слишком много мест, в которых читатель не был и никогда не побывает, поэтому книги, культура, знание – великолепная компенсация ограниченности пространства, расширения его за счет духовно освоенного» [Харченко 1998: 28].

В текстах художественной литературы можно найти примеры резкого расхождения общезыковой семантики знака и индивидуально-авторского пропозитивного смысла,

вложенного в этот знак [Попова 1999: 11-12], что выявляется в процессе сопоставления текстов на разных языках.

Известно, что различия в структурах текстов оригинала и перевода обусловлены, прежде всего, «несовпадением картин мира, так как культура того или иного народа имеет в своей основе собственную систему социальных стереотипов, когнитивных схем, за каждым вербальным знаком стоит фрагмент обзора мира данной конкретной культуры» [Фесенко 2002: 179]. Следствием несовпадения картин мира писателя и переводчика является несовпадение концептов инварианта и вариативного текста, т.е. воспринимаемый читателем переведенный текст не наполнен тем смыслом, который вложил в произведение при перекодировке автор. Под перекодировкой подразумевается совокупность языковых преобразований при переводе художественного текста, в ходе которой смысловая интерпретация (т.е. выявление концептов, схем) способствует исследованию оформленных понятий и когнитивных образов, формирующих номинативное поле концептосферы. Логично предположить, что осмысление структуры номинативного поля концептосферы коммуникантов при косвенной коммуникации посредством текста, в нашем исследовании – художественного текста, может быть основано на характеристике его составляющих, на выявлении степени адаптации его компонентов на иностранные языки, причин неполной адаптации [Огнева 2006в]. Под адаптацией понимается прием для создания соответствий путем изменения описываемой ситуации с целью достижения одинакового воздействия на читателя [ГПС 2003: 12].

Задача по выявлению объема переводимости компонентов номинативных полей концептов художественных текстов является одним из способов решения проблемы выявления степени совпадения/несовпадения параметров концептосферы оригинального и переводного текстов.

Наше исследование направлено на изучение структуры этнокультурного слоя концептосферы *‘Россия’* и на построе-

ние когнитивно-сопоставительной модели номинативного поля как совокупности когнитивных структур: мега-фрейма, сценария и сцены на материале таких художественных произведений как «Петр Первый», «Хождение по мукам» А.Толстого, «Доктор Живаго» Б.Пастернака, «Шинель», «Невский проспект» Н.В. Гоголя, «Степь» А.П. Чехова и др. и текстах их переводов на французский и английский языки.

Подбор вышеперечисленных произведений русской классики для исследования обоснован тем, что их перечень охватывает несколько веков истории России, и может быть рассмотрен в качестве материала для построения когнитивно-сопоставительной модели мега-фрейма *‘Россия’*. Подчеркнем, что применяемая нами методика может быть использована для когнитивно-сопоставительного моделирования любой концептосферы художественного текста, сформированной по материалам литературных предпочтений любой социальной, гендерной и возрастной группы читателей. Для построения вышеупомянутой когнитивно-сопоставительной модели исследуется степень адаптации структуры номинантов номинативных полей языковых структур, вербализующих когнитивные структуры как ядерные, так и периферийные в изучаемой концептосфере.

Выявляется ряд коммуникативно-прагматических и культурологических смысловых элементов, совокупность преобразований в которых ведёт к симметрии/асимметрии в планах содержания и выражения единиц, являющихся номинативными единицами исследуемых полей, и составляет код, являющийся связующим звеном между исходным текстом и переводным. Код – это совокупность различных видов трансформаций знака при переводе.

По результатам структурного анализа материала классических художественных произведений русских авторов среди множества когнитивных образований, формирующих концептосферу *‘Россия’*, с одноименным ядерным концептом, выявлены как более частотные нижеследующие составляю-

щие, которые в структурно-методологической канве исследования расположены зонально следующим образом:

– **приадерная зона:** (1) концепт *‘Петербург’*; (а) субконцепт *‘Летний сад’*, (б) субконцепт *‘архитектурный пейзаж’*, (в) субконцепт *‘памятники’*, (г) субконцепт *‘петербуржцы’*, (д) субконцепт *‘н’*; (2) концепт *‘н’*, субконцепт *‘н’*; – **ближайшая периферия:** (1) концепт *‘быт русского народа’*: (а) субконцепт *‘крестьянское жильё’*, (б) субконцепт *‘самовосприятие’*, (в) субконцепт *‘общественное самосознание’*, (г) субконцепт *‘отдых народа’*, субконцепт *‘н’*; (2) концепт *‘хозяйственная жизнь России’*: (а) субконцепт *‘труд’*; (б) субконцепт *‘торговля’*, (в) субконцепт *‘экономическая мораль’*, (г) субконцепт *‘быт’*, (д) субконцепт *‘источник неудач’*, (е) субконцепт *‘н’*; (3) концепт *‘н’*, субконцепт *‘н’*; – **дальняя периферия:** (1) концепт *‘Русь Святая’*: (а) субконцепт *‘вера’*, (б) субконцепт *‘церковные таинства’*, (в) субконцепт *‘церковные праздники’*, (г) субконцепт *‘святые’*, (д) субконцепт *‘церковь’*, (е) субконцепт *‘икона’*, (ж) субконцепт *‘н’*; (2) концепт *‘н’*, субконцепт *‘н’*; – **крайняя периферия:** (1) концепт *‘природа России’*: (а) субконцепт *‘степь’*, (б) субконцепт *‘тайга’*, (в) субконцепт *‘н’*. (2) концепт *‘н’*, субконцепт *‘н’*.

Исследование материала показало, что вышеперечисленные компоненты концептосферы художественного текста: концепты, субконцепты вербализованы преимущественно фреймами как статичными когнитивными структурами, реже сценариями и сценами как динамичными когнитивными структурами. Подчеркнём, параметры когнитивных структур, формирующих ту или иную концептосферу, обусловлены смысловым наполнением этой концептосферы, как следствие, совокупность произведений других авторов, не рассматриваемых в нашем исследовании, представила бы иную когнитивную картину, которая бы репрезентировалась рядом других языковых структур (см. подробнее: 1.4.2.). Отразим результаты исследования в следующей таблице 2:

Структура концептосферы	Тип когнитивного образования	когнитивная структура
ядро	концепт 'Россия'	фрейм
приядерная зона	концепт 'Петербург'	фрейм
	субконцепт 'Летний сад'	субфрейм
	субконцепт 'архитектурный пейзаж'	субфрейм
	субконцепт 'памятники'	субфрейм
	субконцепт 'Петербургжцы'	субфрейм
	субконцепт 'н'	субфрейм
ближайшая периферия	(1) концепт 'быт русского народа'	фрейм
	субконцепт 'крестьянское жилище'	субфрейм
	субконцепт 'самовосприятие'	субфрейм
	субконцепт 'общественное самосознание'	субфрейм
	субконцепт 'отдых народа'	субфрейм
	субконцепт 'н'	субфрейм
	(2) концепт 'хозяйственная жизнь России'	фрейм
	субконцепт 'труд'	субфрейм
	субконцепт 'торговля'	субфрейм
	субконцепт 'экономическая мораль'	субфрейм
	субконцепт 'быт'	субфрейм
	субконцепт 'источник неудач'	субфрейм
	субконцепт 'н'	субфрейм
дальняя периферия	концепт 'Русь Святая'	фрейм
	субконцепт 'вера'	субфрейм
	субконцепт 'церковные таинства'	субфрейм
	субконцепт 'церковные праздники'	субфрейм
	субконцепт 'святые'	субфрейм
	субконцепт 'церковь'	субфрейм
	субконцепт 'икона'	субфрейм
	субконцепт 'н'	субфрейм
крайняя периферия	концепт 'природа России'	фрейм
	субконцепт 'степь'	субфрейм
	субконцепт 'тайга'	субфрейм
	субконцепт 'н'	субфрейм

Подчеркнем, что вышеприведенная стратификация зон концептосферы с ядром «**Россия**» характерна в целом для исследуемых нами произведений русской классики XIX-XX веков, тогда как зонавая ядерно-периферийная полевая градиация в пределах архитектоники художественной концептосферы с ядром «**Россия**», формируемой другими произведениями, может варьировать и упомянутые нами в таблице концепты, в зависимости от частотности их употребления в других художественных произведениях, могут перемещаться из дальней или крайней периферии в ближайшую периферию поля и наоборот.

Рассмотрим репрезентацию указанных в таблице компонентов концептосферы в исследованных нами литературно-художественных произведениях русской классики.

3.2. Приядерная зона мега-фрейма

3.2.1. Модель фрейма 'Петербург'

Город, по мнению И.А. Тарасовой, представляет собой типичный фрейм визуального типа, организованный средствами пространственной схемы «часть – целое», а концептуальная выделенность особо значимых для писателей объектов позволяет составить своеобразную «когнитивную карту» города (Тарасова 2004), вербализуемую в художественных произведениях теми или иными когнитивными структурами.

Анализ структуры художественного концепта *Петербург* по материалам произведений Н.В. Гоголя «Невский проспект» и «Шинель» показывает, что пространство города представляет собой совокупность следующих субконцептов:

- **субконцепт 'Летний сад':**
 - концепт-элемент 'н';
- **субконцепт 'архитектурный пейзаж':**
 - концепт-элемент 'Сенная площадь',
 - концепт-элемент 'Адмиралтейская игла',
 - концепт-элемент 'н';
- **субконцепт 'памятники':**

- концепт-элемент *‘памятник Петру’*,
- концепт-элемент *‘Александровская колонна’*,
- концепт-элемент *‘н’*;

➤ **субконцепт ‘петербуржцы’:**

- концепт-элемент *‘внешний вид’*,
- концепт-элемент *‘разговоры’*,
- концепт-элемент *‘социум’*,
- концепт-элемент *‘нравы’*,
- концепт-элемент *‘быт’*,
- концепт-элемент *‘н’*;

➤ **субконцепт ‘N’** как совокупности нерассматриваемого материала в силу низкой частотности его представленности в исследуемом художественном материале. Все вышеперечисленные субконцепты организуют предметный слой концепта *‘Петербург’*.

Понятийный слой характеризуется когнитивными признаками *‘история’*, *‘столица’*, *‘Нева’*.

Ценностный слой концепта, по мнению И.А. Тарасовой (Тарасова 2004), характеризуется положительной оценочной составляющей *‘северная царская столица’*, *‘прекрасный город’*, *‘Петербург – любовь’*, *‘Петербург – жизнь’*, *‘Петербург – смерть’*.

Совокупность вышеуказанных субконцептов рассматриваемой концептосферы художественного текста позволяет представить концепт *‘Петербург’* как центр соответствующего концептуального поля с одноименным ядром, концентрирующим логически упорядоченную, предметно-чувственную информацию.

Периферия поля содержит более абстрактные авторские ассоциации.

В результате проведённого когнитивно-герменевтического исследования материала нами была построена трёхслойная модель концепта (принципы построения этого типа моделей см.: 2.4.):

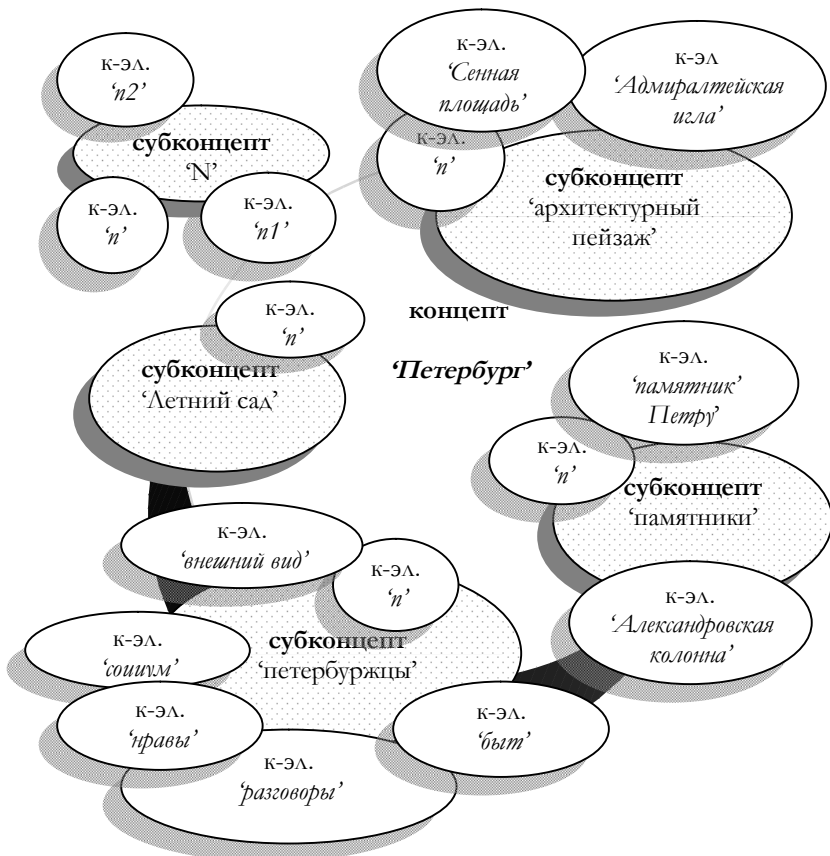

Рис. 8. Модель концепта 'Петербург'

Вышеприведенная полевая модель концепта 'Петербург' выявляет: 1) количество субконцептов, создающих, посредством косвенной коммуникации, в восприятии читателя облик Петербурга; 2) количество концептов-элементов, в составе каждого субконцепта; 3) формирует структурированное представление о концепте.

Основываясь на выявленных закономерностях взаимообусловленности типов когнитивных образований и когнитивных структур (табл. № 1) строим трёхслойную модель номинативного поля фрейма 'Петербург',

репрезентирующего одноименный концепт (принципы построения этого типа моделей см.: 2.4.):

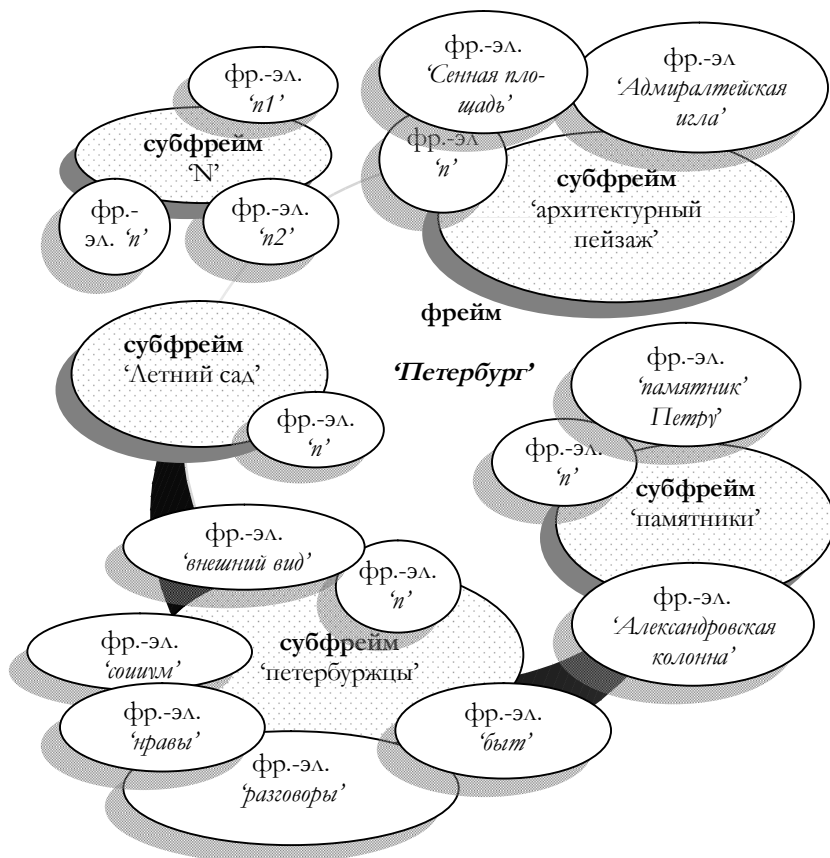

Рис. 9. Модель номинативного поля фрейма 'Петербург'

Смоделированное номинативное поле фрейма может рассматриваться как когнитивная структура комплексного типа в составе исследуемой концептосферы *Россия*.

Из перечня субфреймов, репрезентирующих исследуемый концепт *Петербург*, выбираем для дальнейшего детального исследования субфрейм *'петербуржцы'*.

3.2.2. Модель субфрейма ‘петербуржцы’

Рассмотрим структуру субфрейма ‘петербуржцы’, репрезентированную в концептосфере произведений Н.В. Гоголя «Невский проспект», «Шинель», в сопоставлении с её переводными вариантами на французский и английский языки.

Подчеркнём, что французы познакомились с творчеством Н.В. Гоголя, а через его посредство и с морально-ценностными концептами русского общественного сознания, ещё в 1845 г. благодаря переводам Луи Виардо, осуществленным по совету И.С. Тургенева (Кузнецов 2006: 358).

Изучение материала художественных произведений показало, что структура субфрейма ‘петербуржцы’ представлена следующим образом: фрейм-элемент ‘внешний вид’, концепт-элемент ‘разговоры’, фрейм-элемент ‘социум’, фрейм-элемент ‘нравы’, фрейм-элемент ‘быт’, фрейм-элемент ‘п’.

Фрейм-элемент ‘внешний вид’

Фрейм-элемент ‘внешний вид’ вербализуется в следующем тексте: *мужчины в длинных сюртуках, с заложёнными в карманы руками, дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках* (Гоголь. Невский проспект, 2002: 93). Структура номинанта переведена следующим образом на fr.: *les hommes portent de longues redingotes et se promettent les mains dans les poches <...> les femmes sont vêtues de manteaux de satin rose, blanc ou bleu pâle, et portent de splendides chapeaux* (Gogol. La Perspective Nevsky, 1968: 116).

Когнитивно-сопоставительный анализ структуры номинативных полей инварианта и вариативного фрейм-элемента выявил, что законы французского языка потребовали от переводчика добавление глаголов в текст перевода, что привело к асимметрии в плане выражения фрейм-элемента оригинала и перевода. В тексте на английском языке прослеживается трансформация синтаксических связей в структуре рассматриваемого предложения, что не искажает план содержания номинанта engl.: *men in long frock coats with their*

hands in their pockets, ladies in pink, white and pale blue coats and hats (Gogol. Nevsky Prospect, 1980: 115).

В процессе исследования языковых структур, вербализующих фрейм-элемент 'внешний вид', выявлен следующий подбор эквивалентов для адаптации лексем, отражающих одежду жителей Петербурга XIX века:

– мужская одежда – лексема *сюртук* передана на fr.: *redingotes* и на engl.: *frock coats*, объем знака в последнем случае увеличен от одной лексемы в оригинале до двух в переводе;

– женская верхняя одежда описывается Н.В. Гоголем словом *редингот*, которое перекодировано лексемой множественного числа на fr.: *manteaux* (хотя существует транслитерированный синоним *redingotes*), а на engl.: *coats* (пальто) – переводчики применили способ транспозиции грамматической категории, а именно, замена единственного числа имени существительного множественным.

Фрейм-элемент 'разговоры'

Фрейм-элемент 'разговоры' вербализуется в следующем предложении: *Русский мужик говорит о гривне или и семи грошах меди* (Гоголь. Невский проспект, 2002: 91-92), которое переведено на fr.: *Les moujiks discutent de quelques kopecks* (Gogol. La Perspective Nevsky, 1968: 115). В английском переводном варианте читаем: *The Russian peasant mutters about ten kopecks, or seven brass farthing he's owed* (Gogol. Nevsky Prospect, 1980: 114-115).

В результате когнитивно-сопоставительного исследования номинативных полей фрейм-элемента 'разговоры' в оригинальной и переведённой версиях выявлены лакуны. Как известно, в случае лакунарности [см.: Муравьёв 1980] единиц текста оригинала в переводном языке возникают проблемные ситуации, как правило, при переводе этнографических лакун, рассматриваемых нами в качестве компонентов социокультурных концептов. Под этнографическими лакунами понимаются такие слова и словосочетания, не имеющие равнозначных элементов в сравниваемых языках,

которые «носят бытовой, социально-культурный, нравственный характер» [Муравьев 1980: 4].

Существование этнографических лакун обязательно предполагает различающуюся экстралингвистическую реальность. Их наличие свидетельствует об отсутствии данного явления, предмета, вещи в быту народа, говорящего на данном языке (в нашем случае – в языке французов).

Различают *абсолютные* и *относительные* этнографические лакуны [Полянская 2003: 28-34]. Обязательным лингвистическим выражением абсолютных этнографических лакун является отсутствие в одном из языков слова либо фразеологизма для выражения соответствующего понятия. В то же время в языке существует возможность передачи данного понятия свободным словосочетанием [см. подробнее о лакунах: Стернин, Быкова, 2000: 55-67; Ситкарева 2001: 3-24]. Так, лакуна *гривна*, по В. Далю «крупная серебряная монета, вероятно также носимая на шее; <...> десять копеек» и лакуна *семь грошей меди* – «две копейки, медный двукопеечник с переложения счета на серебро» [Даль 1998] не имеют эквивалентов во французском и английском языках. Переводчики выбрали следующие пути адаптации: Boris de Schloezer (fr.) перевел лакуну *гривна* словосочетанием *quelques kopeks* (несколько копеек), что является частичным эквивалентом, который асимметричен инварианту по объему, тогда как Christopher Ehlgish (engl.) подобрал полный эквивалент – *ten kopecks* (десять копеек). Номинант *гроши* французский переводчик игнорировал, вследствие чего этот сегмент номинативного поля фрейм-элемента нивелирован, а английский переводчик заменил русскую реалию английской – *seven brass farthing*, т.к. *farthing* – фартинг является устаревшей денежной единицей Англии, равной 1/4 пенни. Решение английского переводчика неоправданно исказило русскую действительность, описанную в гоголевском произведении, т.к. русские мужики в XIX веке не тратили время на дискуссию о «чужих» денежных единицах, о фартингах.

Фрейм-элемент 'социум'

Но бóльший «переводческий произвол» просматривается при адаптации структуры номинативного поля фрейм-элемента 'социум': *Гувернантки, бледные миссы и розовые славянки идут величаво позади своих легоньких, вертлявых девчонок* (Гоголь. Невский проспект, 2002: 92). Исследуемый материал переведен на fr.: *Les gouvernantes, pales missis et Françaises roses suivent d'une demarche majestueuse des fillettes délurées et fluettes* (Gogol. La Perspective Nevsky, 1968: 115).

Французский переводчик, Boris de Schloezer, заменил гоголевских розовых славянок на *Françaises roses* (Француз-женки), а номинант *вертлявые девчонки* на словосочетание *des fillettes délurées* (разбитные, развязные девочки), что кардинально изменило картину Невского проспекта, к сожалению, не в лучшую сторону. Английский переводчик, напротив, не исказив номинант оригинала, дополнил как патриот в словосочетание *бледные миссы* лексему *English*, а характеристику их воспитанниц: *вертлявые девчонки*, передал словом *fidgety* (неугомонные) на engl.: *Governesses, pale English misses and rose-cheeked Slav maidens, walk in a stately fashion behind their slim, fidgety girls* (Gogol. Nevsky Prospect, 1980: 115).

Фрейм-элемент 'нравы'

Рассмотрим степень адаптации номинанта номинативного поля фрейм-элемента 'нравы': *Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши* (Гоголь. Невский проспект, 2002: 94). Материал переведен следующим образом на fr.: *Il y a des gens qui ne manquent jamais, en vous croissant d'examiner vos bottines* (Gogol. La Perspective Nevsky, 1980: 117) и на engl.: *Many of the people you meet will at once lower their eyes to your boots* (Gogol. Nevsky Prospect, 1968: 117).

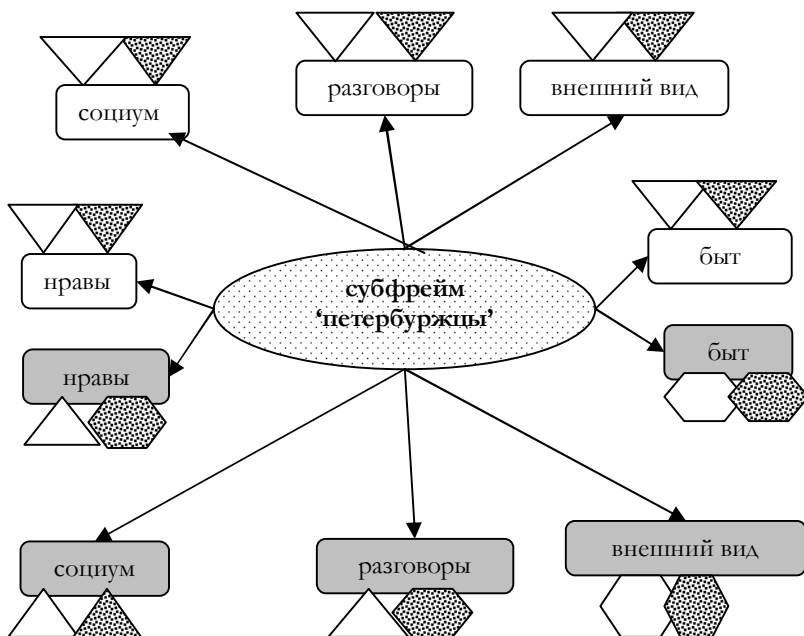
В грамматической структуре исследуемого номинанта в тексте на английском языке выявлена трансформация форм связи в предложении, что не исказило план содержания, тогда как во французском варианте перевода прослеживаются вставки в структуру номинанта: сравним – *непременно посмотрят на сапоги ваши* и *ne manquent jamais d'examiner vos bottines* (не

упустят никогда изучение ваших ботинок). В исследуемом номинанте французский переводчик также «переобул» прохожих, сменив их сапоги на ботинки, что искажает картину произведения Н.В. Гоголя, воспринимаемую читателями Франции.

Фрейм-элемент 'быт'

Фрейм-элемент 'быт' вербализуется в следующем номинанте: *Помощник столоначальника жил на широкую ногу: на лестнице светил фонарь. Квартира была на втором этаже* (Гоголь. Шинель, 2002: 232), который переведен путем трансформации форм связи в предложении как fr.: *Ce sous-chef vivait sur un grand pied; il occupait un appartement au deuxième étage, l'escalier était éclairé par une lanterne* (Gogol. Le manteau, 1968: 46), так и на engl.: *The assistant headclerk lived in style: a lamp burned on the staircase, leading to the second-floor apartment* (Gogol. The Greatcoat, 1980: 241). В номинанте, вербализующем фрейм-элемент во французском тексте, выявлены также: (1) транспозиция грамматической категории глагола: активный залог лексемы *светил* изменен в переводе на пассивный залог *était éclairé* (была освещена); (2) актантные трансформации (изменения синтаксической функции слова без изменения его частеречной принадлежности), а именно, взаимозамена подлежащего и второстепенного члена предложения: (а) *на лестнице светил фонарь – l'escalier était éclairé par une lanterne* (лестница была освещена фонарём), лексема *фонарь*, выволявшая функции подлежащего в структуре номинанта-инварианта, в переводном варианте номинанта выволяет функции дополнения; (б) *квартира была – il occupait un appartement* (он занимал квартиру), где лексема *квартира*, будучи подлежащим в синтаксической структуре инварианта, в переводе играет роль дополнения.

Выявленные преобразования в плане выражения номинанта-инварианта не изменили его план содержания, который передан симметрично. На основе полученных результатов построим модель субфрейма 'петербуржцы':

**Рис. 10. Модель номинативного поля субфрейм
'петербужцы'**

Модель субфрейма *'петербуржцы'* иллюстрирует:

- количество актуализированных в исследуемом художественном произведении номинантов номинативного поля субфрейма – 5;
- 100% асимметрию в трансляции плана выражения номинантов, что обусловлено законами переводных языков;
- симметричную адаптацию плана содержания номинативного поля субфрейма, несмотря на трансформации в его плане выражения, к восприятию франкоговорящего читателя произведения на 40 %;
- симметричную адаптацию плана содержания номинантов к восприятию англоговорящего читателя – на 80%.

Таким образом, когнитивно-сопоставительный анализ языковых структур, вербализующих рассматриваемый сегмент концептосферы в оригинальном тексте, и их переводных вариантов на французском, английском языках, установил причины неполной адаптации культурно-исторических реалий, отраженных в художественных произведениях русских авторов. Неполная адаптация информации переводимых произведений искажает картину России XIX, отображенную в исследуемых текстах и изменяет концептосферу, воспринимаемую англоговорящими и франкоговорящими читателями при косвенной коммуникации.

3.3. Ближайшая периферия мега-фрейма

Исследование архитектоники концептосферы, образуемой изучаемыми нами художественными произведениями, установило, что яркими компонентами её ближайшей периферии, являются концепт *‘быт русского народа’* и концепт *‘хозяйственная жизнь России’*, которые репрезентированы одноименными фреймами.

3.3.1. Модель фрейма *‘быт русского народа’*

Изучение структуры фрейма *‘быт русского народа’* выявило, что в его состав входят такие субфреймы как:

➤ **субфрейм *‘крестьянское жильё’*** и состоит из следующих фрейм-элементов, объединяемых в рамках исследования в сегмент с положительной характеристикой *‘уют’*:

- фрейм-элемент *‘тепло’*,
- фрейм-элемент *‘белый цвет’*,
- фрейм-элемент *‘приятный запах’*,
- фрейм-элемент *‘свет’*,
- фрейм-элемент *‘умиротворение’*,
- фрейм-элемент *‘материальный достаток’*,

- фрейм-элемент *‘чистота’*,
- фрейм-элемент *‘духовная чистота’*,
- фрейм-элемент *п.*

Антипод сегменту *‘уют’* сегмент *‘нет уюта’* состоит из следующих фрейм-элементов:

- фрейм-элемент *‘темнота’*,
- фрейм-элемент *‘неприятный запах’*,
- фрейм-элемент *‘холод’*,
- фрейм-элемент *‘черный цвет’*,
- фрейм-элемент *‘грязь’*,
- фрейм-элемент *‘нищета’*,
- фрейм-элемент *‘теснота’*,
- фрейм-элемент *‘п’*.
- ***субфрейм ‘самовосприятие’:***
 - фрейм-элемент *‘самовосхваление’*,
 - фрейм-элемент *‘самопорицание’*,
 - фрейм-элемент *‘п’*.
- ***субфрейм ‘общественное самосознание’:***
 - фрейм-элемент *‘недовольство властями’*,
 - фрейм-элемент *‘возмущение’*,
 - фрейм-элемент *‘недоверие к власти’*,
 - фрейм-элемент *‘неприятие перемен’*,
 - фрейм-элемент *‘возмущение’*,
 - фрейм-элемент *‘любовь народа к царю’*,
 - фрейм-элемент *‘п’*.
- ***субфрейм ‘отдых народа’:***
 - фрейм-элемент *‘традиции’*,
 - фрейм-элемент *‘веселье’*,
 - фрейм-элемент *‘п’*.
- ***субфрейм ‘N’:***

Результаты проведенного исследования отразим в трёхслойной модели фрейма *‘быт русского народа’*:

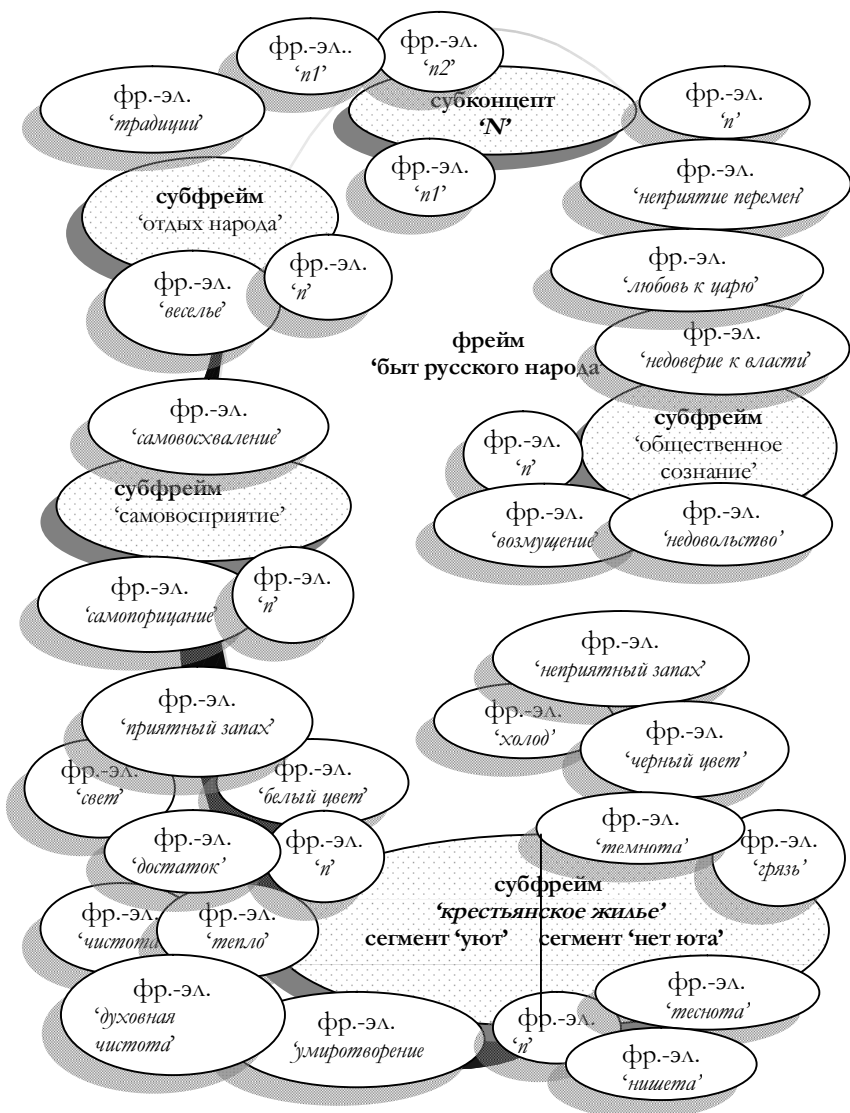

Рис. 11. Модель концепта 'быт русского народа'

Модель фрейма 'быт русского народа' иллюстрирует:

- количество субфреймов, создающих, посредством косвенной коммуникации, в восприятии читателя картину быта народа;
- количество фреймов-элементов в составе каждого субконцепта;
- структурированное представление о фрейме.

В соответствии со вторым этапом моделирования детально исследуется структура каждого субфрейма, в данном случае субфрейма *‘крестьянское жильё’*.

3.3.2. Модель субфрейма *‘крестьянское жильё’*

Исследование проводится на материале классического художественного произведения талантливого русского писателя А. Толстого «Петр Первый». Как выявил концептуальный анализ материала, структуру изучаемого субфрейма следует рассматривать, подразделив её на два сегмента: сегмент с положительной характеристикой – *‘уют’* и сегмент с отрицательной характеристикой – *‘нет уюта’*. Итак, рассмотрим архитектонику номинативного поля сегмента *‘уют’*.

Фрейм-элемент *‘свет’* реализован в номинанте: *В светлице – пахнет сухими травами. Белые стены, как в келье* (Толстой. Петр Первый, 1981: 51). Сопоставим номинант-инвариант с его переводом на fr.: *La chambre – une chambre de jeune fille – cela sent les herbes sèches. Les murs sont blancs comme ceux d’une cellule de nonne* (Tolstoï. Pierre Ier, 1982: 57) и на engl.: *The interior of the chamber <...> was an aroma of dry herbs. ‘White walls, as in the monastery cell’* (Tolstoy. Peter the Great, 1982: 51).

Исследования показывают, что в рассматриваемом материале реализуются номинанты номинативного поля как фрейм-элемента *‘свет’*, так и фрейм-элемента *‘приятный запах’*. Так, выявлен номинант *светлица*, вербализующий фрейм-элемент *‘свет’*; номинант одновременно является культуремой. По В.И. Далю, «светлица – горница с красными (не волоковыми) окнами; чистая, светлая комната, гости-

ная, в светлице не стряпают; белая изба, обычно через сени от черной». С когнитивной точки зрения лексема *светлица* представляет собой ядерный номинант одноименного концепта-уникалии. Подчеркнём, что концепт-уникалия может функционировать в рамках таких когнитивных структур как фрейм, субфрейм, фрейм-элемент.

Сопоставительный анализ выявил следующее: во французском переводном варианте лексема *светлица* адаптирована нейтральной единицей – *la chambre*, вследствие чего исчезло понятие света, но добавлена поясняющая вставка, частично адаптирующая семантический объем лексемы к восприятию франкоговорящего читателя, то есть характеризующая особенности этой комнаты: *une chambre de jeune fille*.

При переводе номинанта на английский язык лексема *светлица* не адаптирована – *The interior of the chamber*, поэтому понятие *света* нивелировано. Фрейм-элемент '*свет*' вербализуется в следующем контексте: *На шесте ярко загорелись лучины. Материно морщинистое лицо осветилось огнем* (Голстой. Петр Первый, 1981: 23).

Номинант переведен следующим образом на fr.: *Dans l'âtre des bûchettes prendent feu, jetant un vif éclat sur son visage ridé* (Tolstoï. Pierre Ier, 1982: 13) и на engl.: *The wooden tapers had flared up in their holder. Her wrinkled face was **instantly** illumined by the light* (Tolstoy. Peter the Great, 1982: 5).

Смысл номинанта *ярко загорелись* отражает понятие *свет*: свет – это всегда надежда, и, более того, в следующем предложении прослеживается усиление эмоциональной нагрузки описываемой ситуации: *лицо осветилось огнем*. Как показывает исследование в переводном варианте номинанта на французский язык источник света сместился с традиционного русского шеста с лучинами в *очаг* (*l'âtre*), от которого света в доме меньше. Компоненты второй части предложения, несмотря на наличие словосочетания *un vif éclat*, не способствуют адекватной вербализации фрейм-элемента '*свет*' как одному из ключевых составляющих концепта '*уют*', что формирует в восприятии франкоговорящего читателя кар-

тину, не адекватную изложенной в оригинальном произведении. Английский вариант перевода номинанта в данном случае ближе к оригиналу как по семантике лексических единиц: *ярко загорелись* – *had flared up* (вспыхнули), *осветилось* – *illuminated* (осветилось), так и по синтаксической структуре предложений. Однако культурема *лучины* переведена на английский язык довольно забавно *the wooden tapers* (деревянные тонкие свечи), во французском варианте перевода номинанта, в связи с изменением источника света, культурема *лучины* трансформирована в *des bûchettes* (щепки), что исказило авторское описание быта русского народа.

Фрейм-элемент ‘приятный запах’ репрезентирован номинантом *пахнет сухими травами*. Сопоставительный анализ структуры номинанта-инварианта и его переводных вариантов установил, что план содержания репрезентанта передан симметрично, а план выражения трансформирован (изменен порядок слов) при переводе на fr.: *sent les herbes sèches*, тогда как в варианте на engl.: *there was an aroma of dry herbs* (там пахло сухими травами) измененого времени заменена на прошедшее время.

Таким образом, в процессе перевода смещен временной аспект: в светлице всегда пахнет сухими травами, что отражено в тексте на русском языке и утрачено в английском переводе.

Фрейм-элемент ‘чистота’ контекстуально сочетается с фрейм-элементом *‘белый цвет’* и фрейм-элементом *‘духовная чистота’*. Исследование установило, что состояние уюта, созданное А. Толстым в тексте за счет употребления номинантов *чистенько*, *простенько*, стилистически снижено как во fr.: *est toute simple et proprette*, так и в engl.: *was clean and simple*.

Фрейм-элемент ‘белый цвет’ реализуется в номинанте *белые стены*, план содержания которого передан адекватно как на fr.: *les murs blancs*, так и на engl.: *White walls*. Но во французском переводном варианте план выражения номинанта трансформирован: словосочетание заменено на предложе-

ние: *les murs sont blancs*, что обусловлено структурой языка перевода.

При описании чистоты комнаты, являющейся несомненным атрибутом уюта, А.Толстой использует сравнение *белые стены, как в келье*, что переведено на fr.: *les murs sont blancs comme ceux d'une cellule de nonne*, тогда как английский читатель воспринимает следующее сравнение engl.: *White walls, as in the monastery cell*. Как известно, *monastery is a place where monks (=members of a male religious community) live together* (Oxford 2001: 419), что формирует у англоговорящего читателя представление о мужской комнате, а никак не о девичьей светлице, о которой говорится в оригинале.

Таким образом, впечатление о чистоте духовной в русском тексте выражено именно номинантом *как в келье*, который отсутствует в переводных вариантах на fr.: *comme ceux d'une cellule de nonne*, где пояснение *de nonne* (монашка), являясь разговорным, снижает стилистическую нагрузку сравнительного оборота оригинала, и в варианте на engl.: *as in the monastery cell*.

Фрейм-элемент 'тепло' вербализован следующим номинантом: *печь жарко натоплена* (Толстой. Петр Первый, 1981: 151), который сопоставим его с переводными вариантами на fr.: *Le poêle est bien chauffé* (Golstoï. Pierre Ier, 1982: 57) и на engl.: *The tiled stove was hot* (Golstoy. Peter the Great, 1982: 51).

Номинант *печь жарко натоплена*, во-первых, отражает результат труда, а во-вторых, свидетельствует о том, что в доме тепло. Исследование показало, что репрезентант передан на французский язык адекватно, тогда как в тексте на английском языке номинант адаптирован словосочетанием *the stove was hot* – *печь была жаркой*, что отражает состояние предмета, но не конечный результат.

В восприятии читателя может возникнуть представление о том, что возможно в печи продолжает гореть огонь, что в доме ещё недостаточно тепло; как следствие, описание уюта домашнего очага, отраженное в оригинале, в переводе нивелируется.

Фрейм-элемент ‘материальный достаток’

Номинативное поле фрейм-элемента ‘*материальный достаток*’ вербализуется в языковом знаке *изразцовая с лежанками печь*. В словаре В.И. Даля находим «Изразце(о)вый, к изразцам относящийся, а изразец представлял собой глиняную, выжженную плиту, обычно с лица поливанную». Рассматриваемый языковой знак переведен описательно на fr.: *Le poêle revêtu de carreaux de faïence, pourvu de couchettes* (Tolstoï. Pierre Ier, 1982: 57) (плита, облицованная фаянсовым кафелем, оснащенная спальными местами).

При переводе на английский язык в содержательном плане языкового знака было утеряно предназначение рассматриваемого предмета – *the tiled stove* (Tolstoy. Peter the Great, 1982: 51), что переводится как обложенная кафелем плита. Данная характеристика не соответствует русской печи, следовательно, картина быта, описанная в оригинале, адаптирована не в полном объеме к восприятию англоговорящего читателя.

Другой номинант номинативного поля рассматриваемого фрейм-элемента: *Вся утварь, лавки, стол покрыты холстами* переведен следующим образом на fr.: *Tout le mobilier, les bancs, la table, sont couverts de dessus en grosse toile* (*толстый холст*) (Tolstoï. Pierre Ier, 1982: 57).

Сопоставительный анализ номинанта-инварианта и его переводного варианта установил, что в плане выражения исследуемой языковой единицы осуществлено усиление, тогда как английский вариант адекватен оригиналу engl.: *The benches, the tables and all the utensils were covered with canvas* (Tolstoy. Peter the Great, 1982: 51), но в плане его выражения выявлена асимметрия – изменен порядок слов.

Фрейм-элемент ‘умиротворение’

При сопоставительном анализе структуры номинанта *Медленно вертится расписанный розами цифирный круг на стоячих часах* и его вариантов выявлено, что структура номинанта адекватно передана на fr.: *Le cadran décoré de roses de la pendule ver-*

ticale tourne lentement, но в плане выражения осуществлена трансформация форм связи в предложении.

В тексте на engl.: *The dial of the standing clock was decorated with roses* отсутствует движение, что искажает смысл концепта-элемента, входящего в состав концептосферы оригинала.

Таким образом, в процессе сопоставительного анализа номинативного поля субфрейма 'уют' в оригинале и переводе было выявлено: а) преобладание асимметричной передачи планов содержания и выражения номинантов при переводе; б) применение приема поясняющей вставки на французском языке, тогда как в тексте на английском языке прослеживается явление стилистической нивелировки, опущение лексических единиц, неравнозначных замен (*'as in the monastery cell'*), что дает право говорить о неполной адаптации исследуемых субконцептов на указанные языки.

Явление неполной адаптации рассматриваемых концептов обусловлено как различием структуры русского, французского, английского языков, так и произволом переводчиков. Так, из номинативных полей 8 фрейм-элементов сегмента 'уют':

- языковые структуры, вербализующие 2 фрейм-элемента, не адаптированы в полной объёме: 'свет' и 'духовная чистота';

- языковая структура, репрезентирующая фрейм-элемент 'чистота' стилистически снижена;

- на французский язык в плане выражения асимметрично переданы структуры 6 фрейм-элементов, а в плане содержания – 5 фрейм-элементов;

- на английский язык в плане выражения асимметрично переданы структуры всех 8 фрейм-элементов, а в плане содержания – 7 фрейм-элементов.

Отообразим полученные результаты в следующей когнитивно-сопоставительной модели субфрейма 'уют' (принципы построения модели: см.: 2.4.):

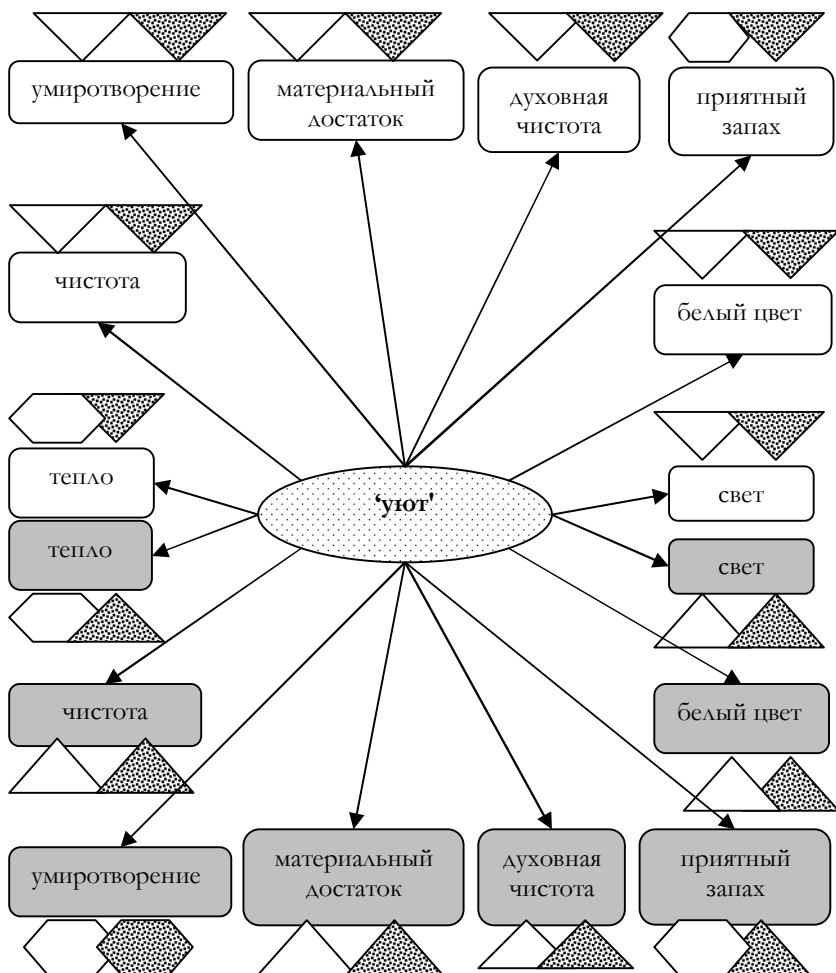

Рис. 12. Модель сегмента 'уют' номинативного поля субфрейма 'крестьянское жилье'

Модель номинативного поля субфрейма 'уют' наглядно показывает степень адаптации планов содержания и выражения рассмотренных номинантов исследуемого номинативного поля.

Дальнейшее изучение структуры фрейма *'быт русского народа'* выявило антипод сегменту *'уют'*, а именно, концептуальный сегмент *'нет уюта'*.

Рассмотрим структуру номинативного поля сегмента *'нет уюта'* с целью построения ее когнитивно-сопоставительной модели и последующего сравнения с вышеуказанной моделью номинативного поля субфрейма *'уют'*.

Фрейм-элемент *'темнота'*

Концептуальный анализ изучаемого художественного материала установил, что в следующем тексте сочетаются номинанты, вербализующие два фрейм-элемента: *'темнота'* и *'неприятный запах'*.

Исследуемый материал номинативного поля *вскочили в темные сени вслед за облаком пара и дыма из прокисшей избы* (Толстой. Петр Первый, 1981: 23) переведен на fr.: *ils bondirent dans l'entrée obscure, à la suite du nuage de vapeur et de fumée échappé de l'isba qui sentait le suri* (Tolstoï. Pierre Ier, 1982: 23) и на engl.: *skipped out into the dark passage in the wake of the cloud of steam and smoke that billowed out of the stale – smelling hut* (Tolstoy. Peter the Great, 1982: 5).

Сопоставительный анализ показывает, что при передаче номинанта *'темные сени'*, вербализующего фрейм-элемент *'темнота'*, номинант переведен следующим образом: адекватно на fr.: *l'entrée obscure* и описательно на engl.: *the dark passage*, несмотря на то, что в английском языке есть эквиваленты лексеме *сени* – *hall (way), inner porch, outer entrance hall*.

Фрейм-элемент *'неприятный запах'*

Фрейм-элемент *'неприятный запах'*, значимый номинант при описании жилья, вербализуется в номинанте *прокисшая изба*.

Номинант переведен эквивалентно на fr.: *l'isba qui sentait le suri*, тогда как в английском тексте прослеживается искажение действительности переводчиком и предоставление чи-

тателям более мрачной картины – *the stale-smelling but* (затхлая лачуга, хижина).

Фрейм-элемент ‘холод’

Исследуем структуру номинативного поля фрейм-элемента ‘холод’ в следующем материале: *Обледенела кадка с водой, обледенел деревянный ковшик* (Голстой. Петр Первый, 1981: 23). Выявлено, что А. Толстой дважды повторяет глагол *обледенеть*, что подчеркивает русский холод, бедность жилища.

Окружающие предметы воспринимаются отчетливо, разграничено: *обледенела кадка, обледенел ковшик*, тогда как в переводе на французский язык видим застывшую картину, так как два подлежащих употреблены с одним сказуемым *la baque d'eau et le puisoir en bois étaient couverts de glace* (Tolstoï. Pierre Ier, 1982: 23).

Являясь однородными членами предложения, лексемы *la baque d'eau et le puisoir* способствуют восприятию действительности в целом, неделимо, что снижает остроту восприятия картины нищеты. Исследования показывают, что функционирование лексики *снег, холод, мороз* в русском и французском языках различается, так как данная лексика относится к ярко выраженным относительным этнографическим лагунам.

Количество словарных статей, отведенных этим словам в толковых словарях русского и французского языков, со всей очевидностью отражает значимость данных явлений для русских и французов и свидетельствует, на наш взгляд, о месте, которое эти природные явления занимают в жизни русского человека. Так, если в словаре «Petit Robert» словам *neige, froid, gel (gelée)* и производным от них отводится всего по три словарных статьи (DAALF 1978: 831, 856, 1264), то в «Словаре русского языка» слову *снег* и производным от него посвящается 38 словарных статей; словам *мороз* и *холод* соответствует по 16 и 18 статей (СРЯ 1976).

При этом следует отметить, что сами понятия «мороз» и «холод» относительны и восприятие данных природных

явлений, а также реакция на них у русских и французов неодинакова. Об этом свидетельствует, в частности, само толкование слова *gel* (мороз) как «*temps de gelée*», а «*gelée*», в свою очередь, объясняется как «*état de la température lorsqu'elle s'abaisse au-dessous du zéro de l'échelle thermométrique et provoque la congélation de l'eau*» (DAALF 1978: 856).

Таким образом, исходя из словарной дефиниции, можно сказать, что для французов «морозом» (*gel, gelée*) считается температура, при которой замерзает вода.

Пришедшее к нам из французского языка слово «желе», является своеобразным синонимом русским лексемам «холодец» и «студень», в которых также обнаруживается семантическая связь с «зимними» понятиями (ср., например: *студеный, застудить, стужа*).

Наличие в русском языке большого количества слов с корнем «снег(ж)» вызывает затруднения при переводе. Чаще всего, на французский язык они переводятся при помощи сочетания: имя существительное + *de neige*, например: снегопад – *chute de neige*, снеговик – *bonhomme de neige*, снежок – *boule de neige*, снежинка – *crystal de neige*, Снегурочка – *Fille de neige* (РФС 1993: 613), которые являются этностилистическими лакунами, имеющими различные коннотации для русского и француза.

В английском переводном варианте исследуемого номинанта читаем *The water tub was iced up, so was the wooden dipper* (кадка обледенела также как и ковшик), что не соответствует действительности.

Представив себе морозную русскую зиму, мы видим толстый слой льда, неравномерно покрывающий кадку с одной стороны – с той, где чаще черпают воду, тогда как ковшик, будучи пустым (наполненным водой хозяева его не оставляли), покрыт лишь тонким слоем льда.

Таким образом, преобразование синтаксической структуры предложения в текстах переводов на французском и английском языках изменяет смысловую нагрузку фрейм-элемента.

В результате картина бедности русского крестьянства, описанная одновременно с воспеванием величия русской природы, во французском тексте преобразовывается в картину бедности, неподвижности, безысходности, а в английском тексте описанию бедности крестьян сопутствуют картины нечистоплотности *the stale – smelling but*; более того, искажена картина русской зимы и русского мороза.

Фрейм-элемент ‘черный цвет’

Фрейм-элемент *‘черный цвет’* вербализуется следующим образом: *Под черным потолком клубился <...> дым. Избу топили по-чёрному* (Голстой. Петр Первый, 1981: 24). Номинант переводится следующим образом на fr.: *Sous le plafond noirci, la fume <...> tourbillonnait <...> le four n`avait pas de cheminée* (Tolstoï. Pierre Ier, 1982: 15).

В тексте перевода на английский язык читаем *The <...> smoke billowed under the black ceiling <...> the hut was chimneyless* (Tolstoy. Peter the Great, 1982: 6).

Сопоставительный анализ показывает, что структура номинанта *под черным потолком* переведена адекватно на французский язык *sous le plafond noirci*. План содержания номинанта симметричен инварианту, план выражения асимметричен: изменён порядок слов, что обусловлено употреблением в большинстве случаев имен прилагательных после имён существительных во французском языке.

На английский язык *under the black ceiling* структура номинанта передана симметрично. Другой номинант номинативного поля фрейм-элемента *‘черный цвет’* играет значимую роль одновременно и в номинативном поле фрейм-элемента **‘нищета’**, при описании которого будет изучен более подробно.

Фрейм-элемент ‘нищета’

Исследование репрезентанта фрейм-элемента *‘нищета’* *избу топили по-чёрному* (Голстой. Петр Первый, 1981: 24), показало, что выражение характеризует отчетливую картину нищеты быта в восприятии русского читателя произведения.

В результате перевода номинант *по-чёрному* адаптирован описательно как на fr.: *le four n'avait pas de cheminée* – печь не имела трубы, так и на engl.: *the hut was chimneyless* – хибарка была без трубы. В обоих переводных вариантах номинанта в результате изменения структуры предложений отсутствует культурема *изба*, а также пропущен номинант *топим*, обозначающий действие.

Фреймы-элементы 'грязь', 'теснота', 'неприятный запах'

В результате исследования установлено, что фреймы-элементы 'грязь', 'теснота', 'неприятный запах' вербализуются при описании административных зданий, где перечень лексем создает ужасающую картину бесхозяйственности и равнодушия и рассматривается как репрезентант фрейм-элемента 'грязь' В приказе, в низких палатах, – угар от печей, вонь, неметенные полы (Голстой. Петр Первый, 1981, Т.2: 318).

Информация дополняется в следующем предложении и вербализуется номинантом, соотносящимся также и с номинативным полем фрейм-элемента 'теснота', отражающим сложные условия труда: За длинными столами, локоть к локтю, писцы царапают перьями (Голстой. Петр Первый, 1981, Т.2: 318).

Рассматриваемые репрезентанты переведены следующим образом на fr.: *Dans les salles basses du prikaz, cela pue, cela sent la fumée des poêles, les planchers ne sont pas balayés. Assis à de longues tables, coudre à coude, des scribes griffent le papier avec leurs plumes* (Tolstoï. Pierre Ier, 1982, Т.2: 33). В переводе читаем (на engl.): *In the Commission, in the low-ceilinged rooms, there were fumes from the stoves, smelles, unswept floors. Elbow to elbow at long tables, the copy clerks were scraping away with their pens* (Tolstoy. Peter the Great, 1982, Т.2: 32).

Сопоставительный анализ материала показывает, что номинант *неметенные полы*, вербализующий фрейм-элемент 'грязь', переведен на французский язык *les planchers ne sont pas balayés* в результате преобразования структуры словосочета-

ния, что не исказило его план содержания. Английский вариант номинанта *unswept floors* симметричен инварианту.

Номинанты *угар от печей* и *вонь*, вербализующие фрейм-элемент ‘неприятный запах’, адаптированы описательно на fr.: *la fumée des poêles* (дым от печей) и на engl.: *fumes from the stoves* (дым от печей). Номинант *вонь* лакунарен в тексте перевода на французский и английский языки, что исказило картину быта, воспринимаемую англо– и франкоговорящими читателями. Репрезентант *локоть к локтю*, вербализующий фрейм-элемент ‘теснота’, адаптирован в полном объеме как на fr.: *coudre à coudre*, так на engl.: *elbow to elbow*.

На основании полученных результатов построим модель:

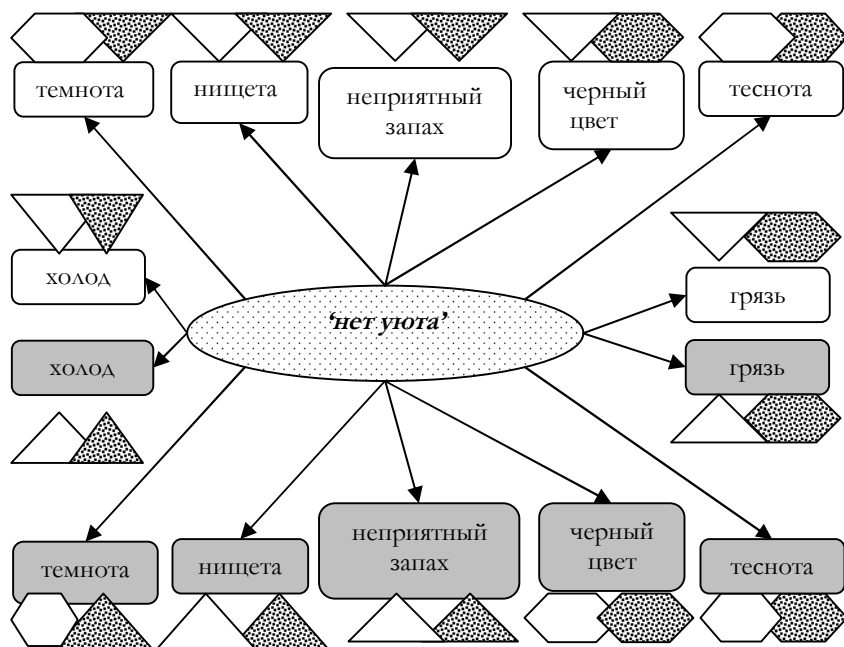

Рис. 13. Модель сегмента ‘нет уюта’ номинативного поля субфрейма ‘крестьянское жилье’

Модель сегмента *'нет уютa'* иллюстрирует:

- сегмент *'нет уютa'* номинативного поля субфрейма *'крестьянское жильё'* состоит из 7 фрейм-элементов;

- план выражения номинантов передан преимущественно асимметрично: 5 из 7 номинантов при переводе на французский язык и 4 из 7 номинантов при трансляции на английский язык;

- план содержания номинантов передан преимущественно асимметрично: 4 номинанта из 7, где структура фрейм-элемента *'неприятный запах'* была необоснованно усилена единицей *the stale-smelling but*.

3.3.3. Модель субфрейма *'самовосприятие русского народа'*

Художественное произведение А. Толстого «Пётр Первый» даёт обширный материал, позволяющий создать модель субфрейма *'самовосприятие русского народа'*, репрезентирующую одноименный субконцепт.

Рассмотрение художественного текста выявило наличие в структуре номинативного поля субфрейма следующих фрейм-элементов:

- фрейм-элемент *'недовольство властями'*,
- фрейм-элемент *'возмущение'*,
- фрейм-элемент *'недоверие к власти'*,
- фрейм-элемент *'неприятные перемены'*,
- фрейм-элемент *'возмущение'*,
- фрейм-элемент *'любовь народа к царю'*,
- фрейм-элемент *'н'*.

Фрейм-элемент *'самовосхваление'*

Рассмотрим структуру номинативного поля фрейм-элемента *'самовосхваление'* и выявим тенденции адаптации его номинантов на французский и английский языки.

Исследуемая структура номинативного поля реализуется в следующих номинантах: номинант *сила* – *больше человеческой*, номинант *восторг*, номинант *понимание*, номинант *печаль* и *радость* в рамках текстового материала *живет во мне сила, ну такая сила – больше человеческой ... слушаю – ветер свистит по стеблям и понимаю, так понимаю все, – грудь разрывается <...>. Гляжу – заря вечерняя, сумрак, и всё понимаю, так бы и разлился по небу с этой зарёй, такая во мне печаль и радость* (Голстой. Петр Первый Т.2, 1981: 520).

Исследуемый художественный материал переведен следующим образом на fr.: *une force vit en moi, une force plus qu`humaine <...>. J`écoute le vent siffle dans les tiges, et je comprends si bien que j`en ai la poitrine déchiré <...>. Je regarde: voici l`aurore vespérale, le crépuscule, et je comprends tout je voudrais me répandre dans le ciel avec cette aurore si grandes sont en moi la joie et la tristesse* (Golstoï. Pierre Ier T. 2, 1982: 331).

Находим в тексте перевода на engl.: *There's a force in me, it's such a force that it's more than human <...>. I listen, the wind whistles in the stalks and I understand. I understand everything, and my heart is ready to burst. I look at the evening glow of sunset and the twilight, and I understand, as if I had spread over the sky with that radiance, and there's such sorrow and joy in me* (Golstoy. Peter the Great T.2, 1982: 352).

1. В процессе сопоставительного анализа структуры номинанта-инварианта *сила – больше человеческой* и его переводных вариантов на fr.: *une force plus qu`humaine* и на engl.: *a force that it's more than human* выявлена симметричная передача плана содержания при асимметрии в плане выражения, что обусловлено законами языка перевода.

2. Сопоставление номинанта-инварианта *грудь разрывается* и его переводных вариантов выявило следующее:

(1) актантные трансформации в плане выражения: взаимозамена подлежащего и второстепенного члена предложения при трансляции на fr.: *la poitrine déchiré*;

(2) причастие *déchiré* указывает на результат действия, что изменило смысловую динамику номинанта.

В английском переводе также выявлено искажение динамики инварианта *my heart is ready to burst – сердце готово разорваться*. Глагол выражает готовность к действию, а не сам процесс, который отражен в номинанте-инварианте.

Таким образом, в переводных вариантах стилистически нивелирована динамика. Замена лексемы *грудь* лексемой *heart* (сердце) обусловлена культурологической составляющей рассматриваемого номинанта.

3. Номинант *понимание* повторяется в структуре высказывания трижды, что также придает характер динамики повествования, но в тексте на французском языке выявлено упоминание номинанта только в двух случаях, что приводит к меньшей эмоциональной нагрузке в сравнении с русским текстом.

В английском переводном варианте рассматриваемый номинант употреблен трижды, но его структура изменена – *I understand*, что привело к его эмоциональной нейтрализации.

4. В структуру номинанта *печаль и радость* при переводе на французский язык добавлен глагол, что обусловлено законами языка перевода *si grandes sont <...> la joie et la tristesse*.

Сопоставительный анализ позволил выявить значимое культурологически обусловленное различие номинанта-инварианта и варианта, а именно, в оригинале, на русском языке, читаем: *печаль и радость*, а во французском переводном варианте находим *радость и печаль – la joie et la tristesse*.

В результате преобразований плана выражения номинант приобрел «французскую характеристику», так как русский человек эмоционально переживает в такие моменты, как описанный в тексте эпизод, прежде печаль, а потом и радость.

Подобные искажения смысла оригинала можно приравнять к переводческим ошибкам.

Английский вариант номинанта в плане содержания симметричен оригиналу, тогда как изменение порядка слов в плане выражения обусловлено английской грамматикой – *there's such sorrow and joy in me*.

На основе полученных данных строим когнитивно-сопоставительную модель фрейм-элемента:

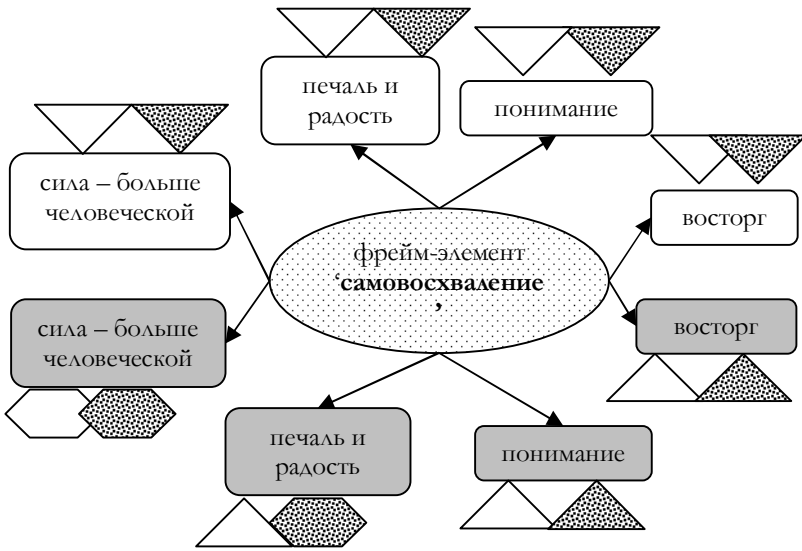

Рис. 14. Модель фрейм-элемент 'самовосприятие'

Модель иллюстрирует следующие результаты когнитивно-сопоставительного моделирования:

- из четырех исследованных номинантов номинативного поля фрейм-элемента 'самовосхваление' на французский язык симметрично передан план содержания только одного номинанта

- на английский язык симметрично передан план содержания двух, план выражения всех номинантов претерпел преобразования.

Подчеркнем, что вышеприведенная модель является примером сочетания симметричной/асимметричной адаптации структуры компонентов номинантов исследуемого номинативного поля фрейм-элемента.

Фрейм-элемент 'самопорицание'

В процессе исследования было установлено также, что фрейм-элемент 'самопопицание' концептуального поля суб-фрейма 'самовосприятие' реализуется в следующих номинантах: номинант *народ дикий*, номинант *ни ремеслов*, номинант *ни войска*, номинант *ни флота*, номинант *одно – три шкуры драсть* в рассматриваемом тексте *Народа такого дикого сыскать можно разве только в Африке. Ни ремеслов, ни войска, ни флота <...>. Одно – три шкуры драсть, да и те худые* (Толстой. Петр Первый Т.1, 1981: 175). Рассматриваемый материал переведен на fr.: *Il n'y a qu'en Afrique peut-être que l'on pourrait trouver un peuple aussi sauvage. Vous n'avez ni métiers, ni armée, ni flotte <...>. Vous ne savez qu'une chose: écorcher les gens, leur enlever trois peaux, qui sont, elles aussi, pourries* (Tolstoï. Pierre Ier Т.1, 1982: 216). В тексте на английском языке читаем *You'd be hard put to find such savages anywhere else save in Africa, may be. No trades, no army, no fleet. Only interested in bleeding the people white, and them with nothing left* (Tolstoy. Peter the Great Т.1, 1982: 220).

1. Сопоставительный анализ оригинального и переводных текстов показал, что структура номинанта *народ дикий* адаптирована в полном объеме на fr.: *un peuple sauvage*. В английском переводном варианте выявлена лексема *savages* (дикари), что искажает действительность, так как понятия *дикари* и *дикий народ* отражают различные явления картины мира, и поэтому замена переводчиком одного понятия другим не обоснованна.

2. Структуры следующих номинантов переведены симметрично: номинант *ни ремеслов* → fr.: *ni métiers* → engl.: *no trades*; номинант *ни войска* → fr.: *ni armée* → engl.: *no army*; номинант *ни флота* → fr.: *ni flotte* → engl.: *no fleet*.

3. Номинант *Одно – три шкуры драсть* на французский язык переведен как *Vous ne savez qu'une chose: écorcher les gens, leur enlever trois peaux' – сдирать кожу живьем (драсть втридорога), снимать три кожи и те гнилые испорченные*.

Структура переводного варианта усилена за счет повторения синонимичных глаголов в предложении и, так как переводчик употребил два глагола для описания рас-

сма­три­вае­мой по­го­вор­ки, то струк­ту­ра ва­ри­ан­та асим­мет­рич­на ин­вар­и­ан­ту, по­э­то­му фран­ко­го­во­ря­щий чи­та­тель вос­при­ни­ма­ет кар­ти­ну, от­ли­ча­ю­щую­ся от ори­ги­на­ла.

В ан­глий­ском пе­ре­во­де чи­та­ем *Only <...> in bleeding the people white, and them with nothing left*, что яв­ля­ет­ся сти­ли­сти­че­ской ниве­ли­ро­вкой, не­смот­ря на то, что в ан­глий­ском язы­ке есть эк­ви­вал­ент этой по­го­вор­ке *драть три шкуры – milk dry* [РАФСП 2001: 688]. По ре­зуль­та­там ис­сле­до­ва­ния стро­им ко­гни­тив­но-со­по­стави­тель­ную мо­дель фрейм-эле­мен­та:

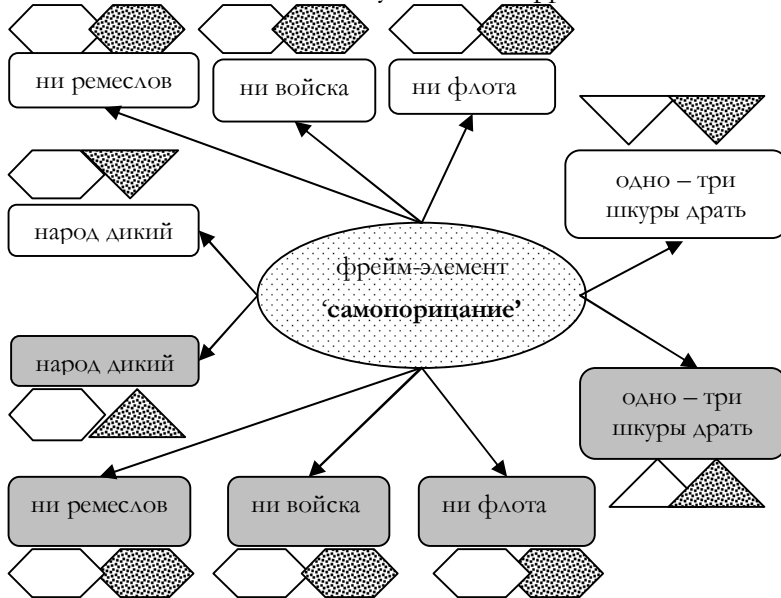

Рис. 15. Модель фрейм-элемента 'самопорицание'

В отличие от предыдущей модели (см. рис. 14) данная модель выявляет:

- преобладание симметричной передачи номинантов исследуемого номинативного поля на переводные языки;
- из 5 номинантов на французский язык симметрично передан план содержания и план выражения 4 номинантов;
- из 5 номинантов на английский язык адаптировано только 3 номинанта.

Фрейм-элемент 'удача'

Дальнейшее исследование показывает, что фрейм-элемент 'удача' выражен номинантом *как рыба в воде* и номинантом *удачлив и смел* в следующем тексте: *В дремучих лесах за Окой (где проживали все лето) убогий Овдоким оказался, как рыба в воде, – удачлив и смел* (Голстой. Петр Первый Т.1, 1981: 226). Выявлено, что текст переведен следующим образом на fr.: *Dans les forêt profound au-dela de l'Oka (où ils avaient passé tout l'été), l'infirmes Ovdokime s'était trouvé comme un poisson dans l'eau, – chanceux et hardi* (Tolstoï. Pierre Ier Т.1, 1982: 320). В тексте перевода читаем (на engl.): *In the dense forests beyond the Oka river (where they had been living all summer), the cripple Ovdokim was in the element – successful and daring* (Tolstoy. Peter the Great Т.1, 1982: 331).

1. Номинант *как рыба в воде* переведен дословно на fr.: *comme un poisson dans l'eau* и стилистически окрашенной фразой на engl.: *was in the element*.

2. Номинант *удачлив и смел*, выраженный краткими прилагательными, переведен полными прилагательными на fr.: *chanceux et hardi* и на engl.: *successful and daring*, изменения в плане выражения номинанта не привели к изменению в плане содержания, который адаптирован симметрично.

Строим когнитивно-сопоставительную модель фрейм-элемента 'удача':

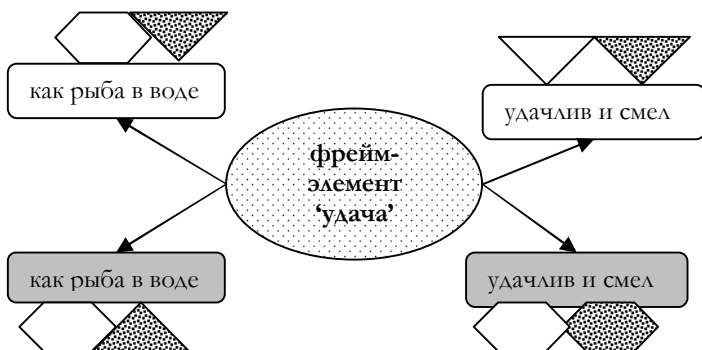

Рис. 16. Модель фрейм-элемента 'удача'

Модель показывает следующие факты:

- из двух рассмотренных номинантов в плане содержания оба переданы симметрично на французский язык и один – на английский;

- в плане выражения один номинант транслирован асимметрично на французский язык и два номинанта – на английский язык.

Подчеркнем, что данная модель – пример актуализации только двух номинантов исследуемого номинативного поля концепта-элемента *'удача'*, в чём её главное отличие от всех остальных моделей.

Рассмотрим тенденции адаптации структуры номинативного поля субконцепта *'отдых народа'* (см. также: Первозникова 2002; Пименова 2003: 28-39) и его значимых концептов-элементов: концепт-элемент *'традиции'* и концепт-элемент *'веселье'*.

Фрейм-элемент *'традиции'*

В процессе исследования было установлено, что фрейм-элемент *'традиции'* вербализуется следующими номинантами: номинант *рядиться*, номинант *пировать*, номинант *девишники*, номинант *мальчишники*, номинант *свадьбу сыграть на Покров*,

Вышеперечисленные номинанты выявлены в следующем тексте: *Рядились, пировали на девишниках и мальчишниках, шумно свадьбу сыграли на Покров. Вошла эта свадьба Ивану Артемичу в копеечку* (Толстой. Петр Первый Т.2, 1981: 397).

Во французском переводном варианте читаем *On négociait, on festoyait aux soirées de jeunes filles et de jeunes gens. On célébra la noce à grand bruit, à la fête de l'Intercession. Cette noce coûta gros à Ivan Artémich* (Tolstoï. Pierre Ier Т.2, 1982: 148).

На английский язык исследуемый материал передан следующим образом: *They negotiated and feasted at stag parties and there for the bride's girl friends and a noisy wedding was held by the festival of the Intercession. The ceremony cost Ivan Artemich a pretty penny* (Tolstoy. Peter the Great Т.2, 1982: 157).

Результаты сопоставительного исследования номинантов-инвариантов и вариантов показали ряд особенностей их трансляции на переводные языки.

1. Номинант *рядиться*, выраженный в тексте глаголом прошедшего времени *рядились*, переведен на fr.: *on négociait* (вели переговоры), где план содержания и выражения переданы симметрично.

В английском переводном варианте номинанта выявлено введение субъекта по ситуации engl.: *they negotiated* – план содержания и выражения номинанта передан асимметрично.

2. Номинант *пировать*, выраженный в тексте лексемой *пировали*, переведен симметрично как на fr.: *on festoyait*, так и на engl.: *feasted*.

3. Номинант *девишники* переведен описательно на fr.: *les soirées de jeunes filles* (вечера для молодых девушек) и на engl.: *parties for the bride's girl friends* (вечеринки для подруг невесты), где план содержания инварианта передан симметрично при трансформации его плана выражения.

4. Номинант *мальчишники* транслирован описательно на fr.: *les soirées de jeunes gens*, что передает план содержания инварианта симметрично за счёт трансформации плана выражения, на английский язык структура номинанта переведена устойчивым эквивалентом *stag parties*.

5. Номинант *свадьбу сыграть на Покров* несет в себе культурологическую нагрузку и переводится путем применения вставок, уточняющих смысл лексемы *Покров*, которая является ядерным номинантом номинативного поля фрейм-элемента 'церковные праздники'.

Исследуемый номинант *свадьбу сыграть на Покров*, выраженный словосочетанием *свадьбу сыграли на Покров*, переведен симметрично как на fr.: *On célébra la noce <...>, à la fête de l'Intercession*, так и на engl.: *a wedding was held by the festival of the Intercession*.

6. В исследуемом тексте выявлен так же результат рассмотренных действий, отраженных в вышперечисленных номинантах, а именно, номинант *вошла эта свадьба <...> в*

копеечку, который переведен путем нивелировки на fr.: *cette nocе соûта gros* и путем подбора эквивалента на engl.: *the ceremony cost <...> a pretty penny*.

По результатам исследования уровня адаптации структуры номинативного поля фрейм-элемента *'традиции'* строим его когнитивно-сопоставительную модель:

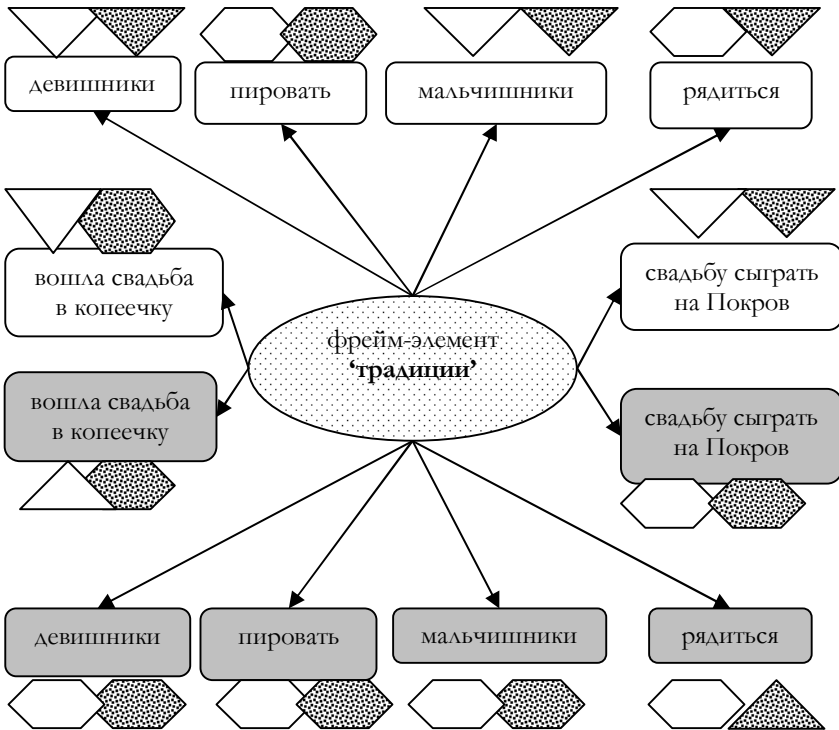

Рис. 17. Модель фрейм-элемента *'традиции'*

Модель иллюстрирует, что из шести рассмотренных номинантов:

- план содержания адаптирован симметрично в трех случаях как на французский язык, так и на английский;

• план выражения номинанта передан симметрично только в одном случае при трансляции номинанта *пировать* как на французский, так и на английский языки.

Фрейм-элемент 'веселье'

Исследования материала показывают, что фрейм-элемент выражен такими номинантами как: номинант *играть на лугу в подкучки*, номинант *катать яйца*, номинант *песни*, номинант *хороводы*, номинант *на качелях кататься*, номинант *в жмурки бегать* в следующем тексте: *На первый день можно позвать девок – играть на лугу в подкучки, катать яйца <...>. Песни, хороводы. На качелях – смеяться, в жмурки бегать* (Толстой. Петр Первый Т.1 1981: 128).

Текст переведен следующим образом на fr.: *Le premier jour, on pourrait appeler les filles pour jouer sur le pré, faire rouler des oeufs <...>. On pourrait chanter, danser des rondes. Rire sur les balançoires, jouer à colin-maillard, courir* (Tolstoï. Pierre Ier T.1 1982: 173). В тексте перевода на английский язык читаем: *On this first day after Lent she could call the girls, play on the meadow, roll eggs <...>. Songs and dances. Laugh on the swings and play at blind man's buff* (Tolstoy A. Peter the Great T.1 1982: 174).

В процессе сопоставительного анализа номинантов-инвариантов и их вариантов были выявлены следующие варианты трансляции.

1. Номинант *играть на лугу в подкучки* адаптирован частично – только словосочетание *играть на лугу* на fr.: *jouer sur le pré* и на engl.: *play on the meadow*, культурема *подкучки* не переведена.

2. Номинант *катать яйца*. Структура номинанта *катать яйца* адаптирована в полном объеме на fr.: *faire rouler des oeufs* и на engl.: *roll eggs*, но план выражения номинанта на французский язык передан асимметрично.

3. Номинант *песни*, выраженный именем существительным, переведен глагольным сочетанием на французский язык путем применения метода транспозиции частей речи *on*

pourrait chanter. На английский язык перевод структуры номинанта осуществлен симметрично именем существительным *Songs*.

4. Номинант *хороводы* передан описательно на fr.: *danser des rondes* и на engl.: лексемой *dances*, которая является по отношению к инварианту стилистически нейтральной, то есть план содержания и выражения переданы асимметрично.

5. Номинант *на качелях*. Сопоставительный анализ структуры номинанта-инварианта *на качелях* – *смеяться* и переводных вариантов на fr.: *Rire sur les balançoires* и на engl.: *Laugh on the swings* выявил, что план содержания и выражения переданы симметрично.

6. Номинант *в жмурки бегать* переведен с пояснениями на fr.: *jouer à colin-maillard, courir* (играть в жмурки, бегать), что увеличивает объем единицы перевода, тогда как на engl.: *play at blind man`s buff* номинант передан симметрично.

По результатам исследования строим когнитивно-сопоставительную модель фрейм-элемента ‘отдых’, в которой иллюстрируем следующие выявленные результаты:

- план содержания транслирован симметрично на французский язык в трех случаях из 6 рассмотренных нами номинантов поля, что составляет 50 % адаптацию, и в 4 случаях из 6 – на английский, что составляет 65 % от оригинала;

- план выражения номинантов адаптирован симметрично на французский язык только у одного номинанта, а на английский язык – у трёх номинантов.

Таким образом, в результате исследования установлено: только номинативные поля двух сегментов субконцепта ‘отдых народа’: концепт-элемент ‘традиции’ и концепт-элемент ‘веселье’, адаптированы не в полном объеме, что искажает информацию, воспринимаемую читателями на французском и английском языках.

Далее в результате исследования номинативного поля субфрейма ‘общественное сознание’ установлено, что рассматри-

ваемое номинативное поле – это совокупность следующих фрейм-элементов:

- фрейм-элемент ‘недовольство’: номинант *кое-какая узда*, номинант *ноздри рвать*, номинант *душу вытряхивать*, номинант *не мытьем взять – катаньем*, номинант ‘*n*’;
- фрейм-элемент ‘недоверие к власти’: номинант *нашли дураков*, номинант *знаем ваши сладкие слова*, номинант ‘*n*’;
- фрейм-элемент ‘неприятие перемен’: номинант *бороды всем обрили*, номинант *сынов расписали по полкам*, номинант ‘*n*’;
- фрейм-элемент ‘возмущение’: номинант *пошумели стрельцы*, номинант *истребили бояр*, номинант ‘*n*’;
- фрейм-элемент ‘любовь к царю’: номинант *встретили его большие толпы народа*, номинант *держали иконы, хоругви*, номинант *караваи на блюдах*, номинант ‘*n*’;
- фрейм-элемент ‘*n*’.

Фрейм-элемент ‘недовольство’

Рассмотрим фрейм-элемент ‘недовольство’, вербализующийся в следующем контексте: *При Софье была ещё кое-какая узда, теперь сильные и сильненькие душу вытряхивали из серого человека* (Голстой. Петр Первый Т.1, 1981: 203). Репрезентант переведен путем преобразований в синтаксическом строе предложения: одно предложение оригинала переведено двумя предложениями на fr.: *Du temps de Sophie il y avait tout de même un certain frein. Maintenant les puissants, petits et grands, crispaient le monde* (Tolstoï. Pierre Ier Т.1, 1982: 286).

В английском варианте выявлено одно предложение *In Sophia’s time, there had still been some kind of restraint; but now the powerful and the middling powerful were cracking down on the weak* (Tolstoy. Peter the Great Т.1, 1982: 294), что соответствует оригиналу.

1. Номинант *кое-какая узда*. Установлено, что структура номинанта *кое-какая узда* переведена симметрично на fr.: *un certain frein*, тогда как в английском переводном тексте прослеживается нивелировка – engl.: *some kind of restraint* (некое ограничение).

2. Номинант *душу вытряхивать* переведен описательно как на fr.: *crispaient le monde* (сжимать народ, раздражать) и на engl.: *were cracking down* (*сломить сопротивление*) *on the weak*; в переводе отсутствует слово *душа*.

Более того, при перекодировке структуры рассматриваемого номинанта в переводе исчезло такое понятие как *серый человек*, что по словарю В.И. Даля означает «серяк, серячек, простой, грубый, рабочий, черный, лапотник» [Даль 1999].

Опущение словосочетания *серый человек* в переводе приводит к исчезновению действующего субъекта, что искажает исследуемое нами номинативное поле концепта-элемента ‘недовольство’.

3. Номинант *ноздри рвать* выявлен в следующем тексте: *А потом ноздри рвать у приказной избы* (Толстой. Петр Первый Т.1, 1981: 60), что переведено на fr.: *Après, vous nous arracherez les narines devant l'isba de police* (Tolstoï. Pierre Ier Т.1, 1982: 71) и на engl.: *Then we'll have our nostrils torn out in front of the Commission but!* (Tolstoy. Peter the Great Т.1, 1982: 66).

Номинант *ноздри рвать* в оригинале выражен инфинитивом, тогда как в переводном варианте на fr.: *arracherez les narines* глагол употреблен в будущем простом времени, что классифицируется как транспозиция грамматической категории глагола, следовательно, планы содержания и выражения номинанта асимметричны инварианту.

В английском варианте номинанта *we'll have our nostrils torn out* выявлено будущее совершенное время глагола. Трансформация плана выражения номинанта привела к изменениям в его плане содержания.

4. Номинант *не мытьем взять – катаньем* выявлен в следующем тексте *Видно не мытьем хотят взять – катаньем* (Толстой. Петр Первый Т.2, 1981: 319), что переведено на fr.: *Donc on voulait les mater, d'une façon ou d'une autre* (Tolstoï. Pierre Ier Т.2, 1982: 34) и на engl.: *The new broom was evidently going to make a clean sweep of it* (Tolstoy. Peter the Great Т.2, 1982: 33-34).

Структура номинанта *не мытьем взять – катаньем* представляет собой в русском языке поговорку, которая переведена описательно на fr.: *les mater, d'une façon ou d'une autre* (хотя их расплющить тем или иным способом), тогда как в английском переводе подобрана иная поговорка, характеризующая ситуацию перемен *The new broom was evidently going to make a clean sweep of it* (новая метла по-новому метет), что искажает смысл номинанта-инварианта.

По результатам когнитивно-сопоставительного исследования структуры номинантов-инвариантов и переводных вариантов построим модель фрейм-элемента 'недовольство', в которой репрезентируются следующие факты:

- номинативное поле фрейм-элемента 'недовольство' транслировано преимущественно асимметрично как в плане выражения, так и содержания;

- план выражения только одного номинанта из четырех передан на оба переводных языка симметрично, что составляет 25% соответствия инварианту;

- план содержания только одного номинанта из четырех передан на оба переводных языка симметрично, что также соответствует инварианту на 25%;

- в восприятии франко и англоговорящих читателей предстаёт картина российской действительности, отличающаяся от изображенной в оригинале.

Фрейм-элемент 'недоверие к власти'

Фрейм-элемент 'недоверие к власти' вербализуется в следующих номинантах: номинант *нашли дураков*, номинант *знаем ваши сладкие слова* в тексте: *Нашли дураков <...>. Знаем ваши сладкие слова* (Толстой. Петр Первый Т.1, 1981: 60). Исследуемый материал переведен следующим образом на fr.: *Pas si bête <...>. On les connaît, vos douces paroles* (Tolstoï. Pierre Ier Т.1, 1982: 71) и на engl.: *You think we're fools! <...>. We know your fine words* (Tolstoy. Peter the Great Т.1, 1982: 66).

А. Номинант *нашли дураков* переведен антонимичным выражением на французский язык *Pas si bête* – план выражения номинанта асимметричен инварианту, план содержания – симметричен. В английском переводе *You think we're fools!* выявлено (1) введение субъекта по ситуации – *you*, (2) вставка лексемы *think*, (3) опущение лексемы *нашли*, вследствие чего, номинант адаптирован асимметрично.

Б. Номинант *знаем ваши сладкие слова* адаптирован с применением траспозиции грамматической категории, а именно, изменением грамматической категории лица глагола при переводе на fr.: *on les connaît, vos douces paroles*, а на английский язык перевод осуществлен симметрично *We know your fine words*.

Фрейм-элемент 'любовь народа к царю'

Исследование показывает, что фрейм-элемент вербализуется следующими номинантами: номинант *встретили его большие толпы народа*, номинант *держали иконы, хоругви*, номинант *караваи на блюдах* в тексте: *Верст за десять, в селе Алексеевском, встретили его большие толпы народа. Держали иконы, хоругви, караваи на блюдах* (Толстой. Петр Первый Т.1, 1981: 175).

Рассматриваемый материал переведен на fr.: *A une dizaine de verstes, au village d'Alexéevskoïé, une foule immense vint l'accueillir. Les gens portaient des icons, des gonfalons, des pains ronds sur des plats* (Tolstoï. Pierre Ier Т.1, 1982: 243) и на engl.: *He was met ten versts away in the village of Alexeyevskoye by huge crowds of people. They bore icons, church banners, and loaves on dishes* (Tolstoy. Peter the Great Т.1, 1982: 250).

1. Номинант *встретили большие толпы народа*. Сопоставительный анализ планов выражения и содержания изучаемого номинанта выявил, что номинант *встретили большие толпы народа* переведен на французский язык как *une foule immense vint l'accueillir* (огромная толпа пришла встретить), где лексема оригинала *толпы* употреблена в единственном числе, что выражает некое негативное значение, тогда как лексема *толпы* иллюстрирует огромное количество народа.

Изменение грамматической категории числа искажает смысл оригинала и приводит к асимметрии его переводного варианта.

В английском переводном варианте номинанта выявлены изменения плана выражения:

(1) введение субъекта по ситуации, что обусловлено законами языка перевода *He was met <...> by huge crowds of people;*

(2) актантные трансформации, а именно, взаимозамена подлежащего и сказуемого, т.к. лексема *толпы*, выполнявшая роль подлежащего в структуре номинанта-инварианта, в переводном варианте выполняет функцию дополнения *by crowds*.

Осуществленные преобразования в плане выражения номинанта привели к смещению акцента значимости с народа на царя, что привело к асимметричной трансляции номинанта на английский язык.

2. Номинант *держали иконы, хоругви* переведен путем введения субъекта по ситуации *les gens* в переводе на fr.: *Les gens portaient des icons, des gonfalons*, и *they* в переводе на engl.: *They bore icons, church banners*, что обусловлено законами языка перевода, но искажает план содержания номинанта.

3. Номинант (*держали*) *караваи на блюдах*. Исследуемый номинант содержит в своей структуре культурему *каравай*, которая адаптирована описательно на французский язык как *des pains ronds sur des plats*, тогда как в переводе английский язык подобран эквивалент *loaves on dishes*.

Модель иллюстрирует:

- количество номинантов номинативного поля изучаемых фрейм-элементов, вербализованных в исследуемом тексте;

- преобладание асимметрии в планах выражения исследуемых номинантов;

- преобладание симметрии в плане содержания при адаптации номинантов фрейм-элемента '*недоверие к власти*';

• преобладание асимметрии в плане содержания при адаптации номинантов фрейм-элемента *‘любовь народа к царю’*.

Фрейм-элемент ‘неприятие перемен’

Фрейм-элемент *‘неприятие перемен’* вербализуется в следующих номинантах: номинант *бороды всем обрили*, номинант *сынов расписали по полкам*, что было выявлено в тексте: *Бороды всем обрили, служат всем велели, сынов расписали по полкам, по чужим землям* (Толстой. Петр Первый Т.2, 1981: 319). Исследуемый номинант переведен на fr.: *On avait rasé les barbes à tous ordonné à tous de servir; les fils avaient été enrégimentés ou envoyés dans les terres étrangères* (Tolstoï. Pierre Ier Т.2, 1982: 34).

В тексте перевода на английский язык читаем: *All had had their beards shaken off, all had been ordered to serve. Their sons were being signed on with regiments and sent to foreign lands* (Tolstoy. Peter the Great Т.2, 1982: 33-34).

1. Номинант *бороды всем обрили*. Как показывает сопоставительный анализ, номинант *бороды всем обрили* не вызвал затруднений при переводе и адаптирован в плане содержания симметрично как на fr.: *On avait rasé les barbes*, так и на engl.: *All had had their beards shaken off*, тогда объем плана выражения увеличен – осуществленные преобразования, обусловлены грамматической структурой переводных языков.

2. Номинант *сынов расписали по полкам* переведен на fr.: *les fils avaient été enrégimentés* (сыны ведены в состав полка), тогда как английский вариант перевода не соответствует российской действительности того периода, который рассматривается в исследуемом материале *Their sons were being signed on with regiments* (с их сыновьями заключали контракты на службу в армии), что искажает концептосферу оригинала.

Фрейм-элемент ‘возмущение’

Фрейм-элемент *‘возмущение’* репрезентирует действия народа по отношению к властям и характеризуются в следующих номинантах: номинант *пошумели стрельцы*, номинант

истребили бояр в тексте: *Пошумели стрельцы. Истребили бояр* (Толстой. Петр Первый Т.1, 1981: 62).

Номинант переведен следующим образом на fr.: *Les strelsky firent grand tapage. Ils exterminèrent des boyards* (Tolstoï. Pierre Ier Т.1, 1982: 73) и на engl.: *The strelsky had done their worst. They wiped out many boyars* (Tolstoy. Peter the Great Т.1, 1982: 66).

1. Номинант *пошумели стрельцы*. Структура номинанта *пошумели стрельцы* содержит в своем составе культуру *пошумели стрельцы*, которая транслитерирована при переводе на fr.: *Les strelsky firent grand tapage* и на engl.: *The strelsky had done their worst*.

В плане выражения выявлена трансформация: глагол *шуметь* передан словосочетанием *firent grand tapage*, тогда как в английском переводе выявлено уточнение смысла оригинала — *одержали верх*.

2. Номинант *истребили бояр* содержит культуру *бояре*, которая, также как и в вышеуказанном номинанте, транслитерирована во fr.: *exterminèrent des boyards* и в engl.: *wiped out many boyars*.

На французский язык номинант переведен симметрично, тогда как в английском тексте выявлена вставка *many*, искажающая смысл инварианта.

Таким образом, модель фрейм-элемента выявляет:

- в английском переводном варианте номинанта: а) 100% асимметрию плана выражения инварианту, б) 50% асимметрию плана содержания номинанта инварианту;

- во французском переводном варианте номинанта 25% симметрию плана выражения инварианту, 100% симметрию плана содержания инварианту.

3.3.4. Модель фрейма 'хозяйственная жизнь России'

Результаты исследования материала художественных произведений показали, что ярким концептом в зоне ближайшей периферии исследуемой концептосферы 'Россия' является концепт 'хозяйственная жизнь России', репрезен-

тируемый одноименным фреймом, номинативное поле которого характеризует экономику России в конце XVII века (на материале произведения А.Н. Толстого «Петр Первый») (см. подробнее: Огнева 2006а: 205-213), что позволяет нам смоделировать один из сегментов исторического слоя рассматриваемой концептосферы художественного текста.

Исследование структуры номинативного поля фрейма «*хозяйственная жизнь России*» выявило следующие, актуальные для читателей, субфреймы:

- **субфрейм 'труд':**
 - фрейм-элемент '*статус рабочих*';
 - фрейм-элемент '*условия труда*';
 - фрейм-элемент '*оплата труда*';
 - фрейм-элемент '*перспективы труда*';
 - фрейм-элемент '*п*';
- **субфрейм 'торговля':**
 - фрейм-элемент '*степень честности*';
 - фрейм-элемент '*недоверие*';
 - фрейм-элемент '*п*';
- **субфрейм 'экономическая мораль':**
 - фрейм-элемент '*отношение к труду*';
 - фрейм-элемент '*стиль поведения*';
 - фрейм-элемент '*п*';
- **субфрейм 'быт':**
 - фрейм-элемент: '*условия жизни*';
 - фрейм-элемент '*п*';
- **субфрейм 'источник неудач':**
 - фрейм-элемент '*иностранцы*';
 - фрейм-элемент '*ошибки власти*';
 - фрейм-элемент '*п*';
- **субфрейм 'N'.**

В результате применения разработанной методики когнитивно-сопоставительного моделирования когнитивных образований и когнитивных структур (см.: гл. II, 2.3.2.) была

построена трёхслойная модель фрейма 'хозяйственная жизнь России', которая иллюстрирует:

- трехслойность полевой структуры рассматриваемого концепта;
- компонентный состав каждого слоя концепта;
- численный состав каждого компонента.

Для дальнейшего детального когнитивно-сопоставительного исследования выбираем один из субфреймов модели-23, а именно, субфрейм 'труд'.

Субфрейм 'труд'

Исследования показывают, что субфрейм 'труд' детально реализуется А.Н. Толстым в номинантах номинативного поля в следующем тексте: *Здесь двое наемных поругались с Денисовым из-за пищи, взяли расчет – по три четвертака, ушли – куда глаза глядят* (Толстой. Петр Первый, 1980 Т.2: 362).

Сопоставим компоненты описанной в оригинальном тексте ситуации на рынке труда и варианты перевода номинантов рассматриваемого номинативного поля фрейма в текстах перевода на fr.: *Là, deux des haleurs embauchés se querellèrent avec Denissov au sujet de la nourriture ils demandèrent leur compte (soixante-quinze copecks par tête), et partirent droit devant eux* (Tolstoï. Pierre Ier, 1982, Т.2: 97) и на engl.: *Two hired men had a row with Denisov over the food, collected their wages of three quarters of a ruble each, and disappeared* (Tolstoy. Peter the Great, 1982, Т.2: 101).

Рассматриваемый субконцепт 'труд' может быть подразделен на следующие структурные концепты-элементы: концепт-элемент 'статус рабочих', концепт-элемент 'условия труда', концепт-элемент 'оплата труда', концепт-элемент 'перспективы труда', концепт-элемент 'и'.

Языковые структуры, вербализующие фрейм-элементы, в рамках которых функционирует каждый из вышеперечисленных концептов-элементов, как показывает исследование, в различной степени адаптирован на английский и французский языки.

Фрейм-элемент ‘статус рабочих’

Структурный фрейм-элемент *‘статус рабочих’* представлен в тексте оригинала номинантом *двое наемных*. Установлено, что номинант переведен на французский язык словосочетанием *deux des baleurs embauchés* (нанятые бурлаки), которое является избыточным, так как по В.И. Далю «бурлак, крестьянин, идущий в чужбину на заработки, особенно на речные суда» (Даль 1999).

Изменение плана выражения единицы перевода привело к асимметрии плана содержания в тексте перевода. Переводчик использовал прием, основанный на явлении **отношения внеположенности** (процесс смещения: для наименования используются смежные понятия в пределах родового) (Гак 1998: 376-380). При переводе номинанта *двое наемных* на английский язык Alex Miller увеличил его объем – *two hired men* (два нанятых человека), что обусловлено закономерностями языка перевода, поэтому планы выражения варианта и инварианта асимметричны, тем не менее, план содержания адаптирован в полном объеме.

Фрейм-элемент ‘условия труда’

Исследование структуры фрейм-элемента *‘условия труда’* выявляет номинант *поругались с Денисовым из-за пищи*. Номинант переведен на французский язык адекватно, но употреблена вставка *au sujet* – fr.: *se querellèrent avec Denissov au sujet de la nourriture*, что обусловлено структурой языка перевода, поэтому план выражения единицы оригинала передан на французский язык асимметрично, но план содержания – симметрично.

При переводе на английский язык лексема оригинала *поругались* была заменена словосочетанием *had a row*: *had a row with Denisov over the food*, т.к. закономерности языка перевода обусловили асимметрию плана выражения, тогда как план содержания номинанта адаптирован симметрично.

Фрейм-элемент ‘оплата труда’

Рассмотрение структуры фрейм-элемента *‘оплата труда’* выявляет следующий номинант: *взяли расчет по три четверта-*

ка. Исследуемый номинант переведен следующим образом на fr.: *ils demandèrent leur compte (soixante-quinze copecks par tête)*. В английском тексте читаем *collected their wages of three quarters of a ruble each*. По В.И. Далю, «четвертак, четвертачок, серебряная монета в четверть рубля, 25 копеек, полуполтинник» (Даль 1999).

Сопоставительный анализ показывает, что при переводе словосочетания на французский язык был использован прием: **введение в предложение дополнительного субъекта по ситуации** (термин по В.Г. Гаку) – дополнено местоимение *ils*, что обусловлено законами переводного языка.

Также, переводчик адаптировал структуру номинанта *по три четвертака* к восприятию франкоговорящего читателя методом **смыслового развития** (по Я.И. Рецкеру метод характеризуется заменой словарных соответствий контекстуальными). В результате преобразований плана выражения номинанта в тексте перевода читаем *soixante-quinze copecks par tête* (75 копеек каждому).

В английском переводе номинант *три четвертака* адаптирован на основе явления **отношение внеположенности**: денежная единица *четвертак* заменена лексемой *ruble*, которая транслитерирована – *three quarters of a ruble*.

При переводе словосочетания *взяли расчет* переводчик исказил смысл оригинала, употребив не соответствующий оригинальному по контекстуальному семантическому значению глагол: *demandèrent leur compte* (потребовали расчет), так как глагол *взять* обозначает результат, тогда как глагол *потребовать* характеризует лишь начало действия.

План содержания и план выражения номинанта переданы на французский язык асимметрично, а на английский язык – симметрично: *collected*.

Фрейм-элемент 'перспективы труда'

Фрейм-элемент *'перспективы труда'* репрезентирован поговоркой *куда глаза глядят*. Сопоставительный анализ структуры номинативного поля оригинала и перевода выявил, что исследуемый номинант во французском языке за-

менен на стилистически нейтральное словосочетание: *partirent droit devant eux*, несмотря на то, что в языке перевода есть эквивалент вышеупомянутой русской поговорки: *aller à l'aventure; aller où me portent mes pas* (РФС 1993: 119).

Английский переводной вариант номинанта также отличается от инварианта – он нивелирован: *disappeared* (исчезли), вследствие чего как план содержания, так и план выражения перекодированы асимметрично.

Таким образом, номинанты номинативного поля субфрейма *'труд'*, реализующего одноименный субконцепт, в процессе адаптации к восприятию иноязычного читателя на французский язык переданы симметрично на 25% в плане содержания и асимметрично на 100% в плане выражения приёмом **целостного преобразования** (Рецкер 1974: 53).

На английский язык передано симметрично 75% плана содержания и 25% плана выражения исследованного сегмента номинативного поля субфрейма.

Субфрейм 'торговля'

Значимой составной частью фрейма *'хозяйственная жизнь России'*, как показывает исследование, является субфрейм *'торговля'*. Рассмотрим структуру номинативного поля субфрейма *'торговля'* в следующем контексте: *Уж что-что, а тут на грош обману нет <...>. – Алексаика, Алексаика, – качал головой Зотов, – да видано ли сие, чтоб за еловыге жерди плачено по три алтына? Ил красная цена – алтын* (Голстой. Петр Первый, 1980 Т.1: 101).

Исследуемый материал переведен на fr.: *Tout ce que vous voulez, mais le compte y est, jusqu'au dernier copek". Zotov hochait la tête! – Alexachka, Alexachka, a-t-on jamais vu qu'on ait payé trois altyns des perchés de sapin? Elles coûtent tout au plus un altyn pièce* (Golstoi. Pierre Ier, 1982, Т.1: 131).

В тексте перевода на английский язык читаем: *Correct to the last copper, no cheating. "Sasha, Sasha" Zotov would say, shaking his beard. Since when did fir poles cost three altyns each? The top price is an altyn* (Golstoy. Peter the Great, 1982 Т.1: 130).

Исследование материала установило, что номинативное поле изучаемого субфрейма подразделяется на два фрейм-элемента: *‘степень честности’* и *‘недоверие’*, где планы выражения и содержания номинантов в переводных текстах не во всех случаях соответствует инварианту.

Фрейм-элемент ‘степень честности’

Сопоставительный анализ оригинала и перевода показывает, что фрейм-элемент *‘степень честности’* отображается автором в следующем предложении: *Уж что-что, а тут на грош обману нет*, что переведено как на fr.: *Tout ce que vous voulez, mais le compte y est, jusqu`au dernier copek*, так и на engl.: *Correct to the last copper, no cheating (нет обмана)*.

Было выявлено, что структура исследуемого номинанта переведена приемом **целостного преобразования**, что способствовало эквивалентной симметричной передаче его плана содержания при асимметричной передаче плана выражения, который при адаптации на французский язык увеличен в объеме до 13 единиц, тогда как оригинал состоит из 8 единиц. В результате трансляции на английский язык объем номинанта уменьшен до 7 единиц.

Фрейм-элемент ‘недоверие’

Концепт-элемент *‘недоверие’* функционирует в рамках динамичной когнитивной структуры – фрейм-элемента, который представлен двумя номинантами.

1. Номинант *да видано ли сие, чтоб за еловыге жерди плачено по три алтына?* Рассматриваемое предложение оригинала передано на французский язык симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения – переводчик осуществил изменение порядка слов, что обусловлено законами языка перевода fr.: *a-t-on jamais vu qu`on ait payé trois altyns des perchés de sapin?*

Установлено также, что на английский язык план содержания номинанта передан асимметрично: переводчик стилистически нивелировал словосочетание *да видано ли сие* – *Since when did fir poles cost three altyns each?*

2. Как в вышерассмотренном нами номинанте, так и в следующем: *Им красная цена – алтын* присутствует культурема *алтын*. Словарь В.И. Даля дает такое пояснение рассматриваемой лексеме: «алтын – татарское (золото, шесть) бывшая серебряная монета в 6 денег или в 3 копейки» (Даль 1999).

Культурема *алтын* транслитерирована как на engl.: *The top price is an altyn* (наибольшая цена – алтын), так и на fr.: *Elles coûtent tout au plus un altyn pièce* (они стоят едва ли алтын), но с применением поясняющей вставки – лексемы *pièce* (монета), которая увеличила объем плана выражения номинанта. Структура номинанта переведена с использованием приема **целостного преобразования** компонентов плана выражения, асимметричная передача которого привела к асимметрии плана содержания.

Как показал сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода, структура номинанта *красная цена* не адаптирована в полном объеме к восприятию иноязычного читателя.

Таким образом, как на французский язык, так и на английский симметрично передано 50% плана содержания и асимметрично – 100% плана выражения рассмотренного сегмента номинативного поля фрейм-элемента ‘*недоверие*’, реализующего одноименный концепт-элемент.

Субфрейм ‘экономическая мораль’

Исследование оригинала показывает, что субфрейм ‘*экономическая мораль*’ состоит из двух фрейм-элементов: ‘*отношение к труду*’ и ‘*стиль поведения*’, вербализованных в следующем материале: *На дураках воду возят, – сказал. Смело сел. Из штофа налил всем* (Голстой. Петр Первый, 1980 Т.2: 306). Читаем в тексте перевода на fr.: *Les imbéciles, on en fait porteurs d'eau, dit-il. Il s'assit hardiment et versa de la vodka à tout le monde* (Golstoï. Pierre Ier, 1982, Т.2: 14). В английском переводном варианте находим *There's one born every minute? he said. He sat down boldly, poured out from the flagon to all present* (Golstoy. Peter the Great, 1982, Т.2: 120).

Фрейм-элемент 'отношение к труду'

В тексте оригинала фрейм-элемент '*отношение к труду*' ярко номинируется номинантом – известной русской поговоркой: *на дураках воду возят*.

Поговорка является культурологически маркированным концептом-уникалией (термин по Н.Ф. Алефиренко 2004: 70), тем не менее, переводчиком подобран эквивалент на страницах французского текста – стилистически нейтральная фраза: *les imbéciles, on en fait porteurs d'eau* (план выражения асимметричен).

В английском тексте переводчик употребил стилистически окрашенную фразу: *there's one born every minute*, вследствие чего план выражения номинанта асимметричен инварианту.

Фрейм-элемент 'стиль поведения'

Контекстуальная модель, в которую входит фрейм-элемент '*отношение к труду*', дополнена смысловыми составляющими фрейм-элемента '*стиль поведения*' – номинантом: *Смело сел. Из штофа налил всем*. По В.И. Далю: штоф – устаревшая немецкая мера питей, кружка, по 8 или ныне по 10 на ведро.

В тексте перевода на французском языке: *Il s'assit hardiment et versa de la vodka à tout le monde* (Golstov. Pierre Ier, 1982, T.2: 14) прослеживается отсутствие переводного варианта лексемы *штоф*, и вставка *la vodka*, представляющая собой транслитерированный вариант культуремы оригинала, хотя, во французском языке есть иной вариант перевода рассматриваемой лексемы: *l'eau-de-vie*.

Прием **компенсации потерь** при переводе (базируется на способности лексических единиц восполнить смысловой пробел, возникший в связи с наличием безэквивалентной лексики в тексте оригинала) позволил переводчику адаптировать ситуативную информацию текста к восприятию франкоговорящего читателя, тем не менее, как план

содержания, так и план выражения рассматриваемого номинанта – асимметричны инварианту.

В английском переводном варианте номинанта лексема *штоф* заменена, путем применения приёма **отношения внеположенности**, словом *the flagon* (бутыль, фляга): *He sat down boldly, poured out from the flagon to all present* (Голстой. Peter the Great, 1982, Т.2: 120).

Изменения в плане выражения структурно-компонентной составляющей рассматриваемой фразы оригинала способствовали симметричной передаче плана содержания.

Таким образом, при трансляции вышерассмотренных номинантов фрейм-элемента *‘экономическая мораль’*, реализующего одноименный концепт-элемент, получены следующие результаты: на французский язык симметрично передано 50% плана содержания изученного сегмента поля и асимметрично – 100% плана выражения; на английский язык адаптировано симметрично 100% плана содержания, что было достигнуто путем применения эквивалентных замен и целостного преобразования плана выражения, который асимметричен инварианту на 100%.

Субфрейм ‘быт’

Рассмотрим номинативное поле субфрейма *‘быт’*, а именно, его фрейм-элемент: *‘условия жизни’*. Установлено, что структура изучаемого фрейм-элемента репрезентирована номинантом **народ** (люди, имеющие некое имущество), номинантом **нищие**, номинантом **разбойники**. Описание трех социальных слоев населения России XVII века используется автором для характеристики уровня жизни в стране.

Фрейм-элемент ‘условия жизни’

Номинант **народ**, номинант **нищие**, номинант **разбойники** выявлены в следующем материале: *Народ перебивается с хлеба на квас, нищих полна Москва, разбойнички – и те с голоду пухнут* (Голстой. Петр Первый, 1980, Т.1: 285). Вышепере-

численные номинанты переведены следующим образом на fr.: *Les gens étaient réduits au pain et au kvass, Moscou était infestée de mendiants, même les brigants enflaient de faim*, (Tolstoï. Pierre Ier, 1982, Т.1: 408) и на engl.: *The people were living from hand to mouth, Moscow was full of beggars, there were robbers about, and even they were bloated with hunger* (Tolstoy. Peter the Great, 1982, Т.1: 424).

1. Номинант оригинала **народ** – *народ перебивается с хлеба на квас* переведен на французский язык путем транспозиции грамматических категорий (замена активного залога глагола *перебивается* на пассивный *étaient réduits*): *les gens étaient réduits au pain et au kvass*, где культураема *квас* – транслитерирована.

При переводе на английский язык переводчик употребил следующие приёмы адаптации:

(1) метод **СМЫСЛОВОГО РАЗВИТИЯ**: *the people were living from hand to mouth* – жить впроголодь, кое-как сводить концы с концами (НАРС 1999: 326);

(2) прием транспозиции грамматических категорий: настоящее время глагола *перебивается* трансформировано в прошедшее: *were living*, что оказало влияние на асимметричную передачу плана содержания.

2. Номинант **нищие** выявлен в следующем выражении *нищих полна Москва*, которое передано симметрично в плане содержания как на французский язык, так и на английский: *Moscou était infestée de mendiants* – *Moscow was full of beggars*, тогда как в плане выражения номинанта прослеживается асимметрия: транспозиция частей речи (**морфолого-аналитическая**): краткое прилагательное оригинала заменено прошедшим временем глагола в тексте перевода.

3. Номинант *разбойнички – и те с голоду пухнут*. Во французском варианте перевода номинанта прослеживается симметрия плана содержания инварианту и асимметрия плана выражения (трансформация форм связи): *même les brigants enflaient de faim*, тогда как в тексте на английском языке переводчиком увеличен объем словосочетания: *there were robbers about, and even they were bloated with hunger*; асимметрия плана выражения единицы не оказала влияния на план ее содержания в тексте перевода, который симметричен оригиналу.

Таким образом, структура рассматриваемого субфрейма оригинала передана следующим образом:

- на французский язык симметрично в плане содержания на 100%, а в плане выражения – на 50%,
- на английский язык структура субконцепта адаптирована в планах содержания и выражения симметрично на 50%.

Субфрейм ‘источник неудач’

А.Н. Толстой описывает поиски народом причин неудач в присутствии иноземцев в России, вследствие чего формируется негативное отношение к поведению власти, приглашающей иноземцев в Россию, что отражено в структурах концепта-элемента ‘иноземцы’ и концепта-элемента ‘ошибки власти’.

Фрейм-элемент ‘иноземцы’

Рассмотрим структуру номинативного поля фрейм-элемента ‘иноземцы’, вербализующегося в следующем материале: *А тут гладкие дерзкие иноземцы насакакивают <...>. Да уж не зашел ли у царя ум за разум* (Толстой. Петр Первый, 1980, Т.1: 285), что переведено на французский язык: *Et des étrangers arrogant, gros et gras, arrivaient <...>. Le tsar était peut-être devenu fou?* (Tolstoï. Pierre Ier, 1982, Т.1: 408), в английском варианте перевода читаем *yet wagon train after wagon train kept coming foreigners* (Tolstoy. Peter the Great, 1982 Т.1: 424).

Сопоставительный анализ структуры номинанта-инварианта и переводных вариантов показал, что во французском переводе глагол оригинала *насакакивают* неоправданно заменен менее экспрессивным глаголом *arriver*, что привело к асимметричной передаче плана содержания.

В переводе номинанта на английский язык прослеживается **прием логического развития понятий**: *yet wagon train after wagon train kept coming foreigners*, способствующий симметричной передаче плана содержания номинанта при асимметрии в его плане выражения.

Фрейм-элемент ‘ошибки власти’

Описание отношения народа к власти вербализует исследуемое поле фрейм-элемента *‘ошибки власти’*, следующим номинантом – *да уж не зашел ли у царя ум за разум*. Рассматриваемый номинант является русской поговоркой, характеризующей негативное отношение народа к царю. Установлено, что поговорка переведена стилистически нейтральным выражением на французский язык: *le tsar était peut-être devenu fou?*, а в английском тексте перевода эта информация отсутствует – номинант лакунарен.

Таким образом, исследование показало, что рассматриваемый сегмент номинативного поля фрейм-элемента *‘быт’*, реализующего одноименный концепт-элемент, переведен как на французский язык, так и на английский симметрично в плане содержания номинантов на 75%, в плане выражения – на 25%.

Результаты проведенного исследования позволяют создать когнитивно-сопоставительную модель номинативного поля концепта *‘хозяйственная жизнь России’* [Огнева 2006: 205-213].

Созданная модель фрейма *‘хозяйственная жизнь России’* по материалам художественного произведения А.Н. Толстого «Петр Первый» выявляет процентное соотношение степени соответствия/несоответствия его инвариантных и вариативных структурных компонентов – субфреймов и фрейм-элементов.

Выявленные результаты адаптации номинативного поля концепта показывают:

- преобладание асимметричной передачи компонентов плана выражения номинативного поля концепта на французский язык;
- 25 % плана выражения концептов переданы симметрично на английский язык;

- 50% плана содержания номинативного поля концепта адаптированы симметрично к восприятию франкоговорящего читателя;
- 75 % плана содержания номинативных полей трех субконцептов в составе рассматриваемого концепта адаптированы симметрично на английский язык, что в целом, показывает бóльшую степень адаптации исследованного сегмента концептосферы к восприятию англоговорящего читателя. Сопоставительный анализ элементов модели также позволяет сделать вывод об объеме адаптации структуры фрейма '*хозяйственная жизнь России*' на французский и английский языки.

3.4. Дальняя периферия мега-фрейма

3.4.1. Модель фрейма '*Русь Святая*'

Концепт *Русь Святая* является одним из значимых компонентов русской языковой картины мира, так как «Христианский символизм «удваивал» мир, придавая пространству новое, дополнительное измерение, невидимое глазу, но постигаемое посредством целой серии интерпретаций» [Гуревич 1984: 94]. Религиозный дискурс отражает религиозную картину мира как часть общей картины мира. Значимость религиозного дискурса семиотически закреплена тысячелетней практикой богослужений [ср.: Рашковский 1996].

Уникальная специфика религиозного дискурса состоит в том, что к числу его участников относится Бог, к которому обращены молитвы, псалмы, исповеди в ряде конфессий [Карасик 1999: 5-19]. Как показывает исследование, номинативное поле религиозного общения включает множество участников. Религия объединяет людей в триединстве веры, обряда и эмоционального переживания чуда [Карасик 1999: 5-19].

В процессе структурирования религиозного дискурса нами была рассмотрена структура номинативного поля худо-

жественного концепта *Русь Святая*, функционирующего в рамках одноименного фрейма. Структура концепта *Русь Святая*, на страницах исследуемых произведений, состоит из субконцептов:

➤ **субконцепт 'вера':**

- концепт-элемент 'молитва',
- концепт-элемент 'н';

➤ **субконцепт 'церковные таинства':**

- концепт-элемент 'венчание',
- концепт-элемент 'погребение',
- концепт-элемент 'крещение',
- концепт-элемент 'причащение',
- концепт-элемент 'н';

➤ **субконцепт 'церковные праздники':**

- концепт-элемент 'история праздника',
- концепт-элемент 'традиции',
- концепт-элемент 'н';

➤ **субконцепт 'святой':**

- концепт-элемент 'имя святого',
- концепт-элемент 'жизние святого'
- концепт-элемент 'помощь святого',
- концепт-элемент 'н';

➤ **субконцепт 'церковь':**

- концепт-элемент 'собор',
- концепт-элемент 'храм',
- концепт-элемент 'монастырь',
- концепт-элемент 'н';

➤ **субконцепт 'икона':**

- концепт-элемент 'иконы Пресвятой Богородицы',
- концепт-элемент 'иконы святых',
- концепт-элемент 'н';

➤ **субконцепт 'N':**

Построим трёхслойную модель концепта *Русь Святая*:

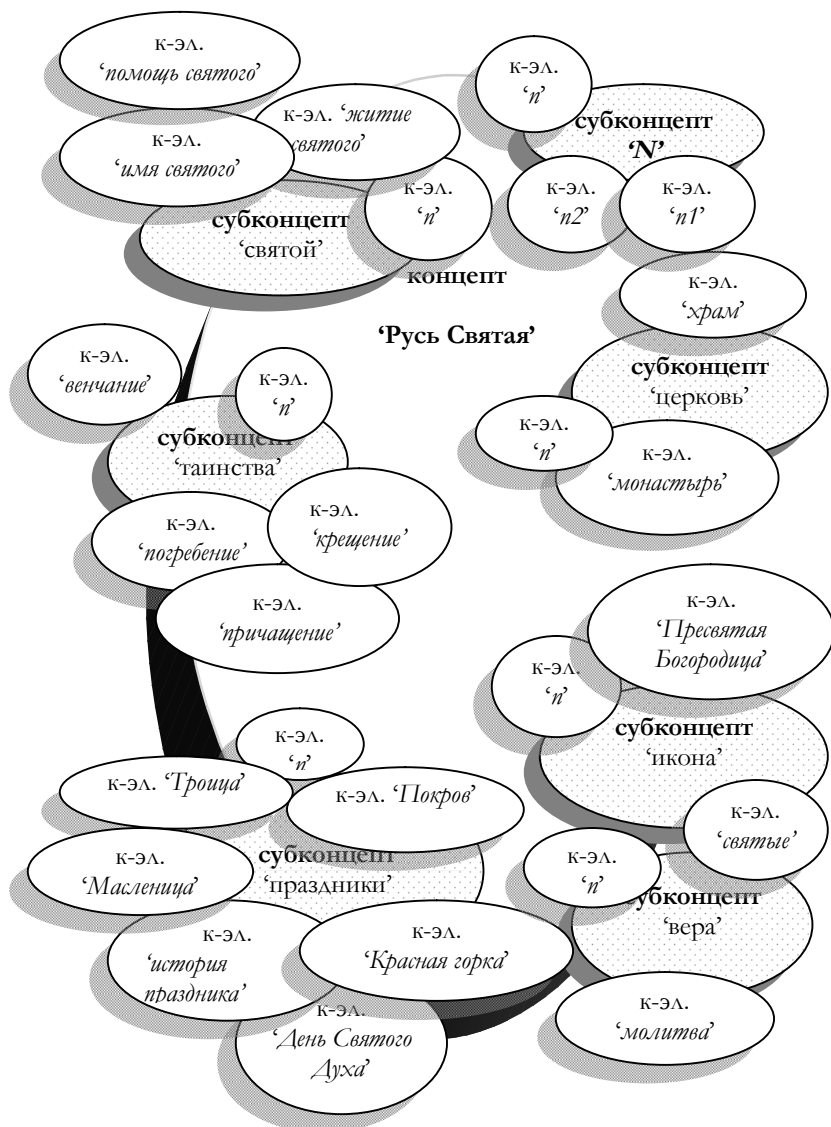

Рис. 18. Модель концепта 'Русь Святая'

Модель концепта *Русь Святая* иллюстрирует: (1) трехслойность полевой структуры рассматриваемого концепта; (2) компонентный состав каждого слоя концепта; (3) численный состав каждого компонента.

Строим трёхслойную модель фрейма 'Русь Святая'.

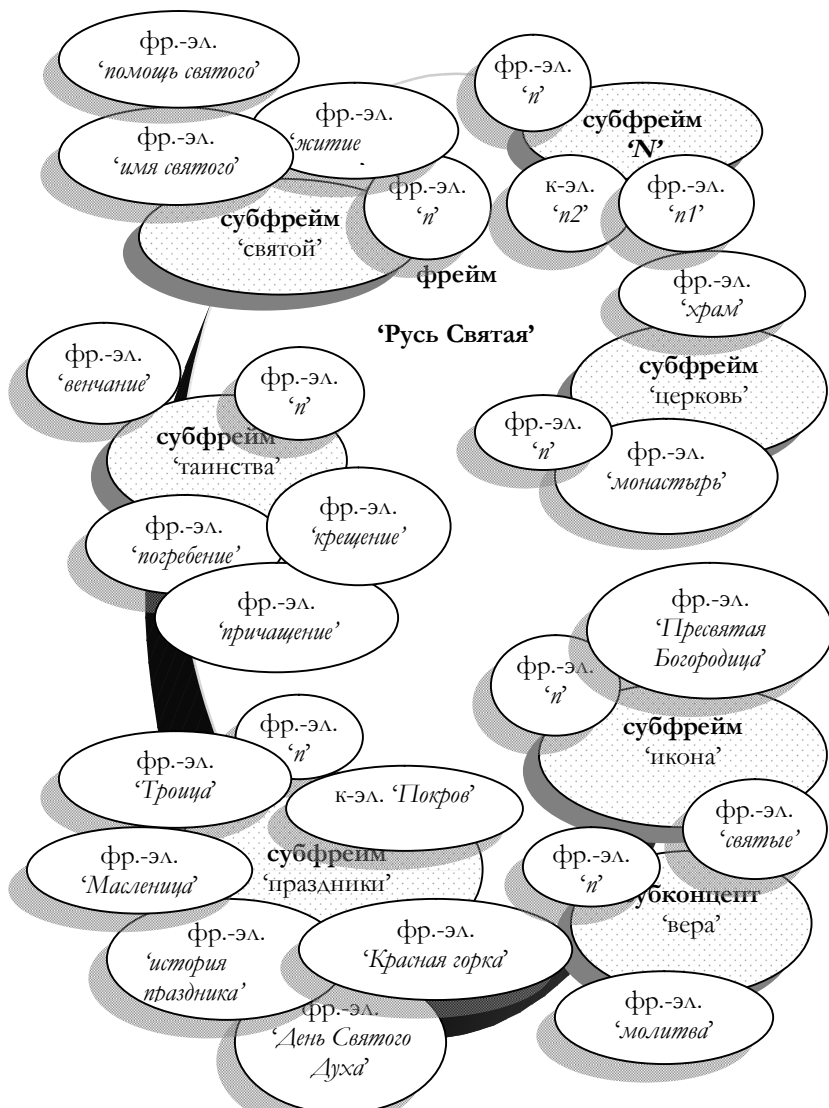

Рис. 19. Модель номинативного поля фрейма 'Русь Святая'

Далее проводим детальное исследование структуры номинативных полей субфреймов, из которых состоит модель-

27 с целью выявления тенденций их адаптации при переводе и последующего построения их когнитивно-сопоставительных моделей, показывающих степень адаптации рассматриваемого сегмента концептосферы художественного текста.

Субфрейм 'церковные таинства'

Исследуем структуру номинативного поля субфрейма 'церковные таинства' (в модели – субфрейм 'таинства'), а именно, рассмотрим фрейм-элемент 'венчание', который репрезентируется в рамках динамичной когнитивной структуры – сценария, номинанты которого отражены в следующем тексте: *Было предложено венчаться на Красную горку. Их венчали в Духов день, на второй день Троицы* (Пастернак. Доктор Живаго, 81-82).

Репрезентант переведен на fr.: *La date proposée fut celle de la semaine de Quasimodo. On les maria le lundi de la Pentecôte* (Pasternak. Le docteur Jivago, 131) и на engl.: *The idea was to have the wedding on the Monday after Low Sunday. They were married on Whit Monday* (Pasternak. Doctor Zhivago, 96).

В процессе исследования структуры номинативного поля фрейм-элемента 'венчание' выявлено, что в тексте оригинала дается две формы лексемы, репрезентирующей ядерный номинант 'венчание': инфинитив *венчаться* и глагол прошедшего времени *венчали*, тогда как во французском переводе номинанта выявлен один вариант – лексема *maria*, адекватная лишь одной из рассматриваемых форм оригинала в плане содержания.

В результате проведенных переводчиком преобразований общая контекстуальная смысловая нагрузка номинанта уменьшена. В тексте перевода на английский язык выявлено две разнокоренных лексемы, репрезентирующие ядерный номинант исследуемого концепта-элемента.

Выявленные лексемы эквивалентны рассматриваемым формам *венчаться* и *венчали*: *the wedding* и *were married*, но в английском варианте употреблен пассивный залог глагола *were*

married в отличие от оригинала, где выявлен активный залог *венчали*, что также изменяет контекстуальную смысловую нагрузку концепта-элемента *‘венчание’*.

3.4.2. Модель субфрейма *‘праздники’*

В тексте романа Б.Пастернака *«Доктор Живаго»* выявлены три концепта-элемента, ядерные номинанты которых соответствуют наименованию трёх церковных праздников: *Троица* – каноническое наименование праздника, *Красная горка*, *Духов день* – просторечные наименования. Под просторечием понимается «исторически сложившаяся, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная экзистенциальная макроформа национального языка <...>, охватывающая частные <...> языковые формы» как «сложные социально-стилистические иерархически структурированные категории лексики и фразеологии (Коровушкин 2005: 18).

Фрейм-элемент ‘Красная горка’

Рассмотрим ядерный номинант *Красная горка*, вербализующий одноименный концепт-элемент. Номинант *Красная горка* является культуремой, русским просторечным названием религиозного праздника *Фомино воскресенье* или *Антипасха* (в соответствии с названием по церковному уставу), который празднуется в первое воскресенье после Пасхи. Номинант фрейм-элемента *история праздника* поясняет: *В Малороссии называется еще <...> кануном весеннего Егория 22 апреля. Слово “Красная горка” объясняют обычаем встречать на холме восход солнца* (ППБЭС Т.2: 1482).

В результате сопоставительного анализа номинанта-инварианта и его переводного варианта выявлено, что номинант *Красная горка* адапатирован симметрично во французском тексте *la semaine de Quasimodo*. В тексте перевода на английский язык номинант *Красная горка* вербализуется в следующем словосочетании: *Monday after Low Sunday*, что переводится как *День жен мироносиц*.

Транслированный вариант *Monday after Low Sunday* исследуемого ядерного инвариантного номинанта *Красная горка* искажает его содержательный план, так как смещает время действия инварианта на одну неделю позже в английском тексте. Подчеркнём, что лексема *Low Sunday*, которая является эквивалентом рассматриваемому номинанту *Красная горка*, входит в структуру ядерного номинанта *Monday after Low Sunday* и самостоятельно в качестве номинанта в исследуемом тексте не употребляется.

Фрейм -элемент 'Духов день'

Рассмотрим ядерный номинант *Духов день*, вербализующий одноименный концепт-элемент. Номинант фрейм-элемента *история праздника* поясняет: *В следующий за Пятидесятницей понедельник совершается праздник в честь Святого Духа <...>. Этот праздник был установлен Церковью «ради величия Пресвятого и Животворящего Духа* (Булгаков 1993, Ч.1: 686).

Сопоставление структуры номинанта-инварианта и его переводных вариантов показал, что *Духов день* переводится на французский язык словосочетанием *le lundi de la Pentecôte*, где лексема *la Pentecôte* – *Троица* входит в структуру ядерного номинанта *le lundi de la Pentecôte* и самостоятельно в исследуемом тексте не употребляется. В английском тексте выявлено, что репрезентант *'Whit Monday'* совпадает с ядерным номинантом исследуемого номинативного поля концепта-элемента и переводится как *Духов понедельник*.

Словарные данные, которые составляют структуру номинанта *история праздника*, дают следующее пояснение по поводу ядерного номинанта-инварианта *Духов день* в традиции английской церкви – *Whit Sunday* (*Воскресенье Святого Духа*), – это седьмое воскресенье после Пасхи традиционный церковный праздник; во многих церквях в этот день крестят детей, поэтому наименование *whit* происходит от *white*; в древней церкви новокрещёные носили белую одежду от Пасхи до Духова дня. Следовательно, традиционные религиозные различия русских и англичан приводят к тому, что обнаруженное в тексте перевода наименование номинанта

Whit Monday соответствует по календарным данным номинанту-инварианту *День Святого духа*, но по английской религиозной традиции: *День Святого духа – это воскресенье*, поэтому переводной вариант номинанта различается с инвариантом по смысловому наполнению, что приводит к асимметрии их планов содержания, тогда как план выражения формально симметричен.

Рассмотренный вариант является редким примером трансляции, когда план выражения номинанта симметричен, а план содержания асимметричен.

Вследствие осуществленных преобразований структуры исследуемого номинативного поля субфрейма *'церковные праздники'*, реализующего одноименный субконцепт, англоязычный читатель воспринимает иную картину быта русского народа, чем та, которая описана в произведении Б.Пастернака: в России существует традиция венчаться на *Красную горку*, но этот ядерный номинант субконцепта *'церковные праздники'*, являясь привлекательным номинантом поля концепта-элемента *'венчание'*, отсутствует в тексте перевода, что значительно искажает языковую картину мира, отображенную в оригинале.

Фрейм -элемент 'масленая неделя'

Фрейм-элемент *'масленая неделя'*, репрезентированный номинантом фрейм-элемента *история праздника*, поясняет: *Масленица неделя мясупустная перед Великим постом, в течение которой запрещено вкушать мясо, но разрешается сыр, масло и рыба* (ППБЭС 1992:1559).

Фрейм-элемент встречается в следующем контексте: *После масленой недели, когда великопостный звон поплыл* (Толстой. Петр Первый Т.1, 1981: 229), что переведено на французский язык как *Après la semaine du carnaval, lorsque les sonneries de cloches du carême vagnèrent* (Tolstoï. Pierre Ier Т.1, 1982: 326), тогда как в английском переводном варианте читаем *After Shrovetide, when the chimes of Lent floated* (Tolstoy. Peter the Great Т.1, 1982: 337).

Структура ядерного номинанта *масленная неделя*, вербализующего концепт-элемент *‘масленная неделя’*, переведена на fr.: *la semaine du carnaval*, где различие в плане выражения номинанта-инварианта и переводного варианта сложились исторически в процессе формирования устойчивого эквивалента рассматриваемому номинанту. Номинант переведен на engl.: *Shrovetide* симметрично.

Фрейм -элемент ‘канун Покрова’

Фрейм-элемент *‘канун Покрова’* вербализуется следующим номинантом: *Был канун Покрова* (Пастернак. Доктор Живаго, 1989: 15), который переводится на fr.: *C’était la veille de l’Intercession de la Vierge* (Pasternak. Le docteur Jivago, 1979: 12). В тексте на английском языке читаем: *It was on the eve of the Feast of the Intercession of the Holy Virgin* (Pasternak. Doctor Zhivago, 1958: 4).

Номинант *Покров Пресвятой Богородицы* фрейм-элемента *история праздника* поясняет: празднование этого события религиозной жизни уходит корнями в традиции Греческой Православной Церкви и связано с явлением Пресвятой Богородицы, произошедшего в Константинополе в половине десятого века.

В войне с сарацинами городу угрожала опасность, но в этот день (1 октября) святой Андрей Юродивый с учеником своим Епифанием, находясь во Влахернском храме во время всеобщего бдения, увидели на воздухе Божию Матерь, с сонмом святых, молящуюся и распростершую свой Покров (омофор) над христианами. Город был спасен от нашествия сарацин, после чего в этот день был установлен праздник, получивший название «Покрова Пресвятой Богородицы» или кратко «Покров» (ГПБЭС, Т 2: 1830).

Сопоставительный анализ установил, что рассматриваемый номинант, являющийся культуремой религиозного быта русского народа, адаптирован на французский язык симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения. На английский язык номинант *канун Покрова* пе-

реведен описательно *the eve of the Feast of the Intercession of the Holy Virgin*, что в полном объеме передает смысл инварианта.

Построим модель субфрейма *'церковные праздники'*:

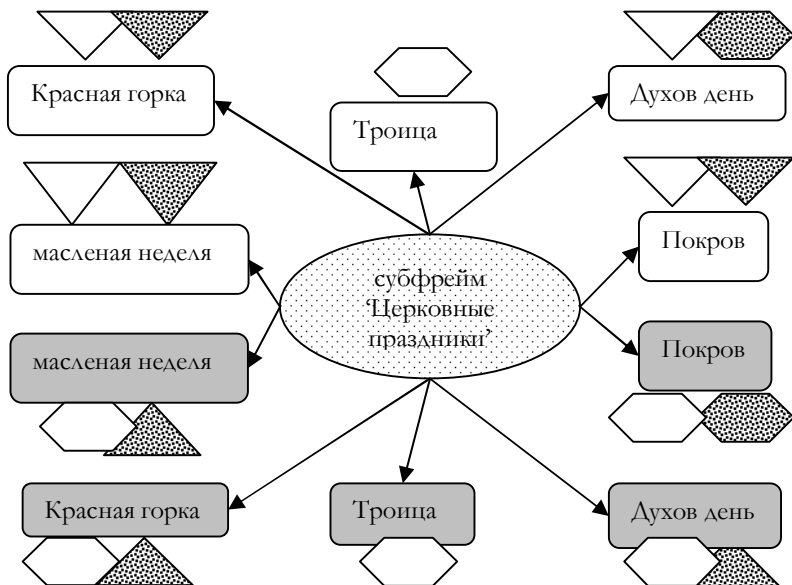

Рис. 20. Модель номинативного поля субфрейма *'Церковные праздники'*

Модель субфрейма иллюстрирует: количество исследованных фрейм-элементов в составе субфрейма; лакуарность фрейм-элемент *'Троица'* в номинативном поле исследуемого субфрейма на английском языке; преобладание асимметрии в плане выражения номинантов-инвариантов и переводных номинантов; полная симметрия в плане содержания номинантов-инвариантов и переводных номинантов на французский язык.

3.4.3. Модель субфрейма *'иконы Пресвятой Богородицы'*

Художественный субфрейм *'иконы Пресвятой Богородицы'* вербализуется в следующем тексте *Богородицу знаешь? Гляди:*

Скорбящая, Троеручица, Абалацкая – Знамение, Не рыдай мене печали, Утоли моя печали, Казанская, Дейсус, Покрова, Семистрельная (Горький. В людях, 2000: 394). Во французском переводном варианте читаем: *toutes les variété de peintes et les Vierges, à ne pas négliger: regarde, écoute et retiens: N.D. des Sept <...> Douleurs, N.D. de la Trinité, N.D. d'Abava, N.D. de Kazan, N.D. de Pokrov* (Gorki. En gagnant mon pain, 1946: 215), тогда как английские читатели воспринимают следующий материал *Know the Virgins? Look: The Grieving One, The Three-Armed Virgin; The Weeping Virgin, The Assuage-My-Grief Virgin; The Kazan, The Pokrov, The Semistrel'naya* (Gorky. My Apprenticeship, 1974: 199-200). В результате сопоставительного анализа планов содержания и выражения номинантов исследуемого номинативного поля установлено, что ядерные номинанты, отражающие названия икон Пресвятой Богородицы, переведены следующим образом:

– **транслитерация.** *Казанская* – fr.: *N.D. de Kazan* – engl.: *The Kazan*; *Покрова* – fr.: *N.D. de Pokrov* – engl.: *The Pokrov*. Подчеркнем, что в тексте на французском языке обязательно добавляется аббревиатура: *N.D.*, обозначающая сокращено *Notre Dame* – *Пресвятая Богородица*. Изменения в плане выражения ядерного номинанта способствовали полной симметричной передаче плана содержания;

– **подбор эквивалента** инварианту номинанта во французском переводе: *Семистрельная* – fr.: *N.D. des Sept <...> Douleurs* и транслитерация плана выражения номинанта, то есть симметричный перевод на engl.: – *The Semistrel'naya*;

– **наличие переводного варианта номинанта только в одном из языков:** а) в тексте на французском языке: номинант *Абалацкая – Знамение* адаптирован следующим образом *N.D. d'Abava*; б) в тексте английском языке: номинант *Скорбящая* адаптирован как *The Grieving One*, номинант *Не рыдай мене печали* – *The Weeping Virgin*, номинант *Утоли моя печали* – *The Assuage-My-Grief Virgin*.

В процессе исследования также установлено, что ядерный номинант *Троеручица* в английском тексте имеет эквивалент *The Three-Armed Virgin*, тогда как во французском тексте

подобран догматически неверный переводной вариант – *N.D. de la Trinité* (Божия Матерь Троицы); номинант *Дейсус* отсутствует в двух переводных вариантах рассматриваемого концепта-элемента. На основе полученных результатов строим модель субфрейма *‘иконы Пресвятой Богородицы’*:

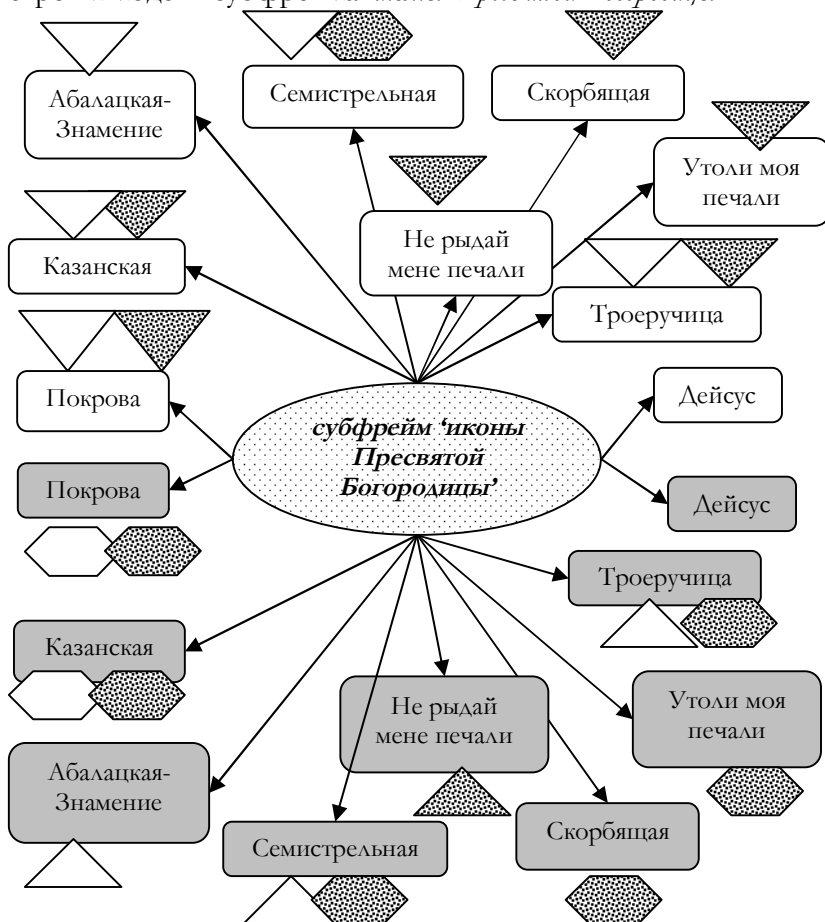

Рис. 21. Модель субфрейма *‘иконы Пресвятой Богородицы’*

Модель показывает:

- преобладание асимметрии при трансляции плана выражения номинантов, вербализующих субфрейм, только номинант *Семистрельная* адаптирован симметрично на английский язык;

- преобладание симметричной передачи плана содержания номинативного поля субфрейма на английский язык – 6 номинантов из 9;

- преобладание асимметричной передачи плана содержания на французский язык;

- наличие лакуарности в номинативных полях 2 фрейм-элементов *‘Абалацкая-Знамение’* *‘Дейсус’* в английском переводном варианте репрезентантов субфрейма;

- наличие лакуарности в номинативных полях 4 фрейм-элементов *‘Дейсус’*, *‘Не рыдай мене печали’*, *‘Скорбящая’*, *‘Утоли моя печали’* во французском переводе исследуемого художественного произведения.

3.4.4. Модель субфрейма ‘святой’

Дальнейшее исследование структуры номинативного поля фрейма *‘Русь Святая’* продолжим, изучая субконцепт *‘святой’*, а именно, два концепта-элемента его номинативного поля, которые функционируют в рамках следующих фрейм-элементов:

- фрейм-элемент *‘имя святого’*,
- фрейм-элемент *‘помощь святого’*.

Перечисленные фрейм-элементы вербализуются в следующем тексте оригинала: *Святых знаешь? Запомни: Вонифатий – это от запоя; Варвара Великомученица – зубной боли, нечаянные смерти; Василий Блаженный – от лихорадки, горячки* (Горький. В людях, 2000: 394).

Выявлено, что исследуемые репрезентанты переведены следующим образом на fr.: *Connais les vertus des saint, indispensable, mon ami. Il énumère sur un ton de litanie: Saint Boniface, ivrognerie; Saint Barbe, vierge et martyre, rage de dents; la même, mort*

subite, le Bienheureux Vassili, toutes les variété de peines (Gorki. En gagnant mon pain, 1946: 215).

В тексте на английском языке читаем следующий вариант перевода номинантов *Know the saints? Try to remember: Vonifati – for drunkards; Varvara the Martyr – for toothache and untimely death; Vassili the Blessed – for fever and delirium tremens* (Gorky. My Apprenticeship, 1974: 199-200).

Сопоставительный анализ плана выражения и плана содержания номинантов исследуемого поля фрейм-элемента 'имя святого' показывает, что ядерные номинанты *Вонифатий, Василий Блаженный* в плане содержания переданы эквивалентно на французский язык: *Saint Boniface, le Bienheureux Vassili*, и на английский: *Vonifati, Vassili the Blessed*.

В плане выражения структура номинантов адаптирована на приемом транслитерации, и поясняющей вставки *saint*, а в номинанте *le Bienheureux Vassili* изменен порядок слов.

Номинант *Варвара Великомученица* транслирована асимметрично в плане содержания на fr.: *saint Barbe vierge et martyre* (*святая дева и мученица*) и на engl.: *Varvara the Martyr* (*Варвара мученица*).

Исследование номинативного поля фрейм-элемент 'помощь святого' выявило:

1. Номинант *от запоя* адаптирован эквивалентно на fr.: *ivrognerie* (бытовое пьянство), но план выражения передан асимметрично; на engl.: *for drunkards* (для пьяниц), в плане выражения употреблена лексема, обозначающая действующее лицо, а не его времяпрепровождение (запой).

2. Номинант *зубной боли, нечаянные смерти* переведен на fr.: *rage de dents; la tête, mort subite* асимметрично в плане выражения, так как выявлена вставка *la tête*, которая, тем не менее, не привела к асимметрии в плане содержания.

Номинант адаптирован симметрично на engl.: *toothache and untimely death* в плане содержания и асимметрично в плане выражения, т.к. уменьшен объем единицы перевода.

3. Номинант *от лихорадки, горячки* переведен описательно на fr.: *toutes les variété de peines* и адекватно на engl.: *fever and delirium tremens*, где увеличен объем единицы перевода.

Построим двухсоставную модель субфрейма *'святий'*, состоящую из фрейм-элемента *'имя святого'* и фрейм-элемента *'помощь святого'*.

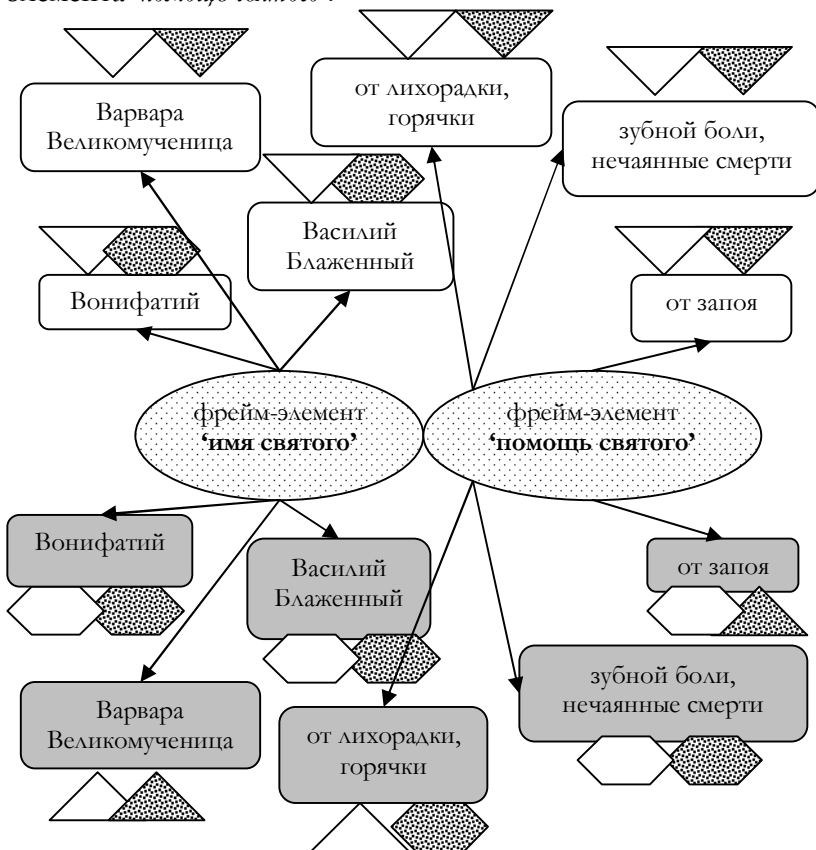

Рис. 22. Модель номинативного поля субфрейма *'святий'*

Преимущество двухсоставной модели заключается в одновременном отражении ядерных номинантов, образующих фрейм-элементы *'имя святого'* и *'помощь святого'*.

Модель иллюстрирует:

- преобладание асимметричной передачи плана выражения номинантов на переводные языки;
- полную асимметрию плана выражения номинантов-инвариантов и переводных вариантов фрейм-элемента *'помощь святого'*;
- преобладание симметричной передачи плана содержания номинантов на переводные языки.

3.4.5. Модель субфрейма 'Церковь'

Исследование выявляет, что в рассматриваемых произведениях субфрейм *'церковь'* представлен двумя фрейм-элементами: фрейм-элемент *'монастырь'* и фрейм-элемент *'храм'*. Выявленные номинанты, вербализующие вышеуказанные фрейм-элементы, позволяют сформировать словесную модель фрейм-элемента *'монастырь'* и создать словесно-графическую модель фрейм-элемента *'храм'*.

Таксономическая модель фрейм-элемента 'монастырь'

Рассмотрим языковые структуры, вербализующие фрейм-элемент *'монастырь'*, и выявим тенденции адаптации его номинативного поля, представленного в следующем материале: *Они ночевали в одном из монастырских покоев, который отвели дяде по старому знакомству <...>. Билеты были куплены, вещи увязаны и стояли в келье* (Пастернак. Доктор Живаго, 1989: 15), что переведено на fr.: *Ils passèrent la nuit dans une cellule du monastère, où l'oncle était connu depuis longtemps <...>. Ils avaient déjà leurs billets, leurs valises étaient faites rangé dans la cellule* (Pasternak. Le docteur Jivago, 1979: 12). В тексте перевода на английский язык читаем *They spent the night at the monastery, where uncle Nikolai was given a room for old times` sake <...>. They had bought their tickets and their things stood packed in the cell* (Pasternak. Doctor Zhivago, 1958: 4).

Исследование материала выявило, что номинативное поле фрейм-элемента 'монастырь', произведения, представлено двумя номинантами *монастырские покои* и *келья*.

1. Номинант *монастырские покои*. Сопоставительный анализ номинантов-инвариантов и их переводных вариантов на двух структурно различных европейских языках показал, что план содержания номинанта *монастырские покои* отражен единицей *покои*, звучащей величественно в оригинале, где описывается восторг, который чувствует ребенок, попавший впервые в монастырь. Номинант был стилистически нивелирован при переводе как на fr.: *une cellule du monastère* (монастырская келья), так и на английский, где читаем *at the monastery* <...> *a room* (в монастыре, в комнате) – переводчиком осуществлена родо-видовая замена: замещение лексемы *покои* лексемой *комната*.

2. Номинант *келья*. Дальнейший анализ материала выявляет, что в тексте оригинала номинант *келья* употребляется, когда речь идет о вещах главных героев.

В переводе на английский язык упоминается лексема *the cell*, которая переводится как *келья*, но контекстуально эта лексема избыточна, т.к. в тексте перевода говорится, что гостям для ночлега была дана комната (*a room*), а вещи были в *келье* (*a cell*), что приводит к появлению в восприятии англоговорящего читателя картины, отличающейся от описанной в оригинале и воспринимаемой русским читателем: путники ночевали в одной комнате, а их вещи находились в другой.

Перевод номинанта искажает действительность: вещей было не столь много, чтобы их класть в отдельную комнату, и в монастыре не так много свободного места, чтобы двум путешествующим выделять две комнаты. Во французском переводе употребляется дважды лексема *la cellule*, что позволяет переводчику избежать вышеописанного недоразумения.

Таксономическая модель фрейм-элемента 'храм'

Исследуем номинанты номинативного поля фрейм-элемента 'храм', реализующего одноименный концепт-элемент, с целью построения его когнитивно-сопоста-

вительной модели, в отличие от вышеизложенного словесного описания тенденций адаптации структуры фрейм-элемента 'монастырь'.

Номинант *неугасимая лампада*, номинант *теплится (лампада)* и номинант *темный лик* выявлены в следующем контексте: *Над воротами теплится неугасимая лампада перед темным ликом* (Голстой. Петр Первый Т.1, 1981: 31). Исследуемый номинант переведен на fr.: *Au-dessus de la porte une veilleuse est allumée en permanence devant une sombre image sainte* (Tolstoï. Pierre Ier Т.1, 1982: 25) и на engl.: *Above the gates an inextinguishable icon lamp glimmered in front of a dark countenance* (Tolstoy. Peter the Great Т.1, 1982: 18).

1. Номинант *теплится (лампада)*. Сопоставительный анализ структуры номинанта *теплится (лампада)* и его переводного варианта выявил, что при адаптации номинанта исчезло понятие тепла, содержащееся в глаголе *теплится*, ведь от зажженной лампы исходит духовное тепло, поддержка в молитве, но этот значимый смысловой аспект номинанта отсутствует в переводе.

В структуре исследуемого номинанта на английском языке была выявлена нивелировка смысла (*icon lamp*) *glimmered* – лампада мерцает, тускло светит.

2. Номинант *неугасимая лампада* переведен на французский язык словосочетанием *une veilleuse est allumée en permanence*, большим по объему, чем оригинальное. На английский язык номинант *неугасимая лампада* передан симметрично *an inextinguishable icon lamp* в плане содержания и асимметрично в плане выражения, т.к. лексема *лампада* имеет эквивалент *icon lamp*, больший по объему, чем оригинал.

3. Номинант *темный лик*. Сопоставительный анализ структур номинантов оригинала и перевода показал, что в плане содержания номинанта *темный лик* передан частично на французский язык *une sombre image sainte*, тогда как в английском варианте выявлено искажение *a dark countenance* (темное выражение глаз).

4. Номинант *великопостный звон*. Дальнейшее исследование выявило номинант *великопостный звон* отражен в следующем контексте: *великопостный звон поплыл над засмиревшей в мягком рассвете Москвой* (Голстой. Петр Первый Т.1, 1981: 229), что переведено на fr.: *les sonneries de cloches du carême voguèrent sur Moscou apaisée dans l'aube douce* (Golstoi. Pierre Ier Т.1, 1982: 326), тогда как в английском переводном варианте читаем *the chimes of Lent floated over a Moscow mellowed in the gentle surprise* (Golstoy. Peter the Great Т.1, 1982: 337).

Сопоставительный анализ показал, что в плане выражения номинанта *великопостный звон* осуществлена транспозиция грамматических категорий: единственное число лексемы *звон* изменено на множественное число в эквиваленте на fr.: *les sonneries de cloches du carême* и на engl.: *the chimes of Lent*.

На основе полученных результатов строим следующую когнитивно-сопоставительную модель субфрейма 'храм':

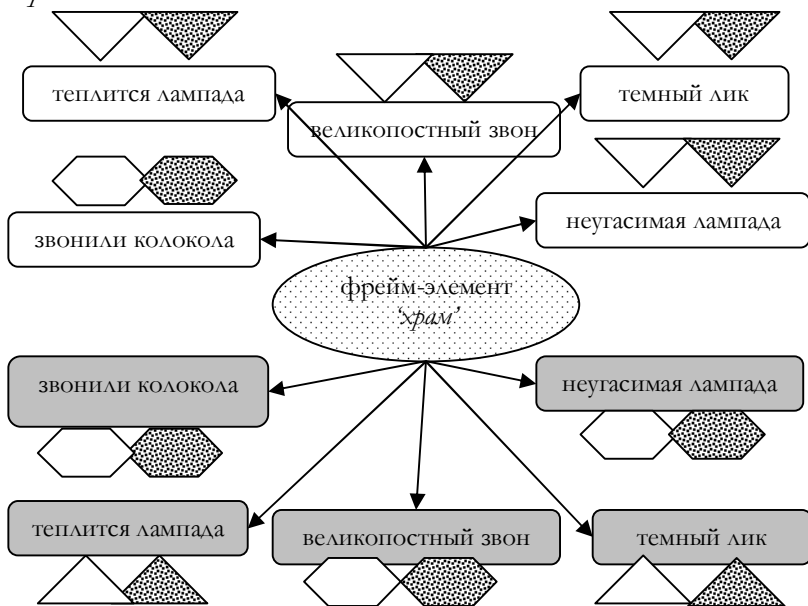

Рис. 23. Модель номинативного поля фрейм-элемента 'храм'

Построенная модель фрейм-элемента иллюстрирует следующие результаты его адаптации:

- совпадение объёма симметричной трансляции структуры номинативного поля фрейм-элемента как на английский, так и на французский язык;
- 25 % плана выражения номинантов переданы симметрично при переводе;
- 50% плана содержания номинантов переданы симметрично при переводе. Подчеркнём, что в рамках всего исследования, результаты данной модели уникальны, так как объём транслированного материала на английский язык на французский совпадает.

В процессе проведенного исследования было установлено, что русская языковая картина мира, отображенная на страницах художественных произведений как часть концептуальной картины мира народа, включающей в свой состав лингвокультурные концепты, являющиеся компонентами номинативного поля концепта *‘Русь Святая’*, частично изменена, что обусловлено самим характером концепта, а значит неизбежно.

Таким образом, в процессе художественной межкультурной коммуникации переводчики как значимые звенья этого процесса, решая глобальную задачу по адаптации инварианта к восприятию иноязычного и инокультурного читателя, применяют различные виды трансформаций плана содержания номинативного поля концептосферы произведения, чтобы не выйти за рамки концептуальной основы языка.

При положительном результате этого процесса трансляции художественного произведения перед читателями предстает равнозначный оригиналу перевод, при нарушении границ концептуальной рамки языка текст перевода является искажением оригинала, что в целом влияет на восприятие структуры исследуемого нами концепта *‘Русь Святая’*.

3.5. Крайняя периферия мега-фрейма

3.5.1. Модель фрейма 'природа России'

Результаты исследования показывают, что значимым компонентом архитектоники номинативного поля исследуемой концептосферы *Россия*, компонентом её крайней периферии, является концепт *'природа России'*, функционирующий в рамках одноименного фрейма.

Концепт представляет собой совокупность субконцептов, из которых детально рассмотрены субконцепт *'степь'* по материалам художественного произведения «Степь» А.П. Чехова и субконцепт *'тайга'* по материалам произведения «Угрюм-река» В.Я. Шишкова:

- **субконцепт 'тайга'**,
 - концепт-элемент *'щетина леса'*,
 - концепт-элемент *'шепот хвой'*,
 - концепт-элемент *'волки'*,
 - концепт-элемент *'комары'*,
 - концепт-элемент *'сонный мир'*,
 - концепт-элемент *'п'*.
- **субконцепт 'степь'**:
 - концепт-элемент *'небо'*,
 - концепт-элемент *'солнце'*,
 - концепт-элемент *'пространство'*,
 - концепт-элемент *'равнина'*,
 - концепт-элемент *'холмы'*,
 - концепт-элемент *'присутствие человека'*,
 - концепт-элемент *'п'*.
- **субконцепт 'N'**.

Отообразим результаты исследования в трёхслойной модели концепта *'природа России'*:

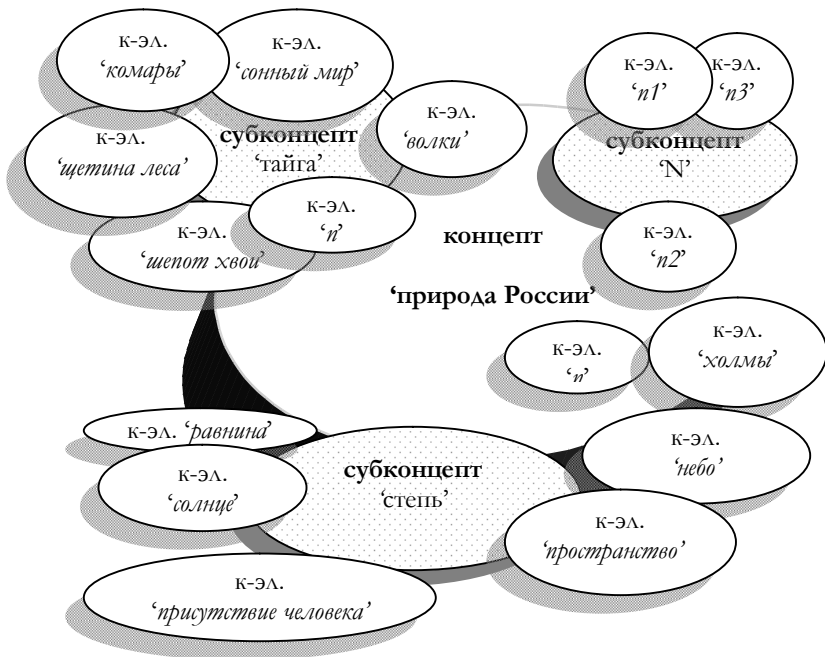

Рис. 24. Модель концепта 'природа России'.

Модель иллюстрирует:

- трехслойную структуру концепта, входящих в состав исследуемой архитектоники концепта;
- количество изученных субконцептов, которые являются наиболее частотными из всех выявленных в концептосферах исследованных литературно-художественных произведений;
- численный состав каждого из изученных субконцептов.

Моделируем архитектуру номинативного поля фрейма 'природа России', репрезентирующего одноимённый концепт в исследуемой концептосфере «Россия».

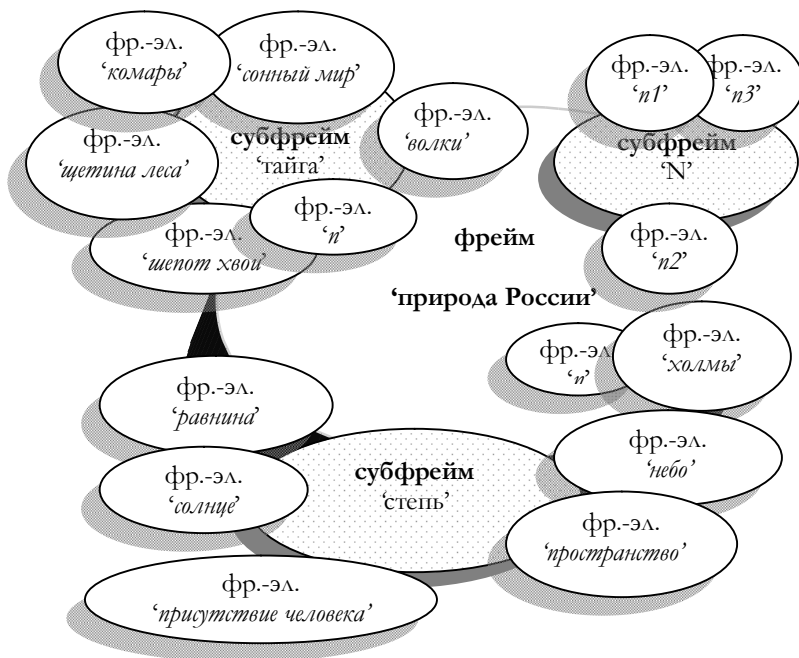

Рис. 25. Модель фрейма 'природа России'

Проводим детальное исследование структуры номинативных полей субфреймов, из которых состоит модель-24.

3.5.2. Модель субфрейма 'степь'

Исследование материала художественного произведения А.П. Чехова «Степь» позволило рассмотреть структуру субфрейма 'степь'. Итак, А.П. Чехов так характеризует степь: «Никак не разберешь, где она начинается и где кончается», что передано симметрично в плане содержания, но асимметрично в плане выражения на исследуемые переводные языки, на fr.: *on avait beau se mouvoir on ne distinguait pas où elle commençait ni où elle finissait* и на engl.: *one drives on and on and cannot discern where it begins or where it ends*. Подчеркнем, что рассматриваемый субфрейм является культурно маркированным и его название при переводе транслитерируется. Рассмотрение материала позволило

выявить такие фрейм-элементы как 'небо', 'солнце', 'пространство' 'равнина', 'холмы', 'присутствие человека'.

Фрейм-элемент 'небо'

Структура фрейм-элемента 'небо' вербализуется следующими ядерными номинантами: *небо, (небо) опрокинутое, (небо) страшно глубокое, (небо) прозрачное, (небо) бесконечное, (небо) оцепеневшее от тоски.*

Пример 1. *Равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски* (Чехов. Степь: 3).

В тексте перевода на английский язык находим: *The plain with the misty distance and, arched above them, the sky, which seems terribly deep and transparent in the steppe, where there are no woods or high hills, seemed now endless, petrified with dreariness* (Chekhov. The steppe: 4). Перевод на французский язык: *La plain avec ses lointains brumeux et le ciel renversé dessus, semblant, dans la steppe où il n'y a ni forêts ni hautes montagnes, d'une profondeur et d'une transparence effrayantes, paraissaient à présent infinies et pétrifiées de langueur* (Tchekhov. La steppe, 1995: 18).

1. Ядерный номинант *небо* транслирован симметрично на fr.: *le ciel* и на engl.: *the sky*. Исследования показывают, что при переводе чаще всего сохраняется инвариантное ядро смысла концепта и замена национально-специфической периферии (коннотации, ассоциации и т. д.) исходного текста.

2. Номинант *(небо) опрокинутое*. Структурно-сопоставительный анализ текста оригинала выявил: номинант *опрокинутое небо* переведен асимметрично на engl.: *arched ... the sky* (изогнутое дугой небо), и симметрично на fr.: *le ciel renversé* (небо, опрокинутое).

3. Номинант *(небо) страшно глубокое* переведен симметрично на engl.: *terribly deep* и асимметрично на fr.: *une profondeur effrayante* – осуществлена транспозиция частей речи.

4. Номинант *(небо) прозрачное* переведен симметрично на engl.: *transparent* и асимметрично на fr.: *une transparence effrayantes*, где осуществлена транспозиция частей речи.

5. Номинант (*небо*) бесконечно транслирован симметрично как на engl.: *endless*, так и на fr.: *infinie*.

6. Номинант (*небо*) оцененевшее от тоски переведён асимметрично на fr.: *pétrifiées de langueur* (окаменеть от слабости, апатии) и на engl.: *petrified with dreariness* (окаменевшее и тусклое).

Пример 2. В тексте оригинала дана следующая характеристика неба <...> бледно-зеленое, усыпанное звездами небо, на котором ни облачка, ни пятна. О необъятной глубине и безграничности неба можно судить только на море да в степи ночью, когда светит луна. Оно страшно, красиво и ласково (Чехов. Степь: 24). Рассматриваемый материал переведен на английский язык следующим образом <...> *the pale green, star-spangled sky on which there is no cloudlet, no spot* <...>. *Of the unfathomable depth and infinity of the sky one can only form a conception at sea and on the steppe by night when the moon is shining. It is terribly lonely and caressing* (Chekhov. The steppe: 29). Читаем в тексте перевода на fr.: <...> *le ciel vert pale, semé d' étoiles, où l'on ne découvre ni nuage ni tache* <...> *on ne se rend compte de l'insondable profondeur et de l'infini du ciel qu'en mer, ou alors dans la steppe, la nuit, au clair de lune. Il est terrible, sublime et affectueux* (Tchekhov. La steppe, 1995: 54).

Структурно-компонентный анализ материала выявил следующие номинанты, вербализующие фрейм-элемент 'небо': номинант *бледно-зеленое (небо)*, номинант (*небо*) *усыпанное звездами*, номинант *необъятная глубина*, номинант *безграничность (неба)*, номинант (*небо*) *страшно*, номинант (*небо*) *красиво*, номинант (*небо*) *ласково*. Рассмотрим детально степень адаптации вышеперечисленных номинантов в процессе их трансляции на французский и английский языки.

7. Номинант *бледно-зеленое (небо)* переведен симметрично на engl.: *pale green* и асимметрично в плане выражения на fr.: *vert pale*, где осуществлены преобразования (изменен порядок слов) в соответствии с законами языка перевода.

8. Номинант (*небо*) *усыпанное звездами* переведен симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения на engl.: *star-spangled*, тогда как на fr.: *semé d' étoiles* он адаптирован симметрично.

9. Номинант *необъятная глубина* переведен асимметрично на engl.: *unfathomable depth* (безграничная), так как лексемы *необъятная* и *безграничная* не являются полными синонимами. Подчеркнём, что в языке перевода есть синонимы рассматриваемой лексеме – *immense, unbounded*. Номинант переведен асимметрично и на fr.: *l'insondable profondeur* (бездонная), так как лексемы *необъятная* и *бездонная* не являются полными синонимами. В языке перевода есть синонимы рассматриваемой лексеме – *immense; vaste*.

10. Номинант *безграничность (неба)* переведен симметрично на engl.: *infinity*, но английский читатель встречает в тексте два одинаковых по смыслу компонента: *unfathomable depth* (см. предыдущий номинант) и *infinity*, поэтому в данном случае перевода выявлена контекстуальная асимметрия. Этот пример адаптации еще раз подчеркивает, что изучение переводческих ошибок, их подробный анализ и классификация играют важную роль в более глубоком понимании мыслительных и психологических процессов, связанных с переводом как актом межъязыковой коммуникации. На французский язык номинант передан симметрично *l'infini*.

11. Номинант *(небо) страшно* передан в плане содержания симметрично как на engl.: *terribly*, так и на fr.: *il est terrible*, где в плане выражения выявлена асимметрия.

12. Номинант *(небо) красиво* необоснованно заменен другими компонентами в английском переводе *lonely* (одинок), во французском переводе *il est sublime* (величественно).

13. Номинант *(небо) ласково* переведен симметрично как на engl.: *(it is) caressing*, так и на fr.: *(il est) affectueux*, но в плане выражения осуществлены преобразования в соответствии с законами языка перевода.

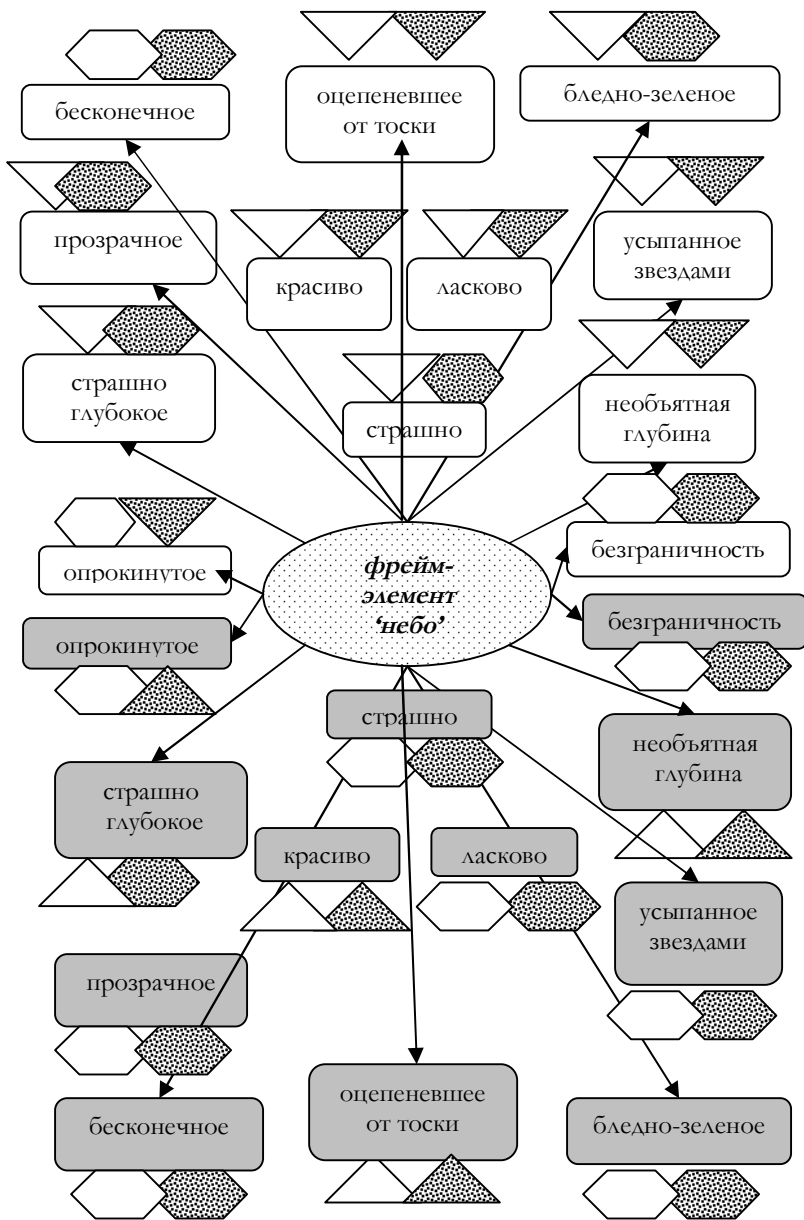

Рис. 26. Модель фрейм-элемента 'небо'

Построенная модель иллюстрирует: количество рассмотренных номинантов исследуемого фрейм-элемента; отсутствие лакунарности в процессе трансляции номинативного поля фрейм-элемента; преобладание асимметричной передачи плана выражения номинантов на французский язык; 50% симметрию плана выражения номинантов-инвариантов и их переводных вариантов на английский язык; равное количество симметрично транслированных номинантов в плане содержания как на французский язык, так и на английский, 8 из 12 номинантов.

Исследование следующего текста оригинала позволило рассмотреть номинанты, вербализующие такие фрейм-элементы рассматриваемого субфрейма 'степь', как номинант (небо) *опрокинутое*, номинант (небо) *страшно глубокое*, номинант (небо) *прозрачное*, номинант (небо) *бесконечное*, номинант (небо) *оцененевшее от тоски*.

Пример 3. *Между тем перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается <...>. Солнце уже выглянуло сзади из-за города и тихо, без хлопот принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землей, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками (Чехов. Степь: 17).* В тексте перевода на французский язык читаем: *Cependant, sous les yeux des voyageurs, se déployait déjà une plaine vaste, sans limites, traversée d'une chaîne de collines. Se pressant et passant la tête les unes devant les autres, ces collines se fondaient en une éminence qui, à droite de la route, s'étendait jusqu'à l'horizon et disparaissait dans un lointain lilas: on avait beau se mouvoir, on ne distinguait pas où elle commençait ni où elle finissait <...>. Le soleil avait déjà émergé au-dessus de la ville et tranquillement, sans s'affairer s'était mis au travail. D'abord, tout là-bas, au point de rencontre du ciel et de la terre, du côté des tumulus peu élevés et du moulin à vent qui, de loin, ressemblait à un petit homme agitant les bras (Tchekhov. La steppe, 1995: 17).*

Перевод на английский язык представлен следующим образом: *Meanwhile a wide boundless plain encircled by a chain of low hills <...>. Huddling together and peeping out from behind one another, these hills melted together into rising ground, which stretched right to the very horizon and disappeared into the lilac distance; one drives on and on and cannot discern where it begins or where it ends <...>. The sun had already peeped out from beyond the town behind them, and quietly, without fuss, set to its accustomed task. At first in the distance before them a broad, bright, yellow streak of light crept over the ground where the earth met the sky, near the little barrows and the windmills, which in the distance looked like tiny men waving their arms* (Chekhov. The steppe: 19).

Фрейм-элемент 'солнце'

Фрейм-элемент 'солнце' вербализуется такими номинантами как номинант (солнце) *выглянуло*, номинант (солнце) *принялось за свою работу*.

А. Номинант (солнце) *выглянуло* транслирован симметрично как на fr.: *le soleil avait émergé*, так и на engl.: *the sun had peeped out*.

Б. Номинант (солнце) *принялось за свою работу* адаптирован асимметрично на fr.: *s'était mis au travail*, так как отсутствует переводной вариант лексеме *своя*, что искажает структуру номинанта. В переводном варианте на engl.: *set to its accustomed task* лексеме *своя* подобран эквивалент *accustomed*.

Фрейм-элемент 'пространство'

Исследование номинативного поля фрейм-элемента 'пространство' выявило яркий номинант *даль*.

А. Номинант *лиловая даль* адаптирован на fr.: *un lointain lilas* симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения; и симметрично на engl.: *the lilac distance*.

Б. Номинант *туманная даль* транслирован симметрично как на fr.: *ses lointains brumeux*, так и на engl.: *the misty distance*.

Фрейм-элемент 'равнина'

Сопоставительный анализ оригинала и перевода показывает, что фрейм-элемент 'равнина' вербализуется номинантами: номинантом *широкая (равнина)*, номинантом *бесконечная равнина*, номинантом *перехваченная холмами*.

А. Номинант *широкая (равнина)* адаптирован в полном объёме на engl.: *a wide (plain)*, тогда как во французском варианте номинанта в плане выражения произведено перемещение слов, что обусловлено законами языка перевода: *une plaine vaste*.

Б. Номинант *бесконечная равнина* адаптирован симметрично в плане содержания на fr.: *une plaine sans limites* и асимметрично в плане выражения, тогда как в английском варианте номинанта *boundless plain* выявлена полная симметрия.

В. Номинант *(равнина) перехваченная цепью холмов* переведен на fr.: *traversée d'une chaîne de collines* (пересеченная цепью холмов) симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения, тогда в процессе трансляции на engl.: *encircled by a chain of low hills* переводчик подобрал знак (охваченная цепью низких холмов), искажающий картину действительности.

Фрейм-элемент 'ХОЛМЫ'

Исследование установило, что фрейм-элемент 'холмы' вербализуется совокупность номинантов: *цепь холмов, (холмы) теснятся, (холмы) выглядывая друг из-за друга, (холмы) сливаются в возвышенность*.

1. Номинант *цепь холмов* адаптирован симметрично на fr.: *une chaîne de collines*. Переводной вариант номинанта на engl.: *a chain of low hills* (цепь низких холмов) имеет вставку *low*, что приводит к асимметрии его структуры.

2. Номинант *(холмы) теснятся* транслирован симметрично в плане содержания на fr.: *se pressant* и на engl.: *buddling together*, но в плане выражения английского переводного варианта номинанта увеличен объём знака, что привело к его асимметрии инварианту.

3. Номинант *(холмы) выглядывая друг из-за друга* транслирован описательно на fr.: *passant la tête les unes devant les autres*, что привело к его асимметрии. Номинант передан симметрично на engl.: *peeping out from behind one another*.

4. Номинант *(холмы) сливаются в возвышенность* адаптирован симметрично на fr.: *(ces collines) se fondaient en une*

éminence, тогда как в engl.: *these hills melted together into rising ground* выявлено увеличение объёма словосочетания, что привело к его асимметрии инварианту. Следующий материал позволил рассмотреть еще несколько номинантов, а именно: номинант *загорелые (холмы)*, номинант *буро-зеленые (холмы)*, номинант *вдали лиловые (холмы)*, номинант *(холмы) с покойными, как тень, тонами* в следующем тексте: *Загорелые холмы, бурозеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина* (Чехов. Степь: 18), что переведено на fr.: *les collines hâlées, d'un brun vert, lilas au loin, avec leurs tons paisibles comme des ombres, la plaine* (Tchekhov. La steppe, 1995: 18) и на engl.: *the sun-baked hills, brownish-green and lilac in the distance, with their quiet shadowy tones, the plain* (Chekhov. The steppe: 20).

5. Номинант *загорелые (холмы)* переведен адекватно на fr.: *les collines hâlées*, но план выражения асимметричен инварианту. При адаптации на engl.: *the sun-baked hills* – высушенные на солнце (*dried or cracked by the sun's heat*) употреблено описание, что привело к полной асимметрии инварианту.

6. Номинант *буро-зеленые (холмы)* транслирован симметрично как на fr.: *un brun vert*, так и на engl.: *brownish-green*.

7. Номинант *вдали лиловые (холмы)* адаптирован симметрично на fr.: *lilas au loin*, но план выражения асимметричен, так как изменен порядок слов, что обусловлено законами языка перевода. Английский переводной вариант номинанта *lilac in the distance* симметричен оригинальному.

8. Номинант *(холмы) с покойными, как тень, тонами* на fr.: *avec leurs tons paisibles comme des ombres* адаптирован симметрично, но план выражения асимметричен инварианту: так как: (1) изменен порядок слов; (2) выявлена транспозиция грамматических категорий: единственное число лексемы оригинала *тень* изменено на множественное *ombres*; (3) лексема *paisibles (тихие, спокойные)* по семантике не равна лексеме оригинала *покойными*. В переводе на engl.: *with their quiet shadowy tones (с их совершенно мрачными, темными тонами)* номинант передан описательно.

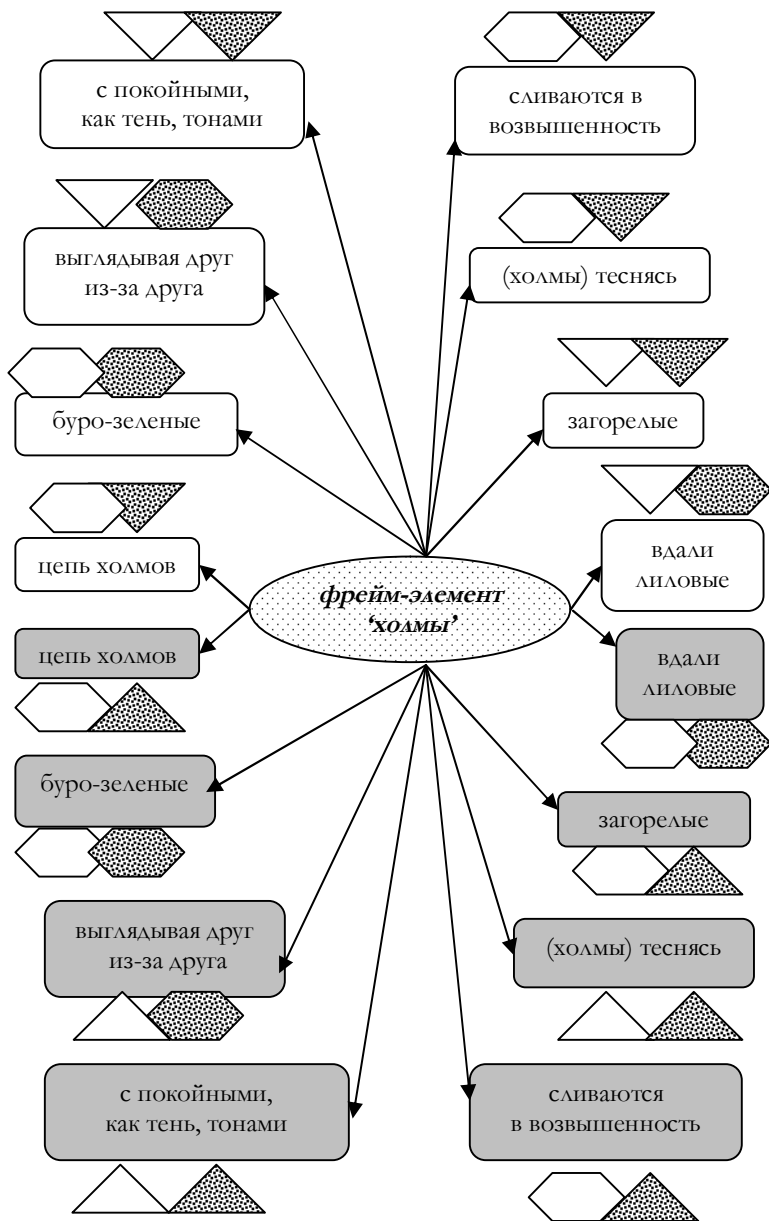

Рис. 27. Модель фрейм-элемента холмы'

Модель фрейм-элемента 'холмы' показывает, что из 8 рассмотренных номинантов:

- на французский язык симметрично адаптировано 50% плана выражения номинативного поля фрейм-элемента;

- на английский язык симметрично адаптирован плана выражения 3 номинантов из 8;

- в плане содержания симметрично транслированы 6 номинантов из 8 на французский язык;

- на английский язык в плане содержания симметрично адаптированы 3 номинанта из 8.

Фрейм-элемент 'присутствие человека'

Фрейм-элемент 'присутствие человека' вербализуется такими номинантами как *курганчики*, *ветряная мельница*, которые являются культурно маркированными единицами.

1. Номинант *курганчики* переведен на fr.: *des tumulus peu élevés* (немного возвышающиеся холмы), и в книге дается поясняющая сноска: *petites buttes artificielles* <...> *tombes de peuples*. Английский вариант номинанта *the little barrows* в плане содержания адекватен, тогда как в плане выражения добавлена лексема: *little*.

2. Номинант *ветряная мельница*, выявленный в тексте *ветряная мельница, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками*, что передано адекватно на fr.: *moulin à vent qui, de loin, ressemblait à un petit homme agitant les bras*, но план выражения асимметричен. Номинант адаптирован на engl.: *the windmills, which in the distance looked like tiny men waving their arms* адекватно, но план выражения как и в предыдущем примере, асимметричен.

Таким образом, полученные результаты указывают на высокую степень адаптации исследуемого субфрейма в рамках, репрезентирующего одноимённый субконцепт концептосферы художественного произведения А.П. Чехова «Степь», что способствует формированию адекватного образа российской степи как составной части образа России в

восприятию романо-германских читателей. Сопоставительный анализ структуры концептосферы художественных текстов на русском, французском, английском языках:

а) выявляет универсальные языковые средства трансляции;

б) определяет параметры межъязыковой асимметрии, позволяющей осуществить компаративное моделирование когнитивных структур, репрезентирующих различные уровни концептосферы.

Результаты проведенного исследования структуры концептосферы *‘Россия’*, отраженной в художественных произведениях, позволили создать графические компаративно-когнитивные модели фреймов, в рамках которых функционируют следующие концепты:

– **приядерная зона:** (1) концепт *‘Петербург’*, состоящий из субконцептов *‘Летний сад’*, *‘архитектурный пейзаж’*, *‘памятники’*, *‘петербуржцы’*, субконцепт *n*, (2) концепт *n*;

– **ближайшая периферия:** (1) концепт *‘быт русского народа’*, состоящий из субконцептов *‘крестьянское жильё’*, *‘самовосприятие’*, *‘общественное самосознание’*, субконцепт *‘отдых народа’*, субконцепт *‘n’*; (2) концепт *‘хозяйственная жизнь России’*, состоящий из субконцептов *‘труд’*, *‘торговля’*, *‘экономическая мораль’*, *‘быт’*, *‘источник неудач’*, субконцепт *‘n’*;

– **дальняя периферия:** (1) концепт *‘Русь Святая’*, состоящий из субконцептов *‘вера’*, *‘церковные таинства’*, *‘церковные праздники’*, *‘святые’*, *‘церковь’*, *‘икона’*, субконцепт *n*; (2) концепт *n*, субконцепт *‘n’*;

– **крайняя периферия:** (1) концепт *‘природа России’*, состоящий из субконцептов *‘степь’*, *‘тайга’*, субконцепт *‘n’*, (2) концепт *n*, субконцепт *‘n’*.

Подчеркнем, что вышеприведенная стратификация зон концептосферы характерна для исследованных произведений, тогда как при исследовании других литературных текстов концепты могут перемещаться кардинально: из дальней или крайней периферии в ближайшую и наоборот.

Таким образом, в работе создано 4 трехслойных моделей концептов, 5 трехслойных моделей фреймов; 9 моделей фреймов, 7 моделей фрейм-элементов, 1 модель сценария, 1 модель сцены. Исследование специфики плана содержания и выражения номинантов номинативных полей, вербализующих когнитивные образования, составляющие концептосферу художественного текста, способствует:

- а) изучению его коммуникативной природы,
- б) осмыслению структуры номинативного поля концептосферы, которая оказывает влияние на читателей при косвенной коммуникации, то есть посредством текста.

Полученные нами результаты позволяют:

- а) охарактеризовать структуру номинативного поля концептосферы художественного текста,
- б) выявить степень адаптации ее компонентов при переводе на английский и французский языки,
- в) установить причины неполной адаптации номинативного поля концептосферы в процессе её трансляции на структурно иные языки, где именно специфичность применения языковых систем ограничивает степень общности текстов оригинала и перевода

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку когнитивно-культурологические параметры художественного концепта текста и дискурса отражают единство языка, мышления и культуры, нами рассмотрен художественный концепт как компонент концептосферы автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и когнитивно-прагматически значимы в сознании автора для развития сюжета, для создания когнитивной ауры произведения.

Нами предложена следующая иерархия концептов от большего к меньшему: национальный концепт, индивидуально-авторский концепт, художественный концепт, которые вербализуются компонентами, образующими его номинативное поле.

Рассмотрение художественного текста и дискурса как средств речевого порождения и реализации смысловых конфигураций художественных концептов в оригинальном и переводном текстах способствует структурированию концептосферы произведения как двухуровневой модели.

Когнитивно-дискурсивное поле концептосферы художественного текста представляет собой единство компонентов смыслового и формального уровней.

Смысловой уровень концептосферы конституируется совокупностью когнитивных образований, где каждое последующее образование является производным предыдущего: **компонент смысла > концепт-элемент > субконцепт > концепт > концептосфера.**

Формальный уровень концептосферы представлен совокупностью статичных и динамичных когнитивных структур, вербализуемых различными языковыми и речевыми (текстовыми) образованиями. К статичным когнитивным структурам относятся **фрейм-элемент, субфрейм, фрейм и мега-фрейм**, которые, наряду с динамичными когнитивными

ми структурами (сценариями и сценами), составляют концептосферу художественного текста.

Авторская методика когнитивно-сопоставительного моделирования концептосферы художественного текста позволила создать 4 трехслойных моделей концептов, 5 трехслойных моделей фреймов, 6 трехслойных моделей фреймов, 1 линейную модель сценария, 1 модель сцены, 9 моделей субфреймов, 7 моделей фрейм-элементов.

Построенные модели способствуют комплексному осмыслению процессов адаптации когнитивных образований и репрезентирующих их языковых структур концептосферы текста-оригинала при переводе.

Когнитивно-сопоставительные модели сегментов концептосферы выявляют:

- степень трансформации структуры концептосферы художественного текста,
- уровень адекватной трансляции социокультурного слоя изучаемой концептосферы,
- объём соответствия русским реалиям тех образов, которые имплантируются переводами в сознание французского и английского читателя.

Установлено, что адекватность передачи социокультурного слоя концептосферы текста-оригинала средствами другого языка предопределяется:

- набором когнитивных образований и репрезентирующих их языковых структур в когнитивно-коммуникативном пространстве художественного произведения;
- смысловым наполнением транслируемых языковых единиц оригинального текста;
- подготовленностью переводчика адекватно воспринимать информацию сюжетного контура транслируемого произведения с целью упредить возможные коммуникативные сбои, так как культурный барьер опаснее языкового и нарушение культурных норм воспринимается

носителями языка болезненно, что приводит к проблемам в процессе межкультурной коммуникации.

Результаты проведенного исследования способствуют решению ряда проблемных ситуаций при косвенной межкультурной коммуникации:

(1) создание методики когнитивно-сопоставительного моделирования речемыслительных образований и вербализующих их языковых структур текста, позволяет представить концептосферу в виде сопоставительных моделей познавательных структур в тексте оригинала и перевода, что способствует развитию методологической базы когнитивно и дискурсивно ориентированной транслятологии;

(2) разработка метода когнитивно-герменевтического анализа материала обеспечивает получение достоверных результатов, на которых базируется комплексное осмысление степени адаптации художественного наследия переводимых авторов к восприятию языковым сознанием реципиентов;

(3) изучение ядерно-периферийной структуры концептосферы художественных произведений путём её моделирования способствует как эксплицированию степени модификации когнитивно-коммуникативного пространства текста при переводе, так и выявлению объёма соответствия русской картины мира, отраженной в оригинале, её транслированному варианту.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко, Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. 22-24 мая 2003. Ч.1. Волгоград, 2003. С. 3-13.

Алефиренко, Н.Ф. Этноэпидемический концепт и внутренняя форма языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 70-81.

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н.Ф. Алефиренко. М.: Гнозис, 2005а. 326 с.

Алефиренко, Н.Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические корреляции / Н.Ф. Алефиренко // Жанры речи: Сб. науч. статей. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: Изд-во ГосУНЦ "Колледж", 2005б. С. 50-63.

Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке / Н.Ф. Алефиренко. М.: Флинта: Наука, 2005в. 416 с.

Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семасиологическая синергетика слова: Монография / Н.Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2006а. 228 с.

Алефиренко, Н.Ф. Текст и дискурс в фокусе языковой личности / Н.Ф. Алефиренко // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования. В 2-х ч. Ч. 1. Самара, 2006б. С. 6-10.

Алефиренко, Н.Ф. Текст – дискурс – язык / Н.Ф. Алефиренко / Русская филология. Украинский Вестник: Республиканский научно-методический журнал. Харьков, 2007. № 2-3 (33). С. 3-7.

Ананьина, А.В. К вопросу о переводческих ошибках и их использовании в процессе обучения переводу / А.В. Ананьина // Проблемы прикладной лингвистики. Сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Пенза: ПДЗ, 2003. С. 5-7.

Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков) / В.Д. Аракин: Автореф. дис. ...-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1983. 38 с.

Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования / В.Д. Аракин. М.: Высш. шк., 1989. 158 с.

Арутюнова, Н.Д. Истина: фон и коннотации / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 21-30.

Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка. Ментальные действия / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1993. 175 с.

Арутюнова, Н.Д. Истина и этика / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 7-23.

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.

Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская речь. Новая серия. Л., 1928. Вып. 2. С. 28-44.

Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267-279.

Афанасьева, О.В. Особенности лексической репрезентации художественного концепта (на примере концепта времени в произведении Р.М. дель Валье-Инклана «Весенняя соната») / О.В. Афанасьева // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С.43-44.

Бабаева, Е.В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта/ Е.В. Бабаева // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград-Архангельск, 1996. С. 25-27.

Бабенко, А.Г. Концепт и концептосфера в аспекте моделирования / А.Г. Бабенко // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 39-42.

Бабина, Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: Монография / Л.В. Бабина. Тамбов-Москва: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 264 с.

Бабич, Г.Н. Когнитивная лингвистика: исторические предпосылки / Г.Н. Бабич / Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 42-44.

Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1996. 104 с.

Бабушкин, А.П. Картина мира и концептосфера языка / А.П. Бабушкин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003г. В 2 ч.. Ч.2 Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 12-13.

Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. Изв. РАН. Сер. Лит. и Яз. Т.56. 1997. №1. С. 11-21.

Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. Изд. 2-е / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1986. 445с.

Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. СПб.: Азбука, 2000. С. 299-317.

Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе / В.П. Белянин. М.: Тривола, 2000. 248 с.

Беседина, Н.А. Морфологически передаваемые концепты: Монография / Н.А. Беседина; Федеральное агентство по образованию; Институт языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Белгор. гос. ун-т. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. 214 с.

Беспалова, О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Ольга Евгеньевна Беспалова. СПб., 2002. 24 с.

Бодуэн де Куртенэ, П.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с.

Богатова, И.Ю. Концепт как полевая структура / И.Ю. Богатова // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 445-447.

Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. 123 с.

Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. М., 2001. С. 27-31.

Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. № 1. С. 18-36.

Босова, А.М., Герман, П.А. Перспективы использования полевой модели в современной лингвистике // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. статей. Барнаул, 2000. С.52-57.

Болотнова, Н.С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте / Н.С. Болотнова // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. статей в честь профессора С.Г. Ильенко. СПб., 1998. С. 242-247.

Бразговская, Е.Е. Текст культуры: от события – к событию (логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий) / Е.Е. Бразговская. Пермь, 2004. 284 с.

Булгаков, С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства) / С.В. Булгаков. В 2-х частях. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 2716 с.

Бреус, Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е.В. Бреус. М.: УРАО, 2000. С. 5-6.

Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Бутакова, Л.О. Динамика ментального существования: проблемы методологии лингвокогнитивного моделирования / Л.О. Бутакова // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Тамбов: ТГУ им Г.Р. Державина, 2005. С. 51-56.

Буянова, Л.Ю. Концепт "душа" как основа русской ментальности: особенности речевой реализации / Л.Ю. Буянова // Культура. 2002. №2 (80). URL: http://www.relga.rsu.ru/n80/cult80_1.htm.

Быкова, О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка) / О.И. Быкова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 277 с.

Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика в свете когнитивной теории языка / Л.М. Васильев // Germanica. Slavica. Turcica. Уфа, 2000. 249 с.

Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах / А. Вежбицкая. Thesis. Вып. 3. М., 1993. С. 185-206.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая / Пер. с англ. А.Д. Шмелева, под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

Величковский, Б.М. Современная когнитивная психология / Б.М. Величковский. М.: МГУ, 1982. 336 с.

Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Гос. ин-т рус. яз им. А.С. Пушкина, 1999. 84 с.

Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. М.: ИОСО РАО, 2001. 224 с.

Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Витгенштейн Л. / Пер. с нем. Д. Лахути; Общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса М.: Наука, 1958. 133 с.

Вклад русских инженеров в науку и технику отопления // 100 лет теплофикации и централизованному теплоснабжению в России: Сб. ст. под ред. В.Г. Семенова. Ч. III. М.: Изд-во «Новости теплоснабжения», 2003/
URL:http://www.rosteplo.ru/Tech_stat/stat_shablon.php?id=1523

Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. 2-е изд. испр. и дополн. М., 1986. 416 с.

Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64-72.

Воркачев, С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: Монография / С.Г. Воркачев. Краснодар: Техн. ун-т КубГТУ, 2002. 140 с.

Воркачев, С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003а. С. 5-12.

Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. 2-е изд., испр. и доп. М.; Искусство, 1984. 350 с.

Дейк ван, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Дейк ван / Пер с англ. / Сост. В.В. Петрова. Под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.

Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. №4. М., 1994. С. 17-33.

Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. / В.З. Демьянков // Язык и наука конца XX века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239-320.

Демьянков, В.З. Прототипический подход / В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996а. С. 140-145.

Демьянков, В.З. Сценарий / В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996б. С.181-182.

Демьянков, В.З. Фрейм / В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996в. С. 187-189.

Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков / Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35-47.

Демьянков, В.З. Когниция и понимание текста / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5-10.

Деникин, А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин. 1953: militera.lib.ru

Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г.В. Денисова. М.: Азбуковник, 2003. 289 с.

Доценко, Д.В. Соотношение статистического и динамического в природе лингвокультурного концепта / Д.В. Доценко // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 39-42.

Дронова, Н.П. Религиозный код в репрезентации субтекста нового времени / Н.П. Дронова // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26-28 сентября 2006 года / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 344-346.

Ельцова, Е.Н. Смысловая валентность концептов в тексте перевода / Е.Н. Ельцова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003г. В 2 ч.. Ч.2 Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 126-127

Есакова, М.Н. Когнитивные аспекты переводов художественных произведений / М.Н. Есакова // Вестник Моск. Ун-та, сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002. №1. С.32-43.

Жаботинская, С.А. Концептуальная модель частеречных систем: фрейм и скрипт / С.А. Жаботинская // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. Рязань, 2000. С. 15-21.

Жинкин, Н.И. Язык – речь – творчество / Н.И. Жинкин. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.

Завадский, С.С. Структура матафтонимического мегафрейма / С.С. Завадский // Междунар конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по об-

разованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 105-107.

Зорькина, О.С. О психологическом подходе к изучению текста / О.С. Зорькина // *Язык и культура*. Новосибирск, 2003. С. 205-210.

Зусман, В.Г. Диалог и концепт в литературе / В.Г. Зусман. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. 167 с.

Зусман, В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания / В.Г. Зусман // *Вопросы литературы*. 2003. № 2. С. 3-29.

Калентьева, Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода / Т.Л. Калентьева. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1998. 176 с.

Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград-Архангельск, 1996. С.3-16.

Карасик, В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*. Волгоград-Саратов, 1998.

Карасик, В.И. Характеристики педагогического дискурса / В.И. Карасик // *Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики* Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999а. С.2-18.

Карасик, В.И. Религиозный дискурс / В.И. Карасик // *Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики*. Волгоград, 1999б.

Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // *Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности*: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С.3-16.

Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г. Г. Слышкин // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.

Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002а. С.166-205.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: «Перемена», 2002б. 477с.

Карасик, В.И. Транслируемость концептов / В.И. Карасик // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003г. В 2 ч.. Ч.2. Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 17-19.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 390 с.

Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.

Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.

Караулов, Ю.Н. Языковое сознание как процесс (теоретические предпосылки одного эксперимента) / Ю.Н. Караулов // Слово. Юбилейен сборник, посветен на 70-годишнината на проф. И. Червенкова. София, 2001. С. 128-129.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Едиториал УРСС, 2002. 264 с.

Карпущина, В.Н. Фрагмент анализа фрейма модальности как интерпретационной структуры для дискурса переводов стихотворения Р. Киплинга "If" / В.Н. Карпущина // Человек – Коммуникация – Текст. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 171-178.

Карпущина, В.Н. Аксиологические стратегии текстопождения и интерпретации текста (на материале стихотворений Р. Киплинга и их переводов на русский язык): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Карпущина. Барнаул, 2001. 24 с.

Карпущина, В.Н. Стратегии передачи пресуппозитивного знания при переводе / В.Н. Карпущина // Вопросы теории и практики перевода: Сб. материалов. Пенза, 2003. С. 61-63.

Карпущина, В.Н. Роль предикатов речевого действия в когнитивной структуре текста / В.Н. Карпущина. URL:

<http://www.auditorium.ru/aud/conf/conf44/forum/gb.php?step=view>

Карцевский, С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский / История языкознания 19-20 веков в очерках и извлечениях, ч.2. Отв. ред. В.А. Звегинцев. М., 1965. С. 85-90.

Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В.Б. Касевич. СПб., 1996. 279 с.

Касевич, В.Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса / В.Б. Касевич // XVI Congries International des Linguistes. Paris, 1997. 256 с.

Касевич, В.Б. О когнитивной лингвистике / В.Б. Касевич // Общее языкознание и теория грамматики. СПб., 1998. 271 с.

Кацнельсон, С.Д. Категория языка и мышления: Из научного наследия / С.Д. Кацнельсон. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.

Кобрин, Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития / Н.А. Кобрин // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. shk.-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2002 г. В 2 ч. Тамбов, 2000. Ч.2. С. 170-175.

Кобрин, Н.А. Язык как среда культурного обитания его носителей / Н.А. Кобрин // Филология и культура: Материалы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова, Т.А. Фесенко и др. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. С. 228-231.

Кобрин, Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации / Н.А. Кобрин // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящ. юбилею проф. Н.Н. Болдырева. Тамбов, 2005. С. 77-94.

Колесов, В.В. Отражение русского менталитета в слове / В.В. Колесов // Человек в зеркале наук: труды методологического семинара «Человек» / Под ред. А.О. Боронова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 106-124.

Колесов, В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. СПб.: «Златоуст», 1999. 368 с.

Колесов, В.В. О логике логоса в сфере ментальности / В.В. Колесов // Мир русского слова, 2000. № 2. С. 52-59.

Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Отв. ред. А.М. Шахнарович / Г.В. Колшанский. М.: Наука, 1990. 103 с.

Кондильяк, Э.Б. де. Сочинения / Э.Б. Кондильяк / Пер. с фр.; общ. ред. и примеч. В.М. Богуславского В 3-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1980-1983.

Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии / В.П. Коровушкин: Монография в двух частях. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. 506 с.

Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.П. Коровушкин. Пятигорск, 2005. 48 с.

Коротеева, О.В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук / О.В.Коротеева. Волгоград, 1999. 208 с.

Кравченко, А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология / А.В. Кравченко // Изв. РАН. Серия литературы и языка. Т.60. №5. М., 2001а. С. 3-13.

Кравченко, А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка / А.В. Кравченко. Иркутск: Изд-во ОГУП Иркут. Областная типография № 1., 2001б. 261 с.

Красавский, Н.А. Эмоциональная концептосфера немецкого языка: опыт этимологического анализа [Текст] / Н.А. Красавский // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. №1. С. 38-43.

Красных, В.В. От концепта к тексту и обратно. К вопросу о психолингвистике текста / В.В. Красных // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1998. №1. С. 53-70.

Красных, В.В. Основы психолингвистики и основы коммуникации / В.В. Красных. М.: ИТДГК Гнозис, 2001. 164 с.

Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. М.: Гнозис, 2002. 282 с.

Кругликова, Т.М. К проблеме современной парадигмы изучения языка и речи / Т.М. Кругликова // Язык и время: Материалы межвузовской конференции. Красноярск, 2004.

С. 147-152.

Крушевский, Н.В. Очерк науки о языке / Н.В. Крушевский. Казань, 1883. С.108-109.

Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 120-126.

Кубрякова, Е.С. Возвращаясь к определению знака: Памяти Р. Якобсона / Е.С. Кубрякова // Вопр. языкознания. М., 1993. № 4. С. 18-29.

Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопр. языкознания. М., 1994. №4. С. 34-47.

Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. М.: ИЯ РАН, Тамбов. гос. ун-т, 1997. 327 с.

Кубрякова, Е.С. Языковое сознание и картина мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: Материалы, междунар. конф. Тамбов, 1999. С. 13-16.

Кубрякова, Е.С. Когнитивные аспекты морфологии / Е.С. Кубрякова // Язык: теория, история, типология: Памяти В.Н. Ярцевой. М., 2000. С. 22-27.

Кубрякова, Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е.С. Кубрякова // Известия российской академии наук. Сер. лит. и яз. 2002. №1. С. 13-24.

Кубрякова, Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: Материалы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля

2003 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. С. 32-34.

Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004а. № 1. С. 6-17.

Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004б. 560 с.

Кудинова, Е.А. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Е.А. Кудинова // Современные парадигмы лингвистики. Волгоград, 2005. С. 57-63.

Кузнецов, А.М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики / А.М. Кузнецов / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., Отд. языкознания. М., 2000. С. 8-22.

Кузнецов, В.Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии / В.Г. Кузнецов // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. Ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 358-360.

Кулибина, Н.В. Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя / Н.В. Кулибина. М.: Мир русского слова», № 01, 2001 год. БСМП «ЭЛЕКС-Альфа» portal@gramota.ru

Лагоденко, Д.В. Эмоционально-оценочный компонент в формировании национальной языковой картины мира / Д.В. Лагоденко // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. Материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 361-363.

Лазарев, В.В. Теория фрейма: интердисциплинарный подход / В.В. Лазарев; Л.В. Правикова // Когнитивная парадигма: Фреймовая семантика и номинация. Межвуз. сб. науч. статей. Вып.1. Пятигорск: ПГЛУ, 2002. С. 3-19.

Лакофф, Дж. Когнитивные аспекты языка. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике / Дж. Лакофф, М. Джонсон. №23. М., 1988. С. 34 -58.

Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография / О.А. Леонтович. Волгоград: Перемена, 2002. 435 с.

Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16-21.

Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. АН. Сер. лит-ры и языка. 1993. № 1. Т.52. С. 3-9.

Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От Теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280-289.

Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204с.

Лосев, А.Ф. Языковая структура / А.Ф. Лосев. М.: МГПИ 1983.

Лотман, Ю.М. Несколько мыслей о типологии культуры / Ю.М. Лотман // Языки культуры и проблемы переводимости. М.: Наука, 1987. С. 3-11.

Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Лузина, Л.Г. Когнитивные принципы / Л.Г. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996а. С. 78-79.

Лузина, Л.Г. Когнитивный стиль / Л.Г. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996б. С. 79-81.

Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. Ростов н/Дону: Феникс, 1998. 416 с.

Ляпин, С.Х. Факт в пространстве бытия (опыт концептологического понимания) / С.Х. Ляпин. Архангельск: Изд-во Поморск. пед. ун-та, 1996. 178с.

Ляпин, С.Х. Концептология. К становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центр концепта. Вып. I. Архангельск: Изд-во Поморской гос. ун-та, 1997. С. 11-31.

Ман, П. де. Аллегория чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста / П. де Ман. Изд-во Уральского ун-та. Екатеринбург, 1999. 368 с.

Макаров М.А. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Манакин, В.Н. Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин. Киев.: Знания, 2004. 326 с.

Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208с.

Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие / В.А. Маслова. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256с.

Мацумото, Д. Психология и культура /Д. Мацумото. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 720 с.

Медникова, Э.М. Теория перевода и сопоставительный анализ языков / Э.М. Медникова. М.: МГУ, 1985. 144с.

Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер // Мир русского слова, 2000. №4. С. 41-45.

Минкин, Л.М. Синтаксическая симметрия/асимметрия и языковая природа предложения // Прагматическая и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц / Л.М. Минкин. Краснодар: Кубанский ун-т, 1987. С. 34-37.

Минский, М. Структура для представления знаний / М. Минский // Психология машинного зрения. М.: Мир, 1978. С.250-338.

Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский / Пер с англ./ Под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 152 с.

Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.

Моисеева, С.А. Французское и русское поведение: контактность и дистантность / С.А. Моисеева // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып 1. Воронеж: Изд-во "Истоки", 2002. С. 24-27.

Моисеева, С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: Монография / С.А. Моисеева, Е.А. Огнева. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. 208 с.

Мостовская, И.Ю. Текст: система или системность? / И.Ю. Мостовская Междунар конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. Материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 481-483.

Муравьев, В.А. Проблемы возникновения этнографических лакун: пособие по курсу типологии рус. и фр. яз. / В.А. Муравьев. Владимир: Владимир. гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского, 1980. 104 с.

Неретина С.С. Абеляр и Петрарка: пути самопознания личности (текстологический анализ) / С.С. Неретина // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 134-160.

Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 80-85.

Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004. Вып. 1. С.53-54.

Никонова, Ж.В. Теория фреймов в аспекте лингвистических исследований, 2006 / Ж.В. Никонова // <http://evsrpk.ru/article.php?id=26>

Новосельцева, В.А. О соотношении понятий «содержание художественного концепта» и «лексическое значение художественного слова» / В.А. Новосельцева // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г. В 2 ч.. Ч.2. Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 26-28.

Огнева, Е.А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: Монография / Е.А. Огнева. Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. 228с.

Огнева, Е.А. Построение компаративной модели концепта “экономика” (по материалам художественной прозы) / Е.А. Огнева // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы междунар. науч. конф.: В 2 ч. под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. Белгород: Изд-во БГУ, 2006а. Вып. 9. Ч. 2. С. 205-213.

Огнева, Е.А. Структурное соответствие/несоответствие концептов оригинала и перевода / Е.А. Огнева // Социокультурные проблемы перевода: Сб. науч. тр. В 2-х частях. Вып. 7. Часть 2. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006б. С. 149-158.

Огнева, Е.А. Структура номинативного поля концепта: тенденции адаптации при переводе / Е.А. Огнева // Вісник Харківського національного ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2006. № 726. С. 41-47.

Огнева, Е.А. Концепт “русский офицер” в тексте оригинала и перевода (на материале произведения А.Н. Толстого “Хождение по мукам”) / Е.А. Огнева // Культурные концепты в языке и тексте. Вып. 2. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 137-146.

Огнева, Е.А. Моделирование этнокогнитивной архитектуры литературных произведений: монография /Е.А. Огнева. Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 304 с.

Огнева, Е.А. Когнитивно-дискурсивное пространство текста при переводе / Е.А. Огнева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностран-

ные языки и методика их преподавания. 2012, № 1. – С. 88-95.

Омельченко, С.Р. Концепт и семантика слова / С.Р. Омельченко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003г. В 2 ч.. Ч.2. Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 31-33.

Перевозникова, А.К. Концепт душа в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Перевозникова А.К.; Рос. ун-т дружбы народов. М., 2002. 19 с.

Петренко, В.Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие / В.Ф. Петренко. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 400с.

Петров, В.В. На пути к когнитивной модели языка / В.В. Петров, В.И Герасимов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988. С. 5-11.

Пименова, М.В. О типовых структурных элементах концептов внутреннего мира (на примере концепта душа) / М.В. Пименова // Язык. Этнос. Картина мира. Сб. науч. тр. Кемерово, 2003. С.28-39.

Пиотровский, Р.Г. Инженерная лингвистика и теория языка / Р.Г. Пиотровский. М., 1979.

Пиотровский, Р.Г. Моделирование в лингвистике / Р.Г. Пиотровский // Вопросы романского и общего языкознания. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. С.86-96.

Плотникова, А.М. Когнитивные сценарии глаголов поведения / А.М. Плотникова // Конференция “Филология и культура”. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 383-386.

Полянская, Л.П. Этнографические лакуны в русском и французском языках / Л.П. Полянская // Язык и культура. М., 2003. С. 28-34.

Попова, З.Д. Общее языкознание / З.Д. Попова. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 1987. 212 с.

Попова, З.Д. Когнитивные пропозиции и семантика языка / З.Д. Попова // Язык и национальное сознание. Вып 2. Воронеж: ЦЧКИ, 1999. С. 11-12.

Попова, З.Д. Знаковая ситуация в лингвосемантике / З.Д. Попова // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 208-216.

Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 30 с.

Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж, 2001. 192 с.

Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. 59 с.

Попова, З.Д. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. 314с.

Попова, З.Д. Построение лексико-семантического поля ключевого слова концепта / З.Д. Попова, И.В. Хорошунова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы международного симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003г. В 2 ч.. Ч.2 Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 34-35.

Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин: Монография. Воронеж: «Истоки», 2006. 226 с.

Попова Т.В. Словообразовательная семантика русского глагола в зеркале когнитивной лингвистики // Гуманитарные науки. Выпуск 8. Филология. № 33, 2004.

Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. М.: Высшая школа, 1980. 198 с.

Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. М.: Изд-во Лабиринт, 2007. 256 с.

Проскуряков, М.Р. Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация / М.Р. Проскуряков: Автореф. ... д-ра филол. наук СПбГУ, 2000. 38 с.

Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. В 2 т. Том 1. М.: «Миф». 1993. 368 с.

Рахилина, Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Изв. РАН. Серия литературы и языка. Т.59, №3. М., 2000. С.3-15.

Рашковский, Е.Б. Европейская культура нового времени: библейский контекст / Е.Б. Рашковский // Вопросы философии. № 2. 1996. С. 80-92.

Реале, Дж., Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней. Средневековье/ Дж. Реале, Д. Антисери: в 2 т. Том 2. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1994. 336 с.

Режабек, Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ) / Е.Я. Режабек. М.: УРСС. 2003. 302 с.

Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.

Родионов, А.А. Перевод и методы его исследования в свете общей теории систем / А.А. Родионов // Проблемы типологической, функциональной и описательной лингвистики. М: Международные отношения, 1986. С. 23-27.

Рябцева, Н.К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка / Н.К. Рябцева // Труды Международного семинара "Диалог 2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям": <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp>

Савинков, Б. Почему я признал Советскую власть? /Б. Савинков // Воспоминания. М.: "Московский рабочий", 1990. <http://savinkov.by.ru>

Салмина, Л.М. Н.В. Крушевский и когнитивная логика языка / Л.М. Салмина // Николай Крушевский: научное наследие и современность: Материалы междунар. науч. конф. "Бодуэновские чтения" / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Новое знание, 2002. С. 111-117.

Саморукова, И.В. О понятии «дискурс» в теории художественного высказывания / И.В. Саморукова // Вестн. Самар. гос.ун-та. Сер.: Литературоведение. 2001. № 1. С. 23-27.

Селиванова, Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое пособие / Е.А. Селиванова. К. ЦУЛ, "Фитосоциоцентр", 2002. 336 с.

Селиверстова, О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки / О.Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. №6. М., 2002. С.12-26.

Серво, П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. 379 с.

Серова, И.Г. Современные проблемы филологии: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Зарубежная филология» / И.Г. Серова. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 87 с.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. Статья А.Е. Кубрика. М.: Издательская группа Прогресс, Университет, 1993. 655с.

Сидорова, Т.А. Словообразовательные средства кодирования концептов / Т.А. Сидорова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. Ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 272-274.

Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. М.: Изд-во АКИ, 2008. 232 с.

Ситкарева, И.К. Лакуны в художественном тексте. Лингвокультурологические исследования (на мат-ле художественных произведений писателей франкоязычной Европы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.К. Ситкарева. Пермь: ПГПУ, 2001. 24 с.

Скрипникова, Н.Н. Текст как коммуникативно-когнитивное единство // Язык и национальное сознание / Н.Н. Скрипникова. Вып 2. Воронеж: ЦЧКИ, 1999. С. 71-72

Слышкин, Г.Г. Текстовая концептосфера и ее единицы / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999. С. 18-26.

Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. М.: Academia, 2000а. 128 с.

Слышкин, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000б. С. 38-45.

Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин // Вестник ВГУ, Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”, 2004, № 1. Волгоград: Изд-во ВГУ. С.29-34.

Солганик, Г.Я. К определению понятия “текст” и “медиа-текст” / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета, 2005. № 2. С.8-10.

Сорокин, Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. М.: Наука, 1985. 168 с.

Сорокин, Ю.А. Что мы делаем, когда переводим художественный текст / А.Ю. Сорокин // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2005. Вып.1. С. 44-48.

Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Ф. де Соссюр. М.: Прогресс, 1990. 280 с.

Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с., илл. (Единый гуманитарный мир / Культурология / Summa).

Стернин, И.А. Концепты и лакуны / И.А. Стернин, Г.В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2000. С. 55-67.

Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. Воронеж, 2001. С.58-65.

Стернин, И.А. Национальное коммуникативное поведение как предмет лингвистического и методического описания / И.А. Стернин // Русское и французское коммуника-

тивное поведение. Вып. 1. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. С.5-10.

Стернин, И. А. Моделирование концепта в лингвоконцептологии / И.А. Стернин // Междунар конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 78-79.

Сулимов, В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации / В.А. Сулимов // Филол. науки. №1, 2006. С. 40-47.

Талми, А. Отношение грамматики к познанию / А. Талми // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 91-115.

Тарасова, И.А. Категория когнитивной лингвистики в исследовании идеостиля / И.А Тарасова. Языкознание. 2004. №1.

Телия, В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В.Н. Телия // Филология и культура. Материалы второй междунар. конф. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. С. 45-47.

Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебн. пособие / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. М.: Хранитель, 2007. 286 с.

Толочко О.В. Образ как составляющая концепта школа / О.В. Толочко // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. С. 130-134.

Топорова, В.П. Семантическая программа концепта / Топорова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. В 2 ч.. Ч.2 Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 39-41.

Ушаков, А.И. Лавр Корнилов / А.И. Ушаков, В.П. Федюк. М.: Молодая гвардия, 2006. 398 с.

Фесенко, Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода / Т.А. Фесенко. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 228 с.

Фесенко, Т.А. Концептуальный перевод в структуре взаимоотношения “действительность – мышление – сознание – язык” / Т.А. Фесенко // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 112-122.

Фесенко, Т.А. К проблеме когнитивной модели текста / Т.А. Фесенко // *Филология и культура: Материалы V международного науч. конф. 19-21 октября 2005 года* / Отв. ред. Т.А. Фесенко, Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания Рос. Академии наук, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Общерос. обществ. организация “Российская ассоциация лингвистов-когнитологов”. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 32-35.

Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филлмор // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 12. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 74-122.

Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-93.

Фомичева, Ж.Е. О когнитивно-стилистическом подходе к анализу художественного текста / Ж.Е. Фомичева // *Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. Материалов 26-28 сентября 2006 года* / Отв. ред.; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 491-493.

Харченко, В.К. Писатель Сергей Есин: язык и стиль: Монография / В.К. Харченко. М.: “Современный писатель”, 1998. 240 с.

Харькова, Е.В. Концепт как единица языка, мышления и культуры и методы его анализа / Е.В. Харькова // *III Международный. Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы: в 2 т.* / Под общ. ред. К.Р. Гали-

улина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т.2. С. 26-28.

Чарыкова, О.Н. Концептосфера и система языка / О.Н. Чарыкова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003г. В 2 ч. Ч.2. Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. С. 46-47.

Черкашин, Н.А. Адмирал Колчак. Диктатор поневоле / Н.А. Черкашин. М.: "Вече", 2005. 376 с.

Чернобров А.А. Специфика религиозного дискурса в лингвистике: Сб.: Образование и культура России в изменяющемся мире. Новосибирск, 2007. С. 94-98.

Чернявская, В.Е. Текстуальность как когнитивный феномен / В.Е. Чернявская // Конференция "Филология и культура". Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 47-48.

Шанский, Н.М. Лингвистический анализ художественного текста / Н.М. Шанский. Л.: Просвещение, 1984. 268 с.

Шаховский, В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты / В.И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, изд-во "Перемена", 1996. С. 80-96.

Швейцер, А.Д. Текст и перевод / А.Д. Швейцер. М.: Наука, 1988. 120с.

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Е.И. Шейгал. Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

Шмелёв, А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелёв. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.)

Шмелёв, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация / А.Д. Шмелёв // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты. Ростов н/Д: Изд-во ИУБиП, 2004. С. 29-30.

Шпет, Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольда / Г. Шпет. Изд 3-е, стереотип. М.: КомКнига, 2006. 216 с.

Щерба, Л.В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. Т.1. Петроград, 1915.

Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Изд-во «Гнозис», 1994. 343 с.

Beaugrande, R. de. New foundation for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society / R. de Beaugrande. Norwood, N.J.: Ablex, 1997. 130 p.

Benoist, L. Signes, symbols et mythes / L. Benoist. P.: PUF, 1981. 128 p.

Cook, G. Discours and Literature / G. Cook. Oxford University Press, 1994. 285 p.

Cowley, S.J. The Cognitive Dynamics of distributed Language / S.J. Cowley // Language Sciences, 2007. 29/5. Pp. 575-583.

Croft, W. and Cruse D. A. Cognitive Linguistics / W Croft, D. A. Cruse. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.

Cruse, A. Meaning in Language: An Intriduction to Semantics and Pragmatics / A. Cruse. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 421 p.

Fillmore, Ch.J. Frame semantics / Ch.J. Fillmore // LiM ed. Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981. – Seoul: Hanship, 1982. Pp. 111-137.

Fillmore, Ch.J. Frames and the semantics of understanding / Ch.J. Fillmore. Quaderni di semantica, 1985, Vol. VI, no.2. Pp. 222-254.

Foucault, M. L'archéologie du savoir / M. Foucault. P., 1969. 275p.

Frawley, W. Linguistic Semantics (Text) / W. Frawley. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. 533 p.

Geeraerts, D. Cognitive semantics and the history of philosophical epistemology / D. Geeraerts // Conceptualizations and mental processing in language. B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1993. Pp. 53-79.

Gibbs, R.W. Psycholinguistics and Mental Representations / R.W. Gibbs., Matlock Jr. and Teenie // Cognitive Linguistics. 1999. № 3. Pp. 263-270.

Givón, T. Syntax: A functional-typological introduction / T. Givón: V.1. A.; Ph.: Benjamins, 1984. xx, 464 p.

Givón, T. Prototypes: Between Plato and Wittgenstein / T. Givón // Noun classes and categorization: Proc. of a Symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983. A.; Ph.: Benjamins, 1986. Pp.77-102.

Gruber, J.S. Lexical, conceptual and encyclopedic meaning / J.S. Gruber. – Quaderni di semantica, 1985, Vol. VI, no. 2. Pp. 254-267.

Guillaume, G. Langage et science du langage / G. Guillaume. Paris: Librairie A-G. Nizet, Québec: Press de l'université, Laval, 1969. 225 p.

Holland, D. Cultural Models in Language and Thought / D. Holland, N. Quinn. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 220 p.

Hudson, R. Some basic assumptions about linguistic and non-linguistic knowledge / R. Hudson. Quaderni di semantica, 1985, Vol. VI, no. 2. Pp. 284-287.

Hurdy, G. Networks of Meaning: A Bridge between Mind and Matter / G. Hurdy. Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. 217 p.

Jackendoff, R. Semantics and Cognition / R. Jackendoff. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1984. XIV. 283 p.

Jackendoff, R. Semantic Structures / R. Jackendoff. Cambridge, Mass. 1990. 322 p.

Jackendoff, R. What is concept? Frames, fields and contrasts. New essays on semantics and lexical organization / R. Jackendoff. Hillsdale, 1992. Pp. 191-209.

Jackendoff, R. Patterns in the Mind: Language and Human Nature / R. Jackendoff. New York: Basic Books. 1994. 246 p.

Jackendoff, R. Semantic Structures (Text) / R. Jackendoff. Cambridge, MA; London : The MIT Press, 1995. 322 p.

Jackendoff, R. Languages of the Mind. Essays on Mental Representation / R. Jackendoff. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 1996. 200 p.

Jackendoff, R. Language, consciousness, culture: essays on mental structure / R. Jackendoff. Hardcover, MIT Press, 2007. 403 p.

Johnson-Laird, P.N. Mental Models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness (Text) / P.N. Johnson-Laird. Cambridge (et al.): Cambridge University Press, 1983. 513 p.

Kluwin, T.N. Discourse in deaf classrooms: The structure of teaching episodes / T.N. Kluwin . Discourse Processes, 6, 1983. Pp. 275-93.

Koch, P. Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view, in: Haspelmath, M. et al. / P. Koch // Language Typology and Language Universals. An International Handbook/Ein internationales Handbuch/Manuel international. 2 vol., Berlin/New York, II, 2001. Pp. 1142-1178.

Lakoff, G. Categories and cognitive models / G. Lakoff // Berkeley cognitive science report, №2. Berkeley: Institute for Human Learning (U. of California), 1984. Pp. 275-304.

Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things. What categories reveal about the mind / G. Lakoff. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Langacker, R. A View of Linguistics Semantics / R. A. Langacker // Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam, Philadelphia, 1988. Pp. 49-90.

Langacker, R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R. A. Langacker. Berlin-N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990. 383 p.

Langacker, R.W. Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise / R. W. Langacker // Cognitive Linguistics: Foundations,

Scope and Methodology / Ed. by T.Janssen, G. Redeker . N. Y., 1999. Pp. 13-59.

Love, N. Cognition and the Language Myth / N. Love // Language Sciences, 26 (6), 2004. Pp. 525-544.

Love, N. Is Language a Digital Code? / N. Love // Language Sciences, 29, 2007. Pp. 690-709.

Luhn, H.P. The Automatic Creation of Literature Abstracts / H.P. Luhn // IBM Journal of Research and Development, 1958, v. 2, N 2. Pp. 159-165.

Minsky, M. A framework for representing knowledge / M. Minsky // D. Metzging ed. Frame conceptions and text understanding. B.; N.Y.: Gruyter, 1980. Pp. 1-25.

Nemeth, C.P.; Cook, R.I.; Oapos; Connor, M.; Klock, P.A. Using cognitive artifacts to understand distributed cognition / C.P. Nemeth; R.I. Cook; Oapos; M. Connor; P.A. Klock // Systems, Man and Cybernetics, Part A, IEEE Transactions on Volume 34, Issue 6, Nov. 2004. Pp. 726-735.

Newmark, P. Round-table Discussion on Translation in the New Millennium / P. Newmark // Translation Today: Trends and Perspectives / eds. G. Anderman, M. Rogers. Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 2003. 232 p.

Norman, D. Twelve Issues for Cognitive Science / D. Norman // Cognitive Science. 1980. Vol.4. No 1.Pp. 1-32.

Ogneva, H.A. Interpretative Potential of Cognitive-Comparative Modeling of Fiction Conceptsphere / H.A. Ogneva // US-China Foreign Languages. November 2012, Vol.10, No. 11. David Publishing Company, USA. – Pp. 1704-1714.

Paradis, C. “Is the notion of linguistic competence relevant in Cognitive Linguistics?” / C. Paradis // Annual Review of Cognitive Linguistics, 1., 2003.

1. *Saeed, J.I.* Semantics (Text) / J. I. Saeed. Oxford : Blackwell, 1997. 360 p

Pavio, A. Mental Representations / A. Pavio // A Duel Coding Approach. Oxford, 1986. 322 p.

Porter, R. An Introduction to Intercultural Communication / R. Porter // Intercultural Communication. Wadsworth Publishing Company, 1997. Pp. 5-26.

Raymond, W. Gibbs Jr. Literal meaning and psychological theory / W. Raymond // Cognitive Science: A Multidisciplinary Journal, Volume 8, Issue 3 July 1984. Pp. 275-304.

Schank R.C. and Abelson R.P. Scripts, Plans, Coals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures // R.C. Schank and R.P. Abelson. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Ass., 1977. 248 p.

Schank, R.C. Dynamic Memory / R.C. Schank. Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1982a. 234 p.

Schank, R.C. Reading and Understanding: Teaching from the Perspective of Artificial Intelligence / R.C. Schank. Hillsdale, N.Y.: Lawrence Erlbaum Ass., 1982b. 196 p.

Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy // Concept Structuring System. 2-ed edition.: The MIT Press. Cambridge Massachusetts; London, England, 2001. Vol. 1. 565 p.

Taylor, J.R. Linguistics Categorization: Prototypes in Linguistic Theory / J.R. Taylor. Oxford: Clarendon Press, 1995. 312 p.

Ungerer, F. An Introduction to Cognitive Linguistics (Text) / F. Ungerer, H.-L. Schmid. London ; New York : Longman, 1996. 306 p.

Wierzbicka, A. Dusa ('soul'), toska ('yearning'), sud'ba ('fate'): Three Key Concepts in Russian Language and Russian Culture / A. Wierzbicka. In: Z. Saloni (ed.). Metody formalne wopisje jesukow slowianskish. Bialystok: Bialystok Univ. Press, 1990. Pp. 13-36.

Wierzbicka, A. "Cultural Scripts": a new approach to the study of cross-cultural communication / A. Wierzbicka // M.Putz (ed.) Language Contact and Language Conflict. Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 67-87.

Zlatev, J. Meaning = Life (+ Culture): An outline of a unified biocultural theory of meaning / J. Zlatev. Evolution of Communication, Vol. 4, No. 2., 2002. Pp. 253-296.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ:

1. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

2. НФРС – Гак, В.Г., Ганшина К.А. Новый франко-русский словарь: 70000 слов, 200000 ед. пер., 3-е изд. испр. М.: Русский язык, 1997. 1195 с.

3. ППБЭС – Полный Православный богословский энциклопедический словарь в 2-х томах. Репринтное издание. М.: Московская типография № 4 Министерства печати и информации, 1992. 2454 с.

4. ПЦСС. Полный церковно-славянский словарь: 30000 слов / Сост. свящ. магистр Г. Дьяченко. М.: “Отчий дом”, 2005. 1120 с.

5. РАС – Караулов, Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова Кн. 1. От стимула к реакции. М.: Издательство АСТ, 2002. 784 с.

6. РАФСП – Кузьмин, С.С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика / С.С. Кузьмин. М.: Флинта: Наука, 2001. 776 с.

7. РКП – Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 318 с.

8. РФС – Щерба, Л.В. Русско-французский словарь / Л.В. Щерба, М.И. Матусевич: 50000 слов. 14-е изд., стереотип. М.: Рус.яз., 1993. 848 с.

9. СК – Руднев, В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. М.: Аграф, 1999. 384 с.

10. СРЯ – Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. М.: Русский язык, 1976. 846 с.

11. ТПС – Нелюбин, Л.А. Толковый переводоведческий словарь / Л.А. Нелюбин. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 318 с.

12. ТСЖВЯ – Даль, В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка в 4-х т / В.И. Даль. М.: Русский язык, 1999. 2716 с.
13. ТСИС – Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп. М.: Рус. яз., 2000. 856с. (Б-ка словарей рус. яз.)
14. ФЛСС – Франция. Лингвострановедческий словарь. 7000 единиц / Под ред. д. ф. н. проф. Л.Г. Ведениной. М.: Интердиалект+ АМГ, 1997. 1040 с.
15. ФРФС – Гак В.Г., Кунина И.П. Французско-русский фразеологический словарь. Около 35000 выражений. / Под ред. В.Г. Гака, И.А. Кунина, Я.И. Репкера. М.: гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 1112 с.
16. DAALF – Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1978. 1376 p.
17. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Third Ed., Bungay (Suffolk), 1995. P. 279.
18. OSDE – Oxford Student`s Dictionary of English. Oxford University Press, 2001. 743p.

ИСТОЧНИКИ

Бунин, И.А. Легкое дыхание. Повести и рассказы. Митина любовь / И.А. Бунин. Саратов: Саратовский университет, 1988. С. 5-61.

Гоголь, Н.В. Повести. Мертвые души. Шинель / Н.В. Гоголь. М.: ООО “Издательство АСТ”: “Олимп”, 2002. С. 214-246.

Гоголь, Н.В. Повести. Мертвые души. Невский проспект / Н.В. Гоголь. М.: ООО “Издательство АСТ”: “Олимп”, 2002. С. 91-125.

Горький, М. Собр. Сочин. в двух томах. Т. II. В людях. / М. Горький. М.: Полиграфресурсы, 2000. С. 207-527

Достоевский, Н.Ф. Идиот / Н.Ф. Достоевский. М.: Художественная литература, 1978. 540 с.

Макаренко, А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко. Ижевск: Удмуртия, 1988. 608с.

Пастернак, Б.А. Доктор Живаго / Б.А. Пастернак. Роман. М.: “Книжная палата”, 1989. 429 с.

Толстой, Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. М.: Советская Россия, 1984. 560с.

Толстой, Л.Н. Война и мир / Л.Н. Толстой. М.: Эксмо, 2008. 1565 с.

Толстой, А.Н. Петр Первый / Л.Н. Толстой: Роман. / Вступ. статья Е. Осетрова. М.: “Художественная литература”, 1981. 671 с.

Толстой, А. Хождение по мукам / А. Толстой: Трилогия. Восемнадцатый год, Т. II. М.: Худож. лит., 1987. 542 с.

Тургенев, И.С. Отцы и дети / И.С. Тургенев. М.: Советская Россия, 1981. 210 с.

Чехов, А.П. Степь / А.П. Чехов: <http://www.classic-book.ru>

Чехов, А.П. Повести и рассказы. Вступ. ст., комментарии И.Н. Сухих. Ванька / А.П. Чехов. М.: МИД “Синергия”, 2000. С. 365-380.

Чехов, А.П. Повести и рассказы. Вступ. ст., комментарии И.Н. Сухих. Дама с собачкой / А.П. Чехов. М.: МИД “Синергия”, 2000. С. 365-380.

Чехов, А.П. Повести и рассказы. Крыжовник / А.П. Чехов // Вступ. ст., комментарии И.Н. Сухих. М.: МИД “Синергия”, 2000. С. 334-344.

Шишков В.Я. Угрюм-река: Роман / В.Я. Шишков. М.: Современник, 1972. Кн. 1. 478 с., Кн. 2. 512 с.

Bunin, I. Light Breathing and Other Stories. Mitya`s Love / I. Bunin/ Tr. from Russian by Olda Shartse. Moscow: Raduga Publishers, 1988. Pp. 125-184.

Chekhov, A. The steppe / A. Chekhov / Tr. from Russian by R.Pevear and L.Volokhonsky/URL: <http://www.readprint.com/work-339/Anton-Chekhov>

Chekhov, A. Stories. The Lady with the Dog / A. Chekhov / Tr. from Russian by I. Litvinov. Moscow: Raduga Publishers, 2001. Pp. 132-150.

Chekhov, A. Stories. Gooseberries / A. Chekhov / Tr. from Russian by Ivy Litvinov. Moscow: Raduga Publishers, 2001. Pp. 101-111.

A. Chekhov. Stories. Vanka / Tr. from Russian by Ivy Litvinov. Moscow: Raduga Publishers, 2001. Pp. 35-39.

Dostoevsky, F. The Idiot / F. Dostoevsky / Tr. from Russian by R. Pevear and L. Volokhonsky. M.: Wordsworth classics, 1996. Pp. 580.

Dostoïevski, F. L'idiot / F. Dostoïevski / Tr. du russe par G. et G. Arout. P.: Brodard et Taupin, 1972. 1059 p.

Gogol, N. Récits de Pétersbourg. Le manteau / N. Gogol / Tr. du russe par B. de Schloezer. Paris: Éditions: Garnier-Flammation, 1968. Pp. 29-60.

Gogol, N. A Selection. The Greatcoat / N. Gogol / Tr. from Russian by Ch. Ehglisch. Moscow: Progress Publishers, 1980. Pp. 225-255.

Gogol, N. Récits de Pétersbourg. La Perspective Nevsky / N. Gogol / Tr. du russe par B. de Schloezer. Paris: Éditions: Garnier-Flammation, 1968. Pp. 113-149.

Gogol, N. A Selection. Nevsky Prospect / N. Gogol / Tr. from Russian by Ch. Ehglisch. Moscow: Progress Publishers, 1980. Pp. 113-147.

Gorki, M. En gagnant mon pain / M. Gorki / Tr. du russe par J. Loubes. Paris: Editions Fournier, 1946. 303 p.

Gorky, M. My Apprenticeship / M. Gorki / Tr. from Russian by M. Wettlin. Moscow: Progress Publishers, 1974. 485p.

Makarenko, A. Poème pédagogique. Les Drapeaux sur les tours / A. Makarenko / Tr. du russe par J. Champenois. M.: Edition du Progrès, Livre Club Dideron, 1974. 1232 p.

Pasternak, B. Le docteur Jivago / B. Pasternak. P.: Edition Gallimard, 1979. 697 p.

Pasternak, B. Doctor Zhivago / B. Pasternak. / Tr. from Russian by M. Hayward and M. Harari. New York: Pantheon Books, a division of Random House 1958. 559 p.

Tolstoï, L. La guerre et la paix / L. Tolstoï / Tr. du russe par B. de Schloezer. P.: Gallimard, 2007. 2078 p.

Tolstoy, L. War and Peace / L. Tolstoy / Tr. from Russian by L. and A. Maude. London: Wordsworth Editions, 2001. 964 p.

Tolstoy, L. Anna Karenina / L. Tolstoy / Tr. from Russian by R. Pevear and L. Volokhonsky: URL: <http://www.literature.org/authors/tolstoy-leo/anna-karenina/part-01/index.html>.

Tolstoï, L. Anna Karénine / L. Tolstoï / Tr. du russe par S. Luneau. Paris: Éditions Gallimard, 1952. 909 p.

Tolstoï, A. Pierre Ier. Roman en trois livres / A. Tolstoï / Tr. du russe: livres premier et deuxième par A. Orane, livre troisième par A. Orane et C. Falk. M.: Editions en langues étrangères. 1982, Ier – 434 p., IIe, IIIe – 557 p.

Tolstoy, A. Peter the Great / A. Tolstoy / Tr. from Russian by Al. Miller. M.: Progress Publishers, 1982. Ist – 453p., IId, IIId – 453p.

Tolstoï, A. Le chemin des tourments / A. Tolstoï: Trilogie. L'an dix-huit / Tr. du russe par Alice Orane. M.: Edition en langues étrangères, 1962. 445 p.

Tolstoï, A. Odeal / A. Tolstoï: Trilogie. book 2, 1918. / Tr. from Russian by I. and T. Litvenova, 1975. M.: Progress Publishers. 362 p.

Tchekhov, A. La steppe / A. Tchekhov / Tr. du russe par Vl. Volkoff. Paris: Librairie Générale Française, 1995. 125 p.

Turgenev I. Fathers and Sons / I. Turgenev / Tr. from Russian by L. Kelly. L.: Wordsworth Classics, 210 p.

Shishkov V.Ya. The Gloomy River / Tr. from Russian by I. Henderson. UK, 2005. 493 p.

Е.А. Огнева

Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста

Издательство «Эдитус»
129515, г. Москва, ул. Академика Королева, 13
+7 499 608-00-28
www.editus.ru

Подписано в печать 29.05.13
Формат 148x210. Печ. л. 35
Печать цифровая. Бумага офсетная
Тираж 116 экз. Заказ №109615

ISBN 978-5-906162-82-3

www.editus.ru

9 785906 162823 >